

Чарлз Буковски

Почтамт

*Сие представлено как художественное произведение
и никому не посвящается.*

Почтамт Соединенных Штатов Лос-Анжелес, Калифорния

Отдел Почтмейстера 1 января 1970 г.

Меморандум 742

КОДЕКС ПОВЕДЕНИЯ

Настоящим внимание всех сотрудников обращается на Кодекс Поведения для почтовых служащих, изложенный в Части 742 Почтовой Инструкции, и Руководство для Работников, намеченное в Части 744 Почтовой Инструкции.

За много лет почтовые служащие установили прекрасную традицию верной службы Нации, не превзойденную иными группами. Каждый служащий должен испытывать чувство большой гордости за эту традицию преданной службы. Каждый из нас должен стремиться сделать свой вклад в продолжающееся движение Почтовой Службы к будущему прогрессу в интересах общества достойным.

Весь почтовый персонал обязан действовать с непреклонной прямоотой и полной преданностью интересам общества. Мы надеемся, что почтовый персонал будет соблюдать высочайшие нравственные принципы и поддерживать законы Соединенных Штатов, а также правила и политику Почтового Департамента. Требуется не только высоконравственное поведение, но официальные лица и наемные работники должны тщательно избегать действий, которые могут быть истолкованы как препятствующие исполнению обязанностей почтового служащего. Данные обязанности должны выполняться сознательно и эффективно. Почтовая Служба обладает уникальной привилегией ежедневного общения с большинством граждан Нации и является во многих случаях средством их наиболее непосредственного общения с Федеральным Правительством. Таким образом, каждому почтовому работнику представляется особая возможность и ответственность действовать с честью и достоинством, заслуживающими общественного доверия, что отражает ценность и заслуги Почтовой Службы и всего Федерального Правительства.

От всех служащих требуется изучить Часть 742 Почтовой Инструкции Основные Нормы Нравственного Поведения, Личное Поведение Служащих, Ограничения Политической Деятельности и т. д.

Подпись Ответственного Лица

ОДИН

1

Все началось как ошибка.

Стояло Рождество, и от алкаша, жившего на горке, который проделывал это каждый год, я узнал, что они берут чуть ли не всех подряд, поэтому и пошел. И не успел глазом моргнуть, как понял: у меня на горбу кожаный мешок, и я тащу его в свое удовольствие. Вот так работенка, подумал я. Семечки! Дают всего квартал или два, и если удастся их закончить, штатный почтальон даст разнести еще один, или, может, вернешься, и в

сортировке дадут еще – никакой спешки, распахиваешь себе поздравительные открытки по ящикам.

Наверное, на второй день рождественской шары за мной разносить письма увязалась эта здоровая тетка. Здоровая в том смысле, что у нее была здоровая задница, здоровые сиськи, и вся она в нужных местах была большой. Она казалась слегка чокнутой, но я оторваться не мог от ее тела, и мне было наплевать.

Она трещала, не закрывая рта. Потом все прояснилось. Муж ее служил офицером на острове где-то очень далеко, а ей одиноко стало, знаете ли, живет она в этом домике на задворках совершенно одна.

– В каком домике? – спросил я.

Она написала адрес на клочке бумаги.

– Мне тоже одиноко, – сказал я. – Зайду вечером и поговорим.

Я жил тогда с одной, но моей бабы половину времени не было дома, шлялась где-то, и я был одинок без базара. Я тосковал по вот такой здоровой заднице, что стояла рядом.

– Ладно, – сказала она, – до вечера.

Хороша-то она хороша была, тетка что надо, но, как и со всеми тетками, после третьей или четвертой ночи я начал терять интерес и больше не возвращался.

Но мне не давала покоя мысль: Боже, у почтальонов других дел нет – только письма разносить, да в койки прыгать. Это работа для меня, о да да да.

2

Поэтому я пошел на экзамен, сдал его, пошел на медкомиссию, прошел ее, и вот я – подменный доставщик. Начиналось легко. Меня отправили на участок в Западный Эйвон, и все было совсем как на Рождество, только без траха. Каждый день я ждал, что меня трахнут, но меня не трахали. Суперинтендант же был нормальный, и каждый день я гулял, обходя квартал то здесь, то там. У меня даже формы не было, одна кепка. Я носил обычную одежду. Так как мы с моей Бетти кириали, на одежду едва ли оставалось.

Затем меня перевели на Окфордский Участок.

Сортировкой заправлял бычина по фамилии Джонстон. Там всем нужно было лечиться, и я понял, почему. Джонстон любил носить темно-красные рубашки – они означали опасность и кровь. Сменщиков было семеро: Том Мото, Ник Пеллигрини, Герман Стрэтфорд, Роза Андерсон, Бобби Хансен, Гарольд Уайли и я, Генри Чинаски.

Начало – в пять утра, и я там был единственным кириалой. Я всегда квасил допоздна, а в 5 утра мы уже сидели, дожидаясь, чтобы зачли время, что кто-нибудь из штатных заболит. Штатные обычно бюллетенили, когда шел дождь или стояла жара, или сразу после праздника, когда почты в два раза больше. 40 или 50 разных маршрутов, может, больше, каждый сложнее другого, ни один не запомнишь, надо было забирать почту и к 8 утра быть как штык к развозке, а Джонстон не принимал никаких извинений. Сменщики развозили свои журналы по перекресткам, оставались без обеда и подыхали прямо на улицах. Джонстон давал нам паковать ящики по маршрутам на 30 минут позже – крутился на своем кресле в красной рубашке:

Чинаски, берешь маршрут 539!

Начинали мы на полчаса позже, но все равно должны были развезти, доставить почту, да еще и вернуться вовремя. И раз или два в неделю, уже отпидарашенные и выебанные, мы должны были выходить в ночную сортировку, а расписание, прищипленное к доске, было хреновым дальше некуда: грузовик так быстро просто не ездил. В первом завозе приходилось пропускать четыре-пять ящиков, а к следующему их уже заваливали почтой, и ты вонял и бегал, потая и запихивая их в мешки. Нормально меня трахнули. Джонстон за этим проследил.

3

Сами сменщики делали Джонстона возможным, поскольку повиновались его невозможным приказам. Я не понимал, как подобному монстру позволено занимать такую должность. Штатным было до лампочки, профсоюзный деятель никуда не годился, поэтому я накопал тридцатистраничный рапорт в один из выходных, отправил копию Джонстону, а вторую взял с собой в Федеральное Здание. Клерк велел мне обождать. Я ждал, ждал, ждал. Я ждал час и тридцать минут, затем меня ввели, и я увидел маленького седого человечка с глазами, как сигаретный пепел.

Он даже не попросил меня присесть. Он заорал, как только я переступил порог:

– Умничаешь, значит, сукин сын, так?

– Вы б не выражались, сэр!

– Вот умник выискался, такие сукины дети словарей нахватались и выгребаются!

Он замахал на меня моими бумагами. И завопил:

– МИСТЕР ДЖОНСТОН – ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

– Не дурите. Он – очевидный садист, – ответил я.

– Ты сколько работаешь на Почтамте?

– Три недели.

– МИСТЕР ДЖОНСТОН РАБОТАЕТ НА ПОЧТЕ УЖЕ 30 ЛЕТ!

– А какое это имеет значение?

– Я сказал: МИСТЕР ДЖОНСТОН – ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Бедняге, наверное, хотелось меня пришибить. Должно быть, они с Джонстоном спали вместе.

– Хорошо, – сказал я, – Джонстон – прекрасный человек. Выкиньте всю эту поеботину из головы.

Я ушел и взял себе еще один отгул. Без содержания, конечно.

4

Когда Джонстон увидел меня на следующее утро в 5, то крутнулся на кресле – лицо и рубашка у него были одного цвета. Но ничего не сказал. По барабану. До 2 часов ночи я кирял и трахался с Бетти. Я откинулся на стену и закрыл глаза.

В 7 Джонстон развернулся в кресле снова. Остальных сменщиков уже отправили на работу или послали на другие участки, где нужна была помощь.

– Это все, Чинаски. Для тебя сегодня ничего нет.

Он наблюдал за моим выражением. Черт, какая разница. Мне хотелось одного – лечь в постель и задрушлять.

– Ладно, Камешек, – ответил я. Среди доставщиков он проходил под кличкой Камень, но только я называл его так в лицо.

Я вышел, старая машина завелась, и вскоре я уже был в постели с Бетти.

– О, Хэнк! Как мило!

– Чертовски верно, крошка! – Я подтянулся к ее теплему хвосту и уснул за 45 секунд.

5

Но на следующее утро произошло то же самое.

– Это все, Чинаски. Сегодня для тебя ничего нет.

Так продолжалось неделю. Я сидел там каждое утро с 5 до 7, и мне не платили.

Мое имя даже вычеркнули из ночной сортировки.

Потом Бобби Хансен, один из сменщиков постарше – по сроку службы – сказал мне:
– Он как-то раз мне так тоже сделал. Старался, чтоб я с голоду подох.
– Да плевать. Не собираюсь жопу ему целовать. Или уволюсь, или с голоду подохну, все равно.
– Не обязательно. Докладывайся каждый вечер на Участке Прелл. Скажи в сортировке, что здесь у тебя нет работы и что ты можешь сидеть сменщиком особой доставки.
– А так можно? Не запрещают?
– Я раз в две недели зарплату получал.
– Спасибо, Бобби.

6

Забыл, когда начинал. В шесть или 7 вечера. Где-то около.
Я садился с кучкой писем, брал карту улиц, прикидывал пробежку – и только.
Легко и просто. Все водители тратили гораздо больше времени, чем необходимо, на то, чтобы продумать свои маршруты, и я тоже не высывался. Уходил, когда уходили остальные, и возвращался вместе со всеми.
Затем делал еще один маршрут. Оставалось время посидеть в кофейне, почитать газеты, почувствовать себя пристойно. Даже пообедать успевал. Когда нужен был отгул, я его брал. На одном из маршрутов была такая крупная деваха, получавшая заказные письма каждый вечер. Она шила сексапильные платья, ночнушки и сама же носила их. Ты взбегал по ее крутым ступенькам около 11 вечера, давил на звонок и вручал ей заказное. Она тихонько ахала, что-то вроде:
OOOOOOOOOOOOOxxxxxxxXXXX! – а сама стояла близко, очень близко, и не отпускала тебя, пока не прочтет письмо, а затем говорила:
OOOOOooох, спокойной ночи, спасибо ВАМ!
– Да, мэм, – отвечал ты, отваливая трусцой, с членом, набухшим, как у быка.
Но это неминуемо должно было кончиться. Конец пришел по почте примерно через полторы недели свободы.

Дорогой мистер Чинаски, Вам надлежит явиться на Окфордский Участок незамедлительно. Отказ повлечет за собой возможные меры дисциплинарного порядка или увольнение.
А.Э.Джонстон, Суперинтендант, Окфордский Участок.

Я снова был на кресте.

7

– Чинаски! Берешь маршрут 539!
Самый херовый на участке. Многоквартирные дома с ящиками, где имена соскоблили, или же их никогда не было вообще, под крошечными лампочками в темных вестибюлях. На лестницах стояли старухи, они встречались тебе по всей улице, задавая один и тот же вопрос, как один человек с одним голосом:
– Почтальон, у вас для меня почта есть?
И хотелось орать:
– Бабка, откуда, к чертовой матери, я знаю, кто ты такая, кто я такой и кто вообще тут все?
Пот капает, бодун, график невозможный, да еще Джонстон сидит там в своей красной рубашке и знает про это все, наслаждается, делает вид, что идет на это, чтобы снизить

себестоимость. На самом деле, все знали, зачем он так поступает.

Ох, какой же он прекрасный человек!

Люди. Люди. И собаки.

Давайте, я расскажу вам о собаках. Стоял один из тех 100-градусных дней, а я бежал, потая, больной, похмельный, в полубреду. Остановился у небольшого жилого дома, где почтовый ящик внизу, прямо на мостовой. Отщелкнул его своим ключом. Ни звука. Вдруг чувствую – кто-то тычется мне сзади в промежность. И шевелится там. Оборачиваюсь – немецкая овчарка, взрослая, и нос свой мне в очко чуть не наполовину засунула. Щелкнет челюстями разок и все яйца выдерет. Я решил, что эти люди не получают сегодня свою почту – может, вообще никогда никакой почты не получают. В натуре, парень, она там своим носом работала. НЮФ! НЮФ! НЮФ!

Я положил почту обратно в кожаную сумку, а затем очень медленно – очень – сделал полшага вперед. Нос за мной. Еще полшажка – другой ногой. Нос не отстает. Затем я делаю медленный, очень медленный полный шаг. За ним еще один.

Не шевелюсь. Нос отклеился. Она стоит и на меня смотрит. Может, ей никогда не приходилось ничего подобного нюхать, и она не поняла, что нужно делать.

Я тихонько ушел.

8

Была и еще одна немецкая овчарка. Стояло жаркое лето, и она ВЫНЕСЛАСЬ со двора и ПРЫГНУЛА в воздух. Зубы ее щелкнули, едва не прокусив мне кадык.

– О БОЖЕ! – заверещал я, – ОХ ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ! УБИВАЮТ! УБИВАЮТ! ПОМОГИТЕ! УБИВАЮТ!

Тварь развернулась и прыгнула снова. Я хорошенько впаял ей по морде мешком для почты прямо в воздухе, письма и журналы разлетелись. Тварь готовилась к прыжку еще раз, когда вышли двое парней, хозяева, и оттащили ее. Пока она смотрела на меня и рычала, я нагнул ее и собрал письма и журналы, которые следовало вновь разложить по порядку на крыльчке соседнего дома.

– Вы, суки, ополоумели, – сказал я парням. – Это убийца, а не собака. Или избавьтесь от нее, или на улицу не пускайте!

Я бы полез бить им морду, но между ними рычала и кидалась на меня эта собака. Я отошел к соседнему крыльцу и переложил почту, ползая на четвереньках.

Как обычно, времени на обед не осталось, но я все равно на 40 минут опоздал в сортировку.

Бульжник посмотрел на часы.

– Ты на 40 минут опоздал.

– А ты вообще не приходил, – ответил ему я.

– Так и запишем.

– Пиши-пиши, Камешек.

У него в машинку уже был запрошен соответствующий бланк, и он приступил. Я сидел, сортируя почту по ящикам и откладывая возвраты, а он подошел ко мне и швырнул бланк мне под нос. Я уже устал читать его докладные и по своему походу в город знал, что любой протест бесполезен. Не глядя, я кинул ее в мусорную корзину.

9

На каждом маршруте были свои ловушки, и только штатные доставщики о них знали. Каждый день возникало что-то дьявольски новое, и ты всегда был готов к изнасилованию, убийству, собакам или какого-либо рода безумию. Штатные своих маленьких секретов не

выдавали. Это было их единственным преимуществом – если не считать того, что свои маршруты они знали наизусть. Сплошной банзай для новичка, особенно такого, кто киряет допоздна, ложится в 2, встает в полпятого, ночь напролет трахается и орет песни, – и ему все сходит с рук, ну, почти...

Как-то днем я был на улице, маршрут двигался неплохо, хоть и новый, и я подумал: Господи Боже, может быть, впервые за два года я смогу пообедать.

Меня мучил ужасный бодун, но все равно все шло хорошо, пока я не добрался до этой горсти почты, адресованной церкви. В адресе не было номера улицы – только название церкви и бульвара, на который она выходила. Я поднялся, похмельный, по ступенькам. Ящика отыскать не удалось, а людей внутри не было. Какие-то свечи горят. Стоят миски, пальцы макать. Пустая кафедра на меня лыбится вместе со статуями: бледно-красными, голубыми, желтыми, – фрамуги закрыты, вонюче жаркое утро.

Ох, Иисусе, подумал я.

И вышел.

Я зашел за угол церкви и нашел лестницу в подвал. Дверь открыта, я вошел.

Знаете, что я увидел? Ряд унитазов. И душевые кабинки. Но там было темно. Ни одна лампочка не горела. Как, черт побери, они хотят, чтобы человек в темноте почтовый ящик нашел? Тут я увидел выключатель. Дернул за эту штуку, и весь свет в церкви зажегся, и внутри, и снаружи. Захожу в следующую комнату, а там облачения на столе разложены. И стоит бутылка вина.

Да ради Бога, подумал я, кого, к дьяволу, еще, кроме меня, могут застукать в таком положении?

Я взял бутылку, хорошенько приложился, оставил письма на рясах и вернулся к унитазам с душами. Выключил свет, посрал в темноте и выкурил сигарету. Подумал было принять душ, но мысленно увидел заголовки: ГОЛОГО ПОЧТАЛЬОНА ЗАСТАЮТ ПЬЮЩИМ КРОВЬ ХРИСТА ПОД ДУШЕМ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Поэтому, в конце концов, на обед времени мне не хватило, и когда я вернулся, Джонстон написал докладную, что я на 23 минуты выбился из графика.

Позже выяснилось, что почту для церкви доставляют в приходской дом за углом.

Но теперь, разумеется, я знаю, где срать и подмываться, когда приспичит.

10

Начался сезон дождей. Большая часть моих денег уходила на пойло, поэтому в башмаках подметки продырявились, а плащ был старым и рваным. Под любым мало-мальским ливнем меня изрядно мочило – я имею в виду мочило до костей: аж трусы с чулками разбухали. Штатные доставщики начинали бюллетенить – они бюллетенили на участках по всему городу, поэтому работы было полно каждый день и на Окфордском Участке, и везде. Даже сменщики сказывались больными. Я бюллетень не брал, поскольку слишком уставал, чтобы соображать, как надо. Именно в то утро меня отправили на Участок Уэнтли. В самом разгаре был один из таких пятидневных ливней, когда вода хлещет одной непрерывной стеной, и весь город задирает лапки, вс задирает лапки кверху, канализация не успевает глотать воду так быстро, и та захлестывает тротуары, а в некоторых районах – газоны и даже дома.

Меня послали на Участок Уэнтли.

– Там сказали, что им нужен хороший человек, – крикнул мне вслед Бульжник, когда я выходил под покров воды.

Дверь закрылась. Если мой драндулет заведется – а он завелся – поеду в Уэнтли. Но это не важно: если машина не заводилась, тебя кидали в автобус. Ноги у меня уже промокли.

Суп в Уэнтли поставил меня перед ящиком. В нем почты и так было под завязку, а я стал пихать в него еще больше вместе с другим подменным. Такого ящика я никогда в жизни

не видел! Чья-то гнилая шутка. Я насчитал в нем 12 связок. На полгорода должно хватить. Мне только предстояло узнать, что весь маршрут идет по крутым холмам. Кто его придумал, совсем, наверное, ёбу дался.

Мы подняли и выволокли его, и только я собрался уходить, как суп подошел и сказал:

– Я тут не смогу дать тебе никого в помощь.

– Все нормально, – ответил я.

Хрен там, нормально. Только гораздо позже я узнал, что он – первый кореш Джонстона.

Маршрут начинался от участка. Первый из 12 отрезков. Я вышел под стену воды и покандохал вниз по склону. То был нищий район города – маленькие домишки и дворики с почтовыми ящиками, где полно пауков, висящими на одном гвозде, а за окошками старухи крутят самокрутки, жуют табак, мычат что-то своим канарейкам и смотрят на тебя, придурка, заблудившегося под дождем.

Когда трусы намокают, то сползают вниз, вниз, вниз они сползают, облепляют ягодицы, а мокрую резинку этой дряни поддерживает только промежность штанов.

Дождь размыл чернила на некоторых письмах; сигарета гореть не хотела. Нужно постоянно лазить в мешок за журналами. Первый отрезок, а я уже устал. Ботинки мне облепило грязью, по весу они стали как сапоги. То и дело я наткался на что-нибудь скользкое и чуть не падал.

Открылась дверь, и старушка задала мне вопрос, слышанный уже сотню раз:

– А где мой обычный почтальон сегодня?

– Леди, ПРОШУ ВАС, откуда я знаю? Откуда, к чертовой матери, мне знать? Я – здесь, а он – где-то в другом месте!

– О-о, так вы и впрямь хулиган какой-то!

– Хулиган?

– Да.

Я рассмеялся и вложил толстое промокшее письмо ей в руку, потом перешел к следующей двери. Может, на горке будет получше, подумал я.

Еще одна старая кошка – хочет казаться милой, спрашивает:

– А вам не хотелось бы зайти и выпить чашечку чаю, подсушиться немножко?

– Леди, неужели вы не понимаете, у нас времени нет даже трусы подтянуть?

– Трусы подтянуть?

– ДА, ТРУСЫ ПОДТЯНУТЬ! – заорал на нее я и ушел под стену дождя.

Закончил я первый отрезок. Он занял у меня около часа. Еще одиннадцать таких – значит, одиннадцать часов. Невозможно, подумал я. Должно быть, они повесили на меня самый поганый маршрут.

На горке оказалось хуже, поскольку туда приходилось тянуть еще и собственную тушу.

Полдень пришел и ушел. Без обеда. Четвертый или пятый отрезок. Даже в сухой день маршрут был бы невозможен. А теперь – невозможен настолько, что нельзя было даже думать о нем.

Наконец, я вымок так, что подумал: тону. Отыскал крыльцо с козырьком, где капало не очень сильно, встал и умудрился зажечь сигарету. Я сделал примерно три спокойные затяжки, когда услышал за спиной голосок еще одной старушечки:

– Почтальон! Почтальон!

– Да, мэм? – спросил я.

– У ВАС ПОЧТА МОКНЕТ!

Я опустил глаза к мешку и точно – кожаный клапан остался открытым. Капля или две попали туда через дыру в козырьке.

Я ушел. Всё, пиздец, подумал я: только идиот станет терпеть то, что приходится терпеть мне. Сейчас найду телефон и скажу им, чтоб приезжали, забирали почту – и в жопу их работу. Джонстон победил.

В тот момент, когда я решил все бросить, мне полегчало. В дожде я разглядел здание у

подножия холма: похоже, в нем может оказаться телефон. Я стоял на склоне. Спустившись, увидел, что это маленькое кафе. Работал обогреватель.

Ладно, блин, подумал я, хоть обсушусь. Снял дождевик и кепку, швырнул мешок с почтой на пол и заказал чашку кофе.

Кофе был очень черным. Выпаренный из спитой гущи. Хуже кофе я никогда не пробовал, но он был горячим. Я выпил три чашки и просидел там час, пока полностью не высох. Затем выглянул наружу: дождь кончился! Я вышел, поднялся на горку и стал разносить почту снова. Не торопясь, закончил маршрут. На 12-м отрезке я уже шел по темноте. К тому времени, как я вернулся в участок, стояла ночь.

Служебный вход был заперт.

Я забарабанил в жестяную дверь.

Появился маленький ночной дежурный и открыл.

– Где ты шлялся так долго, черт побери? – заорал он на меня.

Я подошел к ящику и сбросил мокрый мешок, полный возвратов, отказов и почты до востребования. Затем снял ключ и жажнул им по ящику. За ключ при выдаче и сдаче надо было расписываться. Я беспокоиться не стал. Он стоял и смотрел на меня.

Я тоже на него взглянул.

– Паря, если ты мне скажешь еще хоть одно слово, если даже чихнешь, помоги мне, Господи, я тебя убью!

Паря не издал ни звука. Я отметил и ушел.

На следующее утро я все ждал, чтобы Джонстон повернулся ко мне и что-нибудь сказал. Он вел себя как ни в чем ни бывало. Дождь закончился, и штатные больше не болели. Булыжник отправил троих подменных домой без оплаты, меня – в том числе. Я чуть не полюбил его за это.

Я пришел домой и пристроился к теплой заднице Бетти.

11

Но потом дождь пошел снова. Булыжник послал меня на так называемую Воскресную Выемку, и если вы думаете, что это как-то связано с церковью, то не стоит. Берешь грузовик в Западном Гараже и планшет. На планшете написано, какие улицы, во сколько там нужно быть и как проехать к следующему ящику для выемки.

Вроде 14:32, угол Бичер и Авалона, ЛЗ П2 (что означает три квартала налево и два направо) 14:35, и не врубаешься, как можно вынуть почту из одного ящика, проехать пять кварталов за три минуты и закончить вычищать следующий. Иногда все три минуты занимала выемка всей воскресной почты только из одного ящика. К тому же, планшеты были неточны. Иногда переулок они считали улицей, а иногда улицу – тупиком. Понятия не имеешь, где ты.

Накрапывал один из таких затяжных дождей – не лило, но и не прекращалось. Местность, по которой я ехал, была новой, но, по крайней мере, света, чтобы читать планшет, хватало. Однако по мере того, как темнело, труднее становилось и читать (при свете приборной доски), и замечать ящики. Мало того, на улицах прибывала вода, и несколько раз я ступал в лужу по самые лодыжки.

Потом приборная доска погасла. Планшет не прочтешь. Где я – без понятия.

Без планшета – как в пустыне заблудился. Но удача от меня еще не отвернулась – пока. У меня с собой было два коробка спичек, и прежде, чем отправляться к новому ящику, я чиркал спичкой, запоминал указания и ехал дальше. В кои-то веки я перехитрил Напаста, этого Джонстона в небесах, который наблюдал за мной сверху вниз.

Тут я свернул за угол, выскочил разгрузить ящик, а когда вернулся, планшета НЕ БЫЛО!

Джонстон на Небеси, Смилуйся! Потерялся в темноте под дождем. Я что – на самом

деле какой-то идиот? Сам на себя навлекая неприятности? Вполне.

Возможно, я ненормальный, и мне повезло, что я вообще еще жив.

Планшет был привязан к приборной доске. Я прикинул, что он мог выскользнуть из кабины при последнем резком повороте. Я вылез из грузовика, закатав штаны, и побрел по колено в воде. Было темно. Никогда эту проклятую дрянь мне не найти! Я шел, чиркая спичками, – но ничего, ничего. Его смыло. Когда я дошел до угла, мне хватило здравого смысла заметить, куда течет поток, и я пошел по течению.

Потом заметил, как что-то плывет, зажег спичку – ВОТ он! Планшет.

Невероятно! Я чуть не расцеловал эту дуру. Добрел до грузовика, влез, откатал штанины и по-настоящему приспособил планшет к доске. Разумеется, из графика я уже давно выбился, но, по крайней мере, отыскал этот хренов планшет. Я не потерялся на задворках Нигде. Не придется звонить в двери и спрашивать у кого-то, как проехать к почтовому гаражу.

У меня в ушах уже рычал голос какого-нибудь ебилы из теплой гостиной:

– Так-так. Вы же почтовый служащий, не правда ли? Вы что, не знаете, как вернуться в свой собственный гараж?

И вот поехал я дальше, чиркая спичками, выскакивая в водовороты и опорожня почтовые ящики. Я устал, промок и был с бодуна, но это мое обычное состояние, поэтому я брел вброд сквозь усталость, как сквозь потоки воды. Не переставая, я думал о горячей ванне, о прекрасных ногах Бетти и – чтоб поддержать дух – представлял себя в кресле-качалке, со стаканом в руке, ко мне подходит собачка, и я треплю ее по голове.

Но до этого было еще долго. Остановкам на планшете конца, казалось, не предвиделось, а когда я дошел до низу, там было сказано:

Переверните – я перевернул планшет, и, естественно, на обороте был еще один список остановок.

С последней спичкой я сделал последнюю остановку, сдал почту на указанный участок – ну и груз же это был – и поехал назад в Западный Гараж. Он находился на западном конце города, а на западе местность была очень плоской, система стоков не справлялась с водой, и когда бы ни шел дождь, сколько бы он ни шел, у них начиналось то, что называется потопом. Название точное.

Еду я, еду, а вода все прибывает и прибывает. Замечаю вокруг вставшие и брошенные машины. Херово. А мне хочется одного – скорее в это кресло, стакан скотча в кулак, и смотреть, как зад Бетти колыхается по комнате. Тут возле светофора вижу Тома Мото, еще одного джонстонского сменщика.

– Ты куда? – спрашивает Мото.

– Кратчайшее расстояние между двумя точками, как меня учили, – это прямая, – отвечаю я.

– Лучше не надо, – говорит он. – Я этот район знаю. Там уже океан просто.

– Ерунда, – говорю, – тут кишки нужны, больше ничего. Спичка есть?

Подкурил я и бросил его под светофором.

Бетти, крошка, я еду!

Ага.

Вода поднималась все выше и выше, но почтовые грузовики делают с повышенной проходимостью. Я срезал угол по жилому кварталу, на полной скорости, вода вокруг меня так и летела. Лило как из ведра. Вокруг – ни машины. Я был единственным движущимся объектом.

Бетти-крошка. Йе.

Какой-то парень, стоявший на крыльце, заржал и заорал мне:

– ПОЧТА ДОЛЖНА ПРИЙТИ!

Я обматерил его и показал средний палец.

Тут я заметил, что вода уже заливает дно кабины и закручивается вокруг моих ботинок, но гнал дальше. Осталось три квартала!

Грузовик остановился.

Ох. Ох. Говно.

Я сидел и пытался его раскочегарить. Один раз он завелся, потом снова сдох.

Затем совсем перестал реагировать. Я сидел и смотрел на воду. Два фута, должно быть. И что я должен делать? Сидеть, пока спасателей не пришлют?

Что говорит Почтовая Инструкция? Где она вообще есть? Я не знал ни одного человека, который ее видел.

Вот хуйня.

Я запер грузовик, положил ключи зажигания в карман, шагнул в воду – чуть не по пояс – и побрел к Западному Гаражу. Дождь не переставал. Вдруг вода поднялась еще на три-четыре дюйма. Оказывается, я шел по газону и теперь провалился в кювет. Грузовик остался стоять на чьей-то парадной лужайке.

В какой-то миг я подумал, что вплавь быстрее, потом решил: нет, это будет выглядеть смешно. Я добрался до гаража и подошел к диспетчеру. Вот он я какой, мокрее уже не бывает, а он на меня уставился.

Я швырнул ему ключи от кабины и зажигания.

Затем на куске бумаги написал: Плаза Горный Вид, 3435.

– Ваш грузовик – по этому адресу. Поезжайте и забирайте.

– Хотите сказать, вы его там бросили?

– Хочу сказать, я его там бросил.

Я отошел, отметился, разделся до трусов и встал перед обогревателем. Сверху повесил одежду. Потом поднял голову: на другом конце комнаты возле другого обогревателя стоял Том Мото – тоже в одних трусах.

Мы оба заржали.

– Преисподняя, правда? – спросил он.

– Невероятно.

– Думаешь, Бульжник это все предусмотрел?

– Черт, конечно! Он даже дождь вызвал!

– Ты тоже застрял?

– Ну да, – ответил я.

– И я.

– Слушай, малыш, – сказал я, – моей машине 12 лет. У тебя – новая. Я уверен, что моя застряла. Как насчет подтолкнуть, а?

– Ладно.

Мы оделись и вышли наружу. Мото купил машину новой модели примерно три недели назад. Я ждал, пока его двигатель заведется. Ни звука. Ох ты ж, Господи, подумал я.

Дождем залило весь пол в кабине.

Мото вылез.

– Без толку. Сдохла.

Я попробовал свою безо всякой надежды. Аккумулятор еще как-то шевелился, какая-то искра проскакивала, хоть и слабенько. Я подкачал бензина, дал еще раз.

Завелась. Я дал ей пореветь. ПОБЕДА! Я ее хорошенько разогрел. Потом сдал назад и начал подталкивать новую машину Мото. Я толкал его мило. Хренотень даже не перднула. Я впихнул его в гараж, оставил там и, выбирая где повыше и посуше, добрался до беттиной задницы.

Любимым доставщиком у Бульжника был Мэттью Бэттлз. Бэттлз никогда не приходил на работу в мятой рубашке. Фактически, все, что он носил, было новеньким, выглядело новеньким. Ботинки, рубашка, брюки, кепка. Башмаки его сияли по-настоящему, вся одежда,

казалось, ни разу не бывала в стирке. Как только рубашка или пара штанов хоть чуточку пачкались, он их выбрасывал.

Булыжник часто говорил нам, когда Мэттью проходил мимо:

– Вот, это почтальон идет!

И он не шутил. Его глаза чуть ли не сияли любовью.

А Мэттью стоял у своего ящика, прямой и чистый, отдраенный и выспавшийся, башмаки победно блистали, и смахивал эти письма внутрь с радостью.

– Ты – настоящий почтальон, Мэттью!

– Благодарю вас, мистер Джонстон!

Однажды утром в 5 я зашел и сел ждать за спиной у Булыжника. Под красной рубашкой он как-то обмяк.

Мото сидел рядом. Он-то мне и сказал:

– Вчера забрали Мэттью.

– Забрали?

– Ага, за то, что из почты крал. Открывал письма для Храма Некалаи и вытаскивал деньги. Проработав на почте 15 лет.

– А как узнали, как он попался?

– Старухи. Старухи слали Некалае письма, полные денег, и не получали в ответ ни спасибочки, ничего. Некалая сказал на Почтамте, и Почтамт приставил к Мэттью шпика. Его застукали у кипятивника, вскрывал письма и выживал деньги.

– Без говна?

– Без говна. Средь бела дня залетел.

Я откинулся на стенку.

Некалая построил такой большой храм и выкрасил стены в тошнотно зеленый цвет, наверное, чтоб бабки напоминал, и у него работал штат, человек 30—40, которые только распечатывали конверты, вытаскивали чеки и наличку, записывали сумму, отправителя, дату получения и так далее, и больше ничем не занимались.

Другие рассылали по почте книги и брошюры, написанные Некалаей, а на стене висела его фотография, большая такая: Н., в жреческих хламидах и бороде, – и живописный портрет Н., тоже очень большой, надзирал за конторой, высматривал.

Некалая утверждал, что как-то раз шел по пустыне и встретил Иисуса Христа, и Христос ему все рассказал. Они вместе посидели на камне, и И.Х. все ему выложил.

А теперь он делится секретами с теми, кто может себе это позволить. К тому же, каждое воскресенье он проводил службу. Его помощники, они же – паства, приходили на работу и уходили по звонку.

И представьте себе Мэттью Бэттлза, который пытается облапошить Некалаю, повстречавшего в пустыне Христа!

– А Камешку кто-нибудь что-нибудь сказал? – спросил я.

– Ты что – смеешься?

Мы просидели так час или два. На ящик Мэттью назначили сменщика. Другим подменным дали другие задания. Я остался сидеть один за спиной у Булыжника.

Потом встал и подошел к его столу.

– Мистер Джонстон?

– Да, Чинаски?

– А где сегодня Мэттью? Заболел?

Голова Булыжника поникла. Он смотрел на бумажку, которую держал в руке, и делал вид, что продолжает ее читать. Я вернулся на место и сел.

В 7 часов Булыжник обернулся:

– Для тебя сегодня ничего нет, Чинаски.

Я встал и пошел к дверям. Остановился на пороге.

– Доброго вам утра, мистер Джонстон. И приятного дня.

Он не ответил. Я дошел до винной лавки и купил себе полпинты Большого Папы на

завтрак.

13

Голоса у людей были одинаковы: куда бы ни носил почту, слышал одно и то же снова и снова.

- Опоздали, правда?
- А где постоянный почтальон?
- Привет, Дядя Сэм!
- Почтальон! Почтальон! Это не нам!

На улицах было полно безумных и тупых людей. Большинство жило в красивых домах и, казалось, на работу не ходило – непонятно, как им это удавалось. Был один парень, который не давал опускать почту в ящик. Он стоял в проезде и наблюдал, как ты подходишь, за два или три квартала – просто стоял и протягивал руку.

Я спрашивал у других, кто разносил почту по этому маршруту:

- А что с этим парнем, который стоит и руку протягивает?
- С каким парнем, который стоит и руку протягивает?

У них у всех тоже был тот самый голос.

Однажды, когда мне достался этот маршрут, человек-который-стоит-и-протягивает-руку был в полуквартале от своего дома. Он разговаривал с соседом, оглянулся, когда мне оставалось пройти еще квартал, и понял, что еще успеет дойти до дома и встретить меня. Едва он повернулся ко мне спиной, я побежал. Наверное, так быстро я почту никогда не доставлял: в едином порыве, весь движение, не останавливаясь, без передышки, я был готов его убить.

Письмо уже наполовину пролезло в щель его ящика, когда он обернулся и увидел меня.

– О НЕТ НЕТ НЕТ! – завопил он, – НЕ КЛАДИТЕ ЕГО В ЯЩИК!

И рванул ко мне по улице. Все, что я видел, – это сплошной мазок на месте ног. Должно быть, он сделал сто ярдов за 9.2.

Я вложил письмо ему в руку. Посмотрел, как он его распечатывает, идет по веранде, открывает дверь и уходит в дом. Что это означало, пусть мне расскажет кто-нибудь другой.

14

Снова я попал на новый маршрут. Бульжник всегда ставил меня на трудные, но время от времени, в связи с обстоятельствами вещей, он был вынужден давать мне маршруты менее убийственные. Номер 511 шебуршился довольно славно, и там я даже начал подумывать об обеде опять – об обеде, который никогда не наступал.

Средний жилой район. Многоквартирных зданий нет. Просто один дом за другим, с ухоженными лужайками. Но это был новый маршрут, и я ходил и думал: где же тут ловушка? Даже погода стояла хорошая.

Ей-богу, думал я, у меня получится! Обед, назад – по графику! Жизнь, наконец, стала сносной.

Эти люди даже собак не держали. Никто не стоял снаружи, дожидаясь писем. Я не слышал человеческого голоса часами. Может, я достиг своей почтовой зрелости, чем бы она ни была. Я шагал дальше, эффективный, почти преданный своему делу.

Помню, один из почтальонов постарше показал мне на сердце и сказал:

- Чинаски, когда-нибудь и до тебя дойдет, прямо вот сюда проникнет!
- Что, инфаркт?
- Преданность службе. Вот увидишь. Еще будешь гордиться.
- Чушь!

Но тот человек был искренен.

Я думал о нем, пока шел.

Тут мне попало заказное письмо с квитанцией.

Я подошел и позвонил в дверь. Открылось маленькое окошечко. Лица не видно.

– Заказное письмо!

– Отойдите! – произнес женский голос. – Отойдите от двери, чтобы я лицо увидела.

Ну вот, пожалуйста, подумал я, еще одна ненормальная.

– Послушайте, дамочка, зачем вам мое лицо? Я могу оставить квитанцию в ящике, придете и заберете свое письмо на почте. Документы не забудьте.

Я сунул квитанцию в ящик и начал спускаться с крыльца.

Дверь открылась, и она выскочила. На ней было одно из таких прозрачных negligee и никакого лифчика. Одни темно-синие трусики. Непричесана, волосы торчат дыбом, как будто пытаются сбежать от нее. На физиономии, похоже, что-то вроде крема, в основном – под глазами. Кожа на теле белая, словно никогда не видела солнца, нездоровый цвет лица. Рот раззявлен. На нем осталось немного помады; сложена же она была вся...

Я все это отметил, пока она ко мне неслась. Я как раз засовывал заказное письмо обратно в сумку.

Она заорала:

– Отдайте мое письмо!

Я сказал:

– Леди, вам придется...

Она выхватила у меня письмо и побежала к двери, открыла и заскочила внутрь.

Черт возьми! Возвращаться без заказного письма или без подписи нельзя! Там за все расписываться нужно!

– Эй!

Я погнался за ней и всунул ногу в щель как раз вовремя.

– Эй, ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ!

– Уходите! Уходите! Вы злой человек!

– Слушайте, дамочка! Попробуйте понять! Вам нужно за это письмо расписаться! Я не могу его вам просто так отдать! Вы грабите почту Соединенных Штатов!

– Уходите, злой человек!

Я налег на дверь всем весом и ввалился в комнату. Внутри было темно. Все жалюзи опущены. Все жалюзи в доме были опущены.

– ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА ВХОДИТЬ КО МНЕ В ДОМ! ВОН!

– А вы не имеете права грабить почту! Или отдавайте мне письмо, или распишитесь. Тогда я уйду.

– Хорошо. Хорошо. Распишусь.

Я показал ей, где расписываться, и дал ручку. Я смотрел на ее груди и на нее остальную и думал: какая жалость, что она чокнутая, какая жалость, какая жалость.

Она вернула мне ручку и подпись – сплошные каракули. Открыла письмо, начала читать, а я повернулся уходить.

Тут она оказалась в дверях, расставив руки. Письмо валялось на полу.

– Злой злой злой человек! Вы пришли сюда изнасиловать меня!

– Послушайте, леди, дайте пройти.

– У ВАС ЗЛО НА ЛБУ НАПИСАНО!

– Тоже мне, новость. А теперь пропустите!

Одной рукой я попытался ее оттолкнуть. Она вцепилась ногтями мне в щеку, хорошенько так. Я уронил сумку, кепка скатилась, и когда я промакивал кровь платком, она дотянулась и гребнула другую щеку.

– АХ ТЫ ПИЗДА! ЧТО, НЕ ВСЕ ДОМА, К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ?

– Вот видите? Видите? Вы злой!

Она прямо вся прижалась ко мне. Я схватил ее за жопу и впился в нее ртом.

Эти груди ко мне прижимались, она вся ко мне приклеилась. Закинула назад голову, подальше от меня – Насильник! Насильник! Злой насильник!

Я нагнулся, ртом захватил ей одну сиську, переключился на другую.

– Насилуют! Насилуют! Меня насилуют!

Она была права. Я спустил ей трусы, расстегнул ширинку, вставил, довел ее так до кушетки. Мы оба на нее рухнули.

Она задрала ноги повыше.

– НАСИЛУЮТ! – вопила она.

Я ее кончил, застегнул молнию, подобрал сумку с почтой и вышел, оставив ее спокойно тарашиться в потолок...

Обед я пропустил, но все равно в график не уложился.

– Ты опоздал на 15 минут, – сказал Бульжник.

Я ничего не ответил.

Бульжник взглянул на меня.

– Боже всемогущий, что у тебя с лицом? – спросил он.

– А у тебя? – спросил его я.

– Ты о чем?

– Не грузись.

15

Я опять был с похмелья, опять установилась жара – всю неделю 100 градусов.

Каждую ночь происходило пьянство, а с раннего утра и каждый день – Бульжник и невозможность всего.

Некоторые парни носили африканские шлемы от солнца и темные очки, а я – я был примерно одинаков, дождь ли, солнце: в драной одежде, а башмаки настолько древние, что гвозди постоянно впивались мне в подошвы. В ботинки я подкладывал кусочки картона. Но помогало это лишь временно – скоро гвозди снова вгрызались мне в пятки.

Виски и пиво вытекали из меня, фонтанировали из подмышек, а я гнал себе дальше с этой тяжестью на спине, будто с крестом, вытаскивая журналы, доставляя тысячи писем, шатаюсь, приваренный к щеке солнца.

Какая-то тетка на меня заорала:

– ПОЧТАЛЬОН! ПОЧТАЛЬОН! ЭТО НЕ СЮДА!

Я оглянулся. Она стояла в квартале от меня вниз по склону, а я уже и так отставал от графика.

– Послушайте, леди, положите это письмо на ящик сверху! Завтра заберем!

– НЕТ! НЕТ! Я ХОЧУ, ЧТОБ ВЫ ЕГО ЗАБРАЛИ СЕЙЧАС!

Она размахивала этой сранью до самых небес.

– Леди!

– ЗАБЕРИТЕ! ЭТО НЕ НАМ!

О боже мой.

Я уронил мешок. Затем снял кепку и швырнул ее на траву. Она скатилась на проезжую часть. Я ее бросил и пошел к тетке. Полквартала.

Я подошел и выхватил эту дрянь у нее из рук, повернулся, пошел.

То была реклама! Почтовое отправление третьего класса. Что-то насчет распродажи одежды за полцены.

Я подобрал с дороги свою кепку, натянул на голову. Взгромоздил мешок на левую сторону хребта, зашагал снова. 100 градусов.

Проходил мимо одного дома, и за мной выскочила женщина.

– Почтальон! Почтальон! У вас разве письма для меня нет?

– Леди, если я не положил его вам в ящик, это значит, что почты для вас нет.

- Но я же знаю, что у вас для меня письмо!
- С чего вы взяли?
- Потому что мне позвонила сестра и сказала, что напишет.
- Леди, у меня нет для вас письма.
- Я знаю, что есть! Я знаю, что есть! Я знаю, что оно там!

Она потянулась к пачке писем у меня в руке.

– НЕ ТРОЖЬТЕ ПОЧТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, ЛЕДИ! ДЛЯ ВАС СЕГОДНЯ НИЧЕГО НЕТ!

Я повернулся и пошел.

На крыльце стояла еще одна тетка.

- Вы сегодня поздно.
- Да, мэм.
- А где постоянный почтальон?
- Он умирает от рака.
- Умирает от рака? Гарольд умирает от рака?
- Правильно, – сказал я.

Я вручил ей почту.

– СЧЕТА! СЧЕТА! СЧЕТА! – завопила она. – И ЭТО ВСЕ, ЧТО ВЫ МНЕ МОЖЕТЕ ПРИНЕСТИ? ЭТИ СЧЕТА?

- Да, мэм, это все, что я могу вам принести.

Я повернулся и ушел.

Я же не виноват, что они пользовались телефонами, и газом, и светом, и все свои вещи покупали в кредит. Однако, если я приносил им счета, они на меня орали – как будто я просил их устанавливать себе телефон или присылать телик за 350 баксов без начального платежа.

Следующей остановкой было небольшое двухэтажное строение, довольно новое, с 10 или 12 квартирами. Почтовый ящик с замком стоял спереди, под козырьком крыльца. Наконец-то, хоть чуточку тени. Вставляю в замок ключ, открываю.

– ПРИВЕТ, ДЯДЯ СЭМ! КАК ПОЖИВАЕШЬ СЕГОДНЯ?

Это было громко. Не ожидал я услышать голос этого мужика из-за спины. Он просто заорал на меня, а с бодуна я нервный. Я аж подскочил от неожиданности. Это уж слишком. Я вытащил ключ из замка и обернулся. Кроме сетчатой двери ничего не видно. Кто-то там стоял. Под кондиционером и невидимый.

– Черт бы вас побрал! – сказал я, – не называйте меня Дядей Сэмом! Я вам не Дядя Сэм!

– О, так ты один из этих умников, э? За пару центов я б вышел и тебе по заднице надавал!

Я поднял сумку и грохнул ею об пол. Журналы и письма разлетелись. Придется весь отрезок переключивать. Я сорвал с головы кепку и шваркнул о цемент.

– А НУ, ВЫХОДИ ОТТУДА СУКИН СЫН! ОХ, ГОСПОДИ ВСЕМОГУЩИЙ, ПРОШУ ТЕБЯ! ВЫХОДИ ОТТУДА! ВЫХОДИ, ВЫХОДИ ОТТУДА!

Я был готов его зарезать.

Никто не вышел. Ни звука. Я посмотрел на сетчатую дверь. Ничего. Как будто квартира пуста. На какой-то миг я подумал зайти. Потом повернулся, опустился на колени и стал собирать письма и журналы. Работа без сортировочного ящика. Через двадцать минут я все разложил. Засунул несколько писем в ящик, кинул журналы прямо на крыльцо, закрыл дверцу, повернулся и снова посмотрел на сетчатую дверь.

По-прежнему ни звука.

Я заканчивал маршрут, ходил и думал: ну что ж, он позвонит и скажет Джонстону, что я ему угрожал. Когда вернусь, лучше подготовиться к худшему.

Я распахнул дверь: Бульжник сидел за столом, что-то читал.

Я стоял, глядя на него сверху вниз, ждал.

Бульжник глянул на меня, перевел взгляд на то, что читал.

Я продолжал стоять, дожидаясь.

Бульжник продолжал читать.

– Ну, – наконец, вымолвил я, – что там с этим?

– Что там с чем? – Бульжник поднял голову.

– СО ЗВОНКОМ? ГОВОРИ, ЧТО ТАМ СО ЗВОНКОМ! НЕ СИДИ ПРОСТО ТАК!

– С каким звонком?

– Тебе что, насчет меня не звонили?

– Звонили? Что случилось? Ты что там делал? Что ты натворил?

– Ничего.

Я пошел и сдал свое барахло.

Парень не позвонил. Никакая не милость с его стороны. Он, вероятно, подумал, что если позвонит, я вернусь.

По пути к ящику я прошел мимо Бульжника.

– Что ты там натворил, Чинаски?

– Ничего.

Мои действия настолько заморочили Бульжника, что он забыл мне сообщить, что я задержался на 30 минут, и не записал мне опоздание.

16

Как-то ранним утром я раскладывал почту рядом с Д.Г. Так его все и называли:

Д.Г. На самом деле, его звали Джордж Грин. Но уже очень много лет его звали просто Д.Г., и некоторое время спустя он стал похож на Д.Г. Он работал почтальоном с двадцати лет, а сейчас ему было под семьдесят. Голоса у него уже не было. Он не разговаривал. Он кричал. Но даже когда он кричал, произносил он немного. Его и не любили, и не презирали. Он просто был. Все лицо его изрыли морщины: странные овраги и курганы непривлекательной плоти. Никакого света оно не излучало. Просто задубевший старикан, делающий свое дело: Д.Г. Глаза как пустые комочки глины, оброненные в глазницы. Самое лучшее, если о нем не думал и не смотрел на него.

Но Д.Г., при всем своем старшинстве, работал на одном из самых легких маршрутов, на самом краешке богатого района. Фактически, район можно было считать богатым. Дома хоть и старые, но большие, в основном – в два этажа.

Широкие газоны стригли и освежали садовники-японцы. Там жили какие-то кинозвезды. Знаменитый карикатурист. Автор бестселлеров. Два бывших губернатора.

Никто никогда с тобой не заговаривал. Ты никогда никого не видел. Единственное, в самом начале маршрута, где стояли дома подешевле, тебя доставали дети. Я имею в виду, что Д.Г. был холостяком. И у него был такой свисток. В начале маршрута он становился, высокий и прямой, вытаскивал большой свисток и дул в него, а слюна летела во все стороны. Сообщал детям, что он пришел. Для детей он носил конфеты. И те выбегали, и он раздавал им конфеты, идя вдоль по улице. Старый добрый Д.Г.

Я узнал про конфеты в первый раз, когда получил его маршрут. Бульжнику не хотелось мне его давать, слишком легкий, но иногда ничего другого ему не оставалось. И вот я шел, а этот малец выскочил и спрашивает:

– Эй, а где моя конфетка?

И я ответил:

– Какая конфетка?

И малец сказал:

– Моя конфетка! Я хочу свою конфетку!

– Слушай, пацан, – сказал я, – ты, должно быть, сумасшедший. Тебя что, мама просто так на улицу отпускает?

Мальчик посмотрел на меня очень странно.

Но однажды Д.Г. попал в беду. Старый добрый Д.Г. Он встретил в своем квартале новую маленькую девочку. И дал ей конфетку. И сказал:

– Ох, какая же ты хорошенькая девочка! Я бы хотел, чтобы у меня такая же была!

А ее мать сидела у окошка, все слышала и выскочила с воплями, обвиняя Д.Г. в приставании к малолетним. Она ничего про Д.Г. не знала, поэтому когда увидела, как он дал девочке конфетку и произнес это, решила, что это чересчур.

Старый добрый Д.Г. Обвиненный в приставании к малолетним.

Я зашел и услышал, как Булыжник говорит по телефону, пытаюсь объяснить матери, что Д.Г. – уважаемый человек. Д.Г. просто сидел перед ящиком ошеломленный.

Когда Булыжник закончил и повесил трубку, я сказал ему:

– Не следовало отсасывать у этой бабы. У нее грязные мозги. У половины матерей в Америке, с их драгоценными пиздищами и драгоценными дочурками, у половины матерей в Америке – грязные мозги. Велел бы ей засунуть себе в жопу.

Д.Г. и пипиську свою уже поднять не сможет, сам же знаешь.

Булыжник покачал головой:

– Нет, общественность – это динамит! Она просто динамит!

Это все, что он мог сказать. Я уже видел Булыжника таким раньше – когда он прогибался, и упрашивал, и объяснял каждому психу, который звонил по любому поводу...

Я раскладывал почту рядом с Д.Г. на маршруте 501, не очень плохом. Мешок я поднимал с трудом, но это было возможно и давало хоть какую-то надежду.

Хоть Д.Г. и знал, что его ящик стоит вверх тормашками, руки его шевелились все медленней. Он просто-напросто сложил слишком много писем в своей жизни – и даже его омертвевшее к ощущениям тело, наконец, взбунтовалось. Несколько раз за утро я замечал, как он шатается. Он останавливался и покачивался, впадал в транс, встряхивался и впихивал в мешок еще несколько писем. Мне этот человек был не особенно симпатичен. Он прожил отнюдь не храбрую жизнь и оказался, более или менее, порядочным куском дерьма. Но всякий раз, когда он шатался, что-то во мне шевелилось. Будто верный конь, который больше не может идти. Или старая машина, что просто сдалась как-то утром.

Почта была тяжелой, и, пока я наблюдал за Д.Г., меня охватил смертный озноб.

Впервые больше чем за 40 лет он может пропустить утреннюю развозку! Для человека, настолько гордившегося своей работой и профессией, как Д.Г., это могло стать трагедией. Я пропустил множество утренних развозок, и мне приходилось возить мешки к ящикам в собственной машине, но мое отношение было несколько иным.

Он снова покачнулся.

Боже всемогущий, подумал я, неужели кроме меня этого никто не замечает?

Я оглянулся: всем трын-трава. Все они время от времени признавались в любви к нему: Д.Г. – хороший парень. Но теперь хороший парень тонул, и никому никакого дела. Наконец, передо мной осталось меньше почты, чем перед Д.Г.

Может, смогу помочь ему хотя бы поднять журналы, подумал я. Но подошел клерк и накидал мне еще больше, и я снова почти сравнялся с Д.Г. Обоим придется круто.

Я на мгновение запнулся, потом стиснул зубы, расставил ноги пошире, пригнулся, будто мне по мозгам только что дали, и шуранул внутрь массу писем.

За две минуты до готовности к отправке и Д.Г., и я разобрали все письма, разложили и упаковали журналы, проверили авиапочту. У нас обоих получится. Я волновался напрасно. Тут подошел Булыжник. Он нес две связки циркуляров. Одну он дал Д.Г., вторую – мне.

– Их надо включить, – сказал он и отошел.

Булыжник знал, что мы не сможем включить эти циркуляры, вытащить мешки и встретить грузовик вовремя. Я устало обрезал шнурки на пачке и начал раскладывать. Д.Г. просто сидел и смотрел на свою связку.

Потом он опустил голову, положил ее на руки и тихо заплакал.

Я не верил своим глазам.

Я оглянулся.

Остальные почтальоны даже не смотрели на Д.Г. Они снимали свои письма, сортировали их, болтали и смеялись друг с другом.

– Эй, – окликнул я их пару раз, – эй!

Но они даже не взглянули на Д.Г.

Я подошел к нему. Тронул его за руку:

– Д.Г., – сказал я, – я могу тебе как-то помочь?

Он отскочил от своего ящика и побежал по лестнице наверх, в мужскую раздевалку. Я смотрел, как он убегает. Никто, казалось, не замечал. Я засунул еще несколько писем, затем побежал вверх по лестнице сам.

Он сидел, уронив голову на руки, за одним из столов. Только теперь он не плакал тихонько. Он всхлипывал и подвывал. Все его тело сотрясалось в конвульсиях. Он не останавливался.

Я сбегал вниз по ступенькам, мимо остальных почтальонов, к столу Булыжника.

– Эй, эй, Камень! Господи Боже, Камень!

– Что такое? – спросил он.

– Д.Г. поехал! А всем плевать! Он наверху плачет! Ему помочь надо!

– Кто на его маршруте?

– Какая, к черту разница? Говорю тебе, он заболел! Ему помощь нужна!

– Надо поставить кого-то на его маршрут!

Булыжник поднялся из-за стола, обошел комнату, глядя на своих почтальонов, как будто где-то мог завалиться один лишний. Затем шмыгнул за свой стол.

– Слушай, Камень, кто-то должен отвезти его домой. Скажи мне, где он живет, и я сам его отвезу – во внерабочее время. Потом разнесу твой чертов маршрут.

Булыжник поднял голову:

– Кто у тебя на ящике?

– Ох, да к чертям этот ящик!

– ИДИ К СВОЕМУ ЯЩИКУ!

Затем заговорил с другим начальником участка по телефону:

– Алло, Эдди? Слушай, мне здесь человек нужен...

Не будет сегодня детям конфет. Я пошел на место. Остальные почтальоны разошлись. Я начал рассовывать циркуляры. На ящике Д.Г. лежала связка нерассортированных. Я снова отставал от графика. И без грузовика остался. Когда в тот день я вернулся поздно, Булыжник записал мне опоздание.

Я никогда больше не видел Д.Г. Никто не знал, что с ним случилось. И никто больше его не упоминал. Хорошего парня. Преданного своему делу.

Ножом по горлу за пачку циркуляров местного рынка – с его гвоздем сезона: бесплатной коробкой фирменного стирального мыла и купоном на любую покупку свыше 3 долларов.

17

Через три года меня сделали штатным. Это означало оплаченные праздники (подменным за праздники не платили) и 40-часовую неделю с двумя выходными. Булыжник также вынужден был поставить меня помогать на пяти разных маршрутах. Вот и все, что мне придется носить – пять разных маршрутов. Со временем я неплохо их выучу, плюс короткие пути и ловушки на каждом. С каждым днем будет все легче и легче. Я смогу выработать в себе этот уютный внешний вид.

Почему-то чересчур счастлив я не был. Я не тот человек, кто намеренно ищет боли, работа по-прежнему тяжела, но старого блеска моих подменных дней ей как-то не хватало – не-знать-что-к-чертовой-матери произойдет дальше.

Несколько штатных подошли и пожали мне руку.

– Поздравляем, – сказали они.

– Ага, – ответил я.

Поздравляем с чем? Я ничего не сделал. Теперь я стал членом клуба. Одним из парней. Я мог остаться в нем на много лет, в конечном итоге заработать собственный маршрут. Принимать подарки на Рождество от своих получателей. А если бы позвонил и сказался больным, они бы выговаривали какому-нибудь несчастному ублюдку-подменному: А где сегодня наш постоянный? Вы опоздали. Наш постоянный никогда не опаздывает.

И вот я тут. А потом вышел бюллетень, запрещающий держать форменные кепки или оборудование на доставочных ящиках. Большинство парней их туда складывало.

Это ничему не мешало, и не нужно было бегать каждый раз в раздевалку. Теперь, после того, как три года я клал туда свою кепку, мне запретили это делать.

Ну, а я до сих пор приходил на работу с бодуна и совершенно не задумывался о таких вещах, как кепки. Поэтому моя там лежала и на следующий день после выхода приказа.

Подбежал Булыжник со своей докладной. Он сказал, что держать любое оборудование на доставочном ящике – против правил и инструкций. Я положил докладную в карман и продолжал рассовывать письма. Булыжник повертелся в своем кресле, наблюдая за мной. Остальные почтальоны убрали кепки в шкафчики. Кроме меня и еще одного – некоего Марти. А Булыжник подходит к Марти и говорит:

– Так, Марти, ты читал приказ. Твоей кепки на ящике быть не должно.

– О, простите, сэр. Привычка, знаете ли. Извините. – Марти убрал кепку с ящика и побежал с нею наверх, в раздевалку.

На следующее утро я снова забыл. Булыжник снова подошел с докладной.

В ней говорилось, что хранить любое оборудование на доставочном ящике противоречит правилам и инструкциям.

Я положил докладную в карман и продолжал распихивать письма.

На следующее утро, как только я вошел, то сразу увидел, что Булыжник за мной наблюдает. Он очень тщательно относился к наблюдениям за мной. Он ждал, что я стану делать с кепкой. Я позволил ему немного подождать. Потом снял кепку с головы и положил на ящик.

Булыжник подбежал с докладной.

Я не стал ее читать. Я отшвырнул ее в мусорную корзину, оставил кепку на месте и продолжал сортировать письма.

Я слышал, как Булыжник колотит по машинке. В треске клавиш слышался гнев.

Интересно, как он научился печатать, подумал я.

Он опять подошел. Протянул мне вторую докладную.

Я посмотрел на него.

– Мне не нужно ее читать. Я знаю, что там написано. Там написано, что я не прочел первую докладную. Я кинул вторую докладную в корзину.

Булыжник побежал назад к машинке.

Вручил мне третью докладную.

– Слушай, – сказал я, – я знаю, о чем говорится в них всех. Первая была про то, что я держал кепку на ящике. Вторая – про то, что я не прочел первую.

Третья – что не прочел ни первую, ни вторую.

Я посмотрел на него и уронил докладную в мусор, не прочитав.

– Теперь я могу их выбрасывать так же быстро, как ты их печатаешь. Это может длиться часами, и вскоре один из нас начнет выглядеть смешно. Тебе решать.

Булыжник вернулся к своему креслу и сел. Больше он не печатал. Он просто смотрел на меня.

На следующий день я не пришел. Проспал до полудня. Звонить не стал. Потом пошел в Федеральное Здание. Рассказал им о своей цели. Меня поставили перед столом худенькой старушонки. Волосы у нее были седыми, а шейка – очень тоненькой, и посередине

неожиданно изгибалась. Шея толкала ее голову вперед, и она смотрела на меня поверх очков.

– Да?

– Я хочу уволиться.

– Уволиться?

– Да, подать в отставку.

– И вы – штатный доставщик?

– Да, – ответил я.

– Ц, ц, ц, ц, ц, ц, ц, – зацокала она сухоньким язычком.

Он дала мне соответствующие бумаги, и я сел их заполнять.

– Сколько вы проработали на почте?

– Три с половиной года.

– Ц, ц, ц, ц, ц, ц, ц, ц, – зацокала она, – ц, ц, ц, ц.

Вот так вот. Я поехал домой к Бетти, и мы раскупорили бутылочку.

Я ведь не ведал, что через пару лет вернусь клерком и проклеркую, весь сгорбившись на табурете, почти 12 лет.

ДВА

1

Тем временем дела шли. У меня случилась длинная цепочка удач на скачках. Я начал там себя уверенно чувствовать. Каждый день нацеливался на определенную прибыль, где-то от пятнадцати до сорока баксов. Слишком много не просил. Если не выигрывал рано, ставил еще чуть-чуть, столько, что если бы лошадь пришла, еще оставался запас прибыли. Я возвращался домой, день за днем, в выигрыше, показывая Бетти большой палец еще с улицы.

Затем Бетти нашла работу машинистки, а когда одна из баб находит работу, разницу замечаешь сразу же. Мы киряли каждую ночь напролет, и она уходила по утрам раньше меня, вся с перепоя. Теперь она поняла, что это такое. Я вставал около половины одиннадцатого, лениво выпивал чашечку кофе и съедал пару яиц, играл с собакой, заигрывал с молоденькой женой механика, жившего на задворках, подружился со стриптизершей, жившей впереди. К часу дня я был на бегах, возвращался с выигрышем и выходил с собакой к автобусной остановке встречать Бетти с работы. Хорошая житуха.

Потом, однажды вечером Бетти, любовь моя, все и выложила после первого стакана:

– Хэнк, это невыносимо!

– Что невыносимо, крошка?

– Ситуация.

– Какая ситуация, крошка?

– Я пашу, а ты валяешься. Все соседи думают, что я тебя содержу.

– Черт, а когда я работал, а ты валялась?

– Это по-другому. Ты – мужик, а я – женщина.

– О, а я и не знал. Я думал, что вы, суки, всегда орете за свои равные права.

– Я знаю, что происходит с этой пампушкой на задворках, разгуливает перед тобой, сиськи нараспашку...

– У нее сиськи нараспашку?

– Да, СИСЬКИ! Ее здоровенное белое вымя!

– Хммм... Действительно большие.

– Вот видишь! Заметил-таки!

– Ну и какого черта?

– У меня тут подруги есть. Они видят, что происходит!

– Это не подруги. Это сплетницы поганые.
– А та блядина спереди, что танцоркой выступает?
– Она что – блядина?
– Да она на что угодно вскочит, лишь бы хуй торчал.
– Ты сошла с ума.
– Я просто не хочу, чтобы все эти люди считали, что я тебя содержу. Все соседи...
– К черту соседей! Какая нам разница, что они думают? Мы же сами не думали раньше.
А кроме этого, я плачу за квартиру. Я покупаю еду! Я выигрываю на скачках. Твои деньги – это твои деньги. Раньше тебе так никогда не фартило.
– Нет, Хэнк, все кончено. Я так больше не могу!
Я встал и подошел к ней.
– Ладно, ну, хватит, крошка, ты просто сегодня немного расстроена.
Я попытался ее облапать. Она меня оттолкнула.
– Ладно, черт возьми! – сказал я.
Я вернулся к своему креслу, допил, налил еще.
– Все кончено, – сказала она, – ни единой ночи с тобой больше не сплю.
– Хорошо. Оставь себе свою пизду. Не такая уж она и замечательная.
– Дом себе возьмешь или съедешь? – спросила она.
– Бери себе.
– А собаку?
– И собаку бери, – ответил я.
– Она будет по тебе скучать.
– Я рад, что хоть кто-то будет по мне скучать.
Я встал, вышел к машине и снял первую же квартиру, где висела табличка.
Переехал я в тот же вечер.
Я только что потерял трех баб и собаку.

2

Не успел я опомниться, как у меня на коленях сидела молоденькая девчонка из Техаса. Не буду вдаваться в подробности, как мы с ней познакомились. Короче, она возникла. Ей было 23, мне – 36.

У нее были длинные светлые волосы и хорошее плотное мясо. Я еще не знал в то время, что денег у нее тоже было много. Она не пила – пил я. Сначала мы много смеялись. И вместе ездили на скачки. Она была красоткой, и каждый раз, когда я возвращался на место, какой-нибудь обсос придвигался к ней поближе. Их там водились десятки. Они все подползали и подползали. А Джойс просто сидела. Мне приходилось иметь с ними всеми дело двумя способами. Либо брать Джойс и отваливать, либо говорить парню:

– Слушай, приятель, эта уже занята. Хиляй отсюда.

Но сражаться с волками и лошадьми одновременно – это слишком. Я продолжал проигрывать. Профессионал ходит на бега один. Я это знал. Но думал, что, может быть, я – исключение. И пришел к выводу, что вовсе я никакое не исключение.

Деньги терять получалось так же быстро, как и у любого другого.

Затем Джойс потребовала, чтобы мы поженились.

Какого черта? – подумал я, все равно я спекся.

Я отвез ее в Вегас жениться подешевле, затем сразу же привез обратно.

Продал машину за десять долларов и не успел очухаться, как мы оказались в техасском автобусе, а когда приземлились, в кармане у меня оставалось семьдесят пять центов. То был очень маленький городок, все население, я полагаю, под 2000.

Экспертами этот городок был признан, как писали в одном большом журнале, последним городом в США, на который враги захотят сбросить атомную бомбу.

Понятно, почему.

А все это время, сам того не ведая, я пробирался назад к почтамту. Мать его.

У Джойс в городе был маленький домик, где мы валялись, еблись и жрали.

Кормила она меня до отвала, я от нее растолстел и ослаб одновременно. Ей все было мало. Джойс, жена моя, была нимфой.

Я ходил гулять по городку, в одиночестве, чтоб от нее сбежать, со следами зубов по всей груди, шее и плечам – и кое-где еще, что беспокоило меня больше и было довольно болезненно. Она пожирала меня живьем.

Я хромал по городу, а они на меня лыбились, зная и про Джойс, и про ее сексуальные позывы, а также про то, что у ее отца и деда денег, земли, озер, охотничьих угодий было больше, чем у них всех вместе взятых. Они жалели и ненавидели меня одновременно.

Однажды утром прислали карлика поднять меня с постели, и он начал возить меня по округе, показывая то и это, мистер Такой-то-и-такой-то, отец Джойс, владеет вон тем, а мистер Такой-то-и-такой-то, дедушка Джойс, – вот этим...

Мы ездили все утро. Кто-то пытался меня напугать. Мне было скучно. Я сидел на заднем сиденье, а карлик думал, что я – пройдоха и вкрался в доверие к их миллионам. Он не знал, что я – несчастный случай, бывший почтальон с семьюдесятью пятью центами в кармане.

Карлик, бедолага, болел чем-то нервным и ехал очень быстро, время от времени весь трясся и терял управление машиной. Ее шкивало с одного края дороги на другой, и один раз мы прошкрябали 100 ярдов по забору, прежде чем он снова взял себя в руки.

– ЭЙ! ПОЛЕГЧЕ, КОЗЕЛ! – заорал я с заднего сиденья.

Все, хана. Они пытались меня прикончить. Это очевидно. Карлик был женат на очень красивой девчонке. Когда она была подростком, у нее в пизде застряла пробка от бутылки кока-колы, и пришлось идти к врачу, чтобы ее извлечь. Как и во всех маленьких городишках, про бутылку пошли слухи, от бедной девчонки все стали шарахаться, и карлик оказался единственным претендентом. Он получил лучший кусок жопки в городе.

Я зажег сигару, которую мне дала Джойс, и сказал карлику:

– Все, хватит, козел. Теперь доставь меня обратно. И поезжай медленно. Я не хочу испортить игру.

Я играл пройдоху, чтоб доставить ему удовольствие.

– Есть, сэр, мистер Чинаски. Есть, сэр!

Он мною восхищался. Он думал, что я – редкий сукин сын.

Когда я вошел в дом, Джойс спросила:

– Ну, ты все посмотрел?

– Я увидел достаточно, – ответил я. Имея в виду, что меня хотели прикончить. Я не знал, Джойс участвует в этом или нет.

Тогда она начала сдирать с меня одежду и подталкивать к кровати.

– Секундочку, крошка! Мы уже два раза трахнулись, а еще двух часов нет!

Она только хихикнула и толкнула меня сильнее.

3

Ее отец по-настоящему меня терпеть не мог. Он думал, что мне нужны его деньги. Не нужны мне были его проклятые деньги. Мне даже его проклятая драгоценная доченька не нужна была.

Единственный раз я видел его, когда он вошел к нам в спальню как-то утром, часов около 10. Мы с Джойс лежали в постели, отдыхали. К счастью, мы только что закончили.

Я выглянул из-под простыни. И тут не смог сдержаться. Я ему улыбнулся и мощно подмигнул.

Он выскочил из дома, рыча и матерясь.

Если меня можно было убрать, то он определенно бы за этим проследил.

Дедуля был покруче. Мы сходили к нему в гости, я глушил с ним виски и слушал его ковбойские записи. Его старухе все было просто по фиг. Она и не любила меня, и не ненавидела. Она много ссорилась с Джойс, и я пару раз становился на ее сторону. Это ее, как бы, покорило. Но дедуля был крут. Я думаю, он в заговоре тоже участвовал.

Мы сидели как-то в кафе, закусывали, а все заискивали и лыбились на нас. Там были дедуля, бабуля, Джойс и я.

Потом мы сели в машину и поехали.

– Ты видел когда-нибудь бизона, Хэнк? – спросил меня дедуля.

– Нет, Уолли, не видел.

Я называл его Уолли. Старые кореша по вискачу. Черта лысого.

– У нас они тут водятся.

– А я думал, что они чуть ли не вымерли все.

– О, нет, у нас их тут десятки.

– Невероятно.

– Покажи ему, Папа Уолли, – сказала Джойс.

Сучка глупая. Зовет его Папа Уолли, хотя какой он ей папа.

– Хорошо.

Мы поехали по дороге, пока не уперлись в пустое огороженное поле. Оно шло под уклон, и другого конца было не разглядеть. Много миль в длину и ширину. Там не росло ничего, кроме короткой зеленой травки.

– Не вижу я никаких бизонов, – сказал я.

– Ветер что надо, – сказал Уолли. – Перелезай туда и пройди немного. Чтоб их увидеть, всегда надо немного пройти.

На поле ничего не было. Они думают, что хорошо пошутили, разыграв городского пижона. Я перелез через ограду и пошел.

– Ну, и где же бизоны? – крикнул им я.

– Они там. Иди дальше.

Ох черт, старый трюк – сейчас возьмут и уедут. Кресты проклятые. Подождут, пока я подальше отойду, и отчалят с хохотом. Ну и пусть. И пешком дойду. Хоть от Джойс отдохну немного.

Я очень быстро шагал по полю, ожидая, что они сейчас уедут. Но мотора я не слышал. Я прошел еще дальше, повернулся, сложил руки рупором и заорал им:

– НУ И ГДЕ ВАШИ БИЗОНЫ?

Ответ пришел из-за спины. Я услышал гром их копыт по земле. Трое, здоровенные, как в кино – и они бежали, они надвигались на меня **ОЧЕНЬ БЫСТРО!**

Один немного опережал остальных. Оставалось очень мало сомнений, к кому они направлялись.

– Ой блядь! – сказал я.

Я повернулся и дал деру. Ограда виднелась очень далеко. Она казалась невозможной. Времени оглядываться у меня не было. Может, тогда все вышло бы по-другому. Я несся, широко распахнув глаза. Вот я двигался! Но они меня нагоняли! Я уже чувствовал, как вокруг сотрясается земля, сейчас они вобьют меня в почву. Я слышал, как они фыркают, как они пыхтят. Из последних сил я поднатужился и прыгнул через ограду. Я ее не перелез. Я над нею проплыл. И приземлился на спину в канаву, а одна из этих тварей просунула голову и смотрела сверху на меня.

В машине все ржали. Они решили, что это самое смешное зрелище на свете.

Джойс греготала громче всех.

Глупые звери походили немного кругами, потом куда-то увалили.

Я вылез из канавы и сел в машину.

– Бизонов я увидел, – сказал я, – теперь пора выпить.

Они хохотали всю дорогу в город. Переставали, а потом кто-нибудь опять закатывался,

и все ржали снова. Уолли даже пришлось машину один раз остановить.

Он ее вести больше не мог. Он открыл дверцу и выкатился с хохотом на землю. Даже бабуля икать начала, на пару с Джойс.

Позже история разнеслась по городу, и моей походке перестало хватать чуточку самодовольства. Мне нужно было подстричься. Я сказал об этом Джойс.

Она ответила:

– Сходи в парикмахерскую.

А я сказал:

– Не могу. Бизоны.

– Ты что, боишься людей в парикмахерской?

– Бизоны, – ответил я.

Меня подстригла Джойс.

Надо сказать, ужасно.

4

Потом Джойс захотелось вернуться в город. Несмотря на все недостатки, этот городишко, со стрижками или без, убирал городскую жизнь. Там было тихо. У нас был собственный дом. Кормила меня Джойс хорошо. Много мяса. Богатого, хорошего, отлично приготовленного мяса. За эту сучку одно могу сказать: готовить она умела. Она готовила лучше любой другой бабы, что я знал. Еда полезна для нервов и состояния духа. Мужество происходит из живота, а все остальное – от отчаянья.

Так нет же, приспичило ей ехать. Бабуля постоянно до нее докапывалась, и она свирепела. Мне же довольно-таки нравилось изображать негодяя. Я дал отпор ее двоюродному брату, городскому забияке. Такого тут раньше не было. В джинсовый день всем в городе полагалось носить джинсы – или народ кидали в озеро. Я надел свой единственный костюм с галстуком и неторопливо, словно Крошка Билли, прошелся по городку, заглядывая в окна, останавливаясь купить сигар, а все не спускали с меня глаз. Я разломил этот городишко пополам, как деревянную спичку.

Позже я встретил на улице городского врача. Мне он нравился. Он вечно торчал на какой-то наркоте. Я сам не торчок, но случись так, что захочется спрятаться от себя на несколько дней, я знал: у него я смогу получить все, что захочется.

– Нам надо уезжать, – сказал ему я.

– Вам следует остаться, – ответил он, – жизнь тут неплохая. Охота, рыбалка. Воздух хороший. И никакого давления. Вы в этом городе – хозяева, – сказал он.

– Я знаю, док, но парадом командует она.

5

Поэтому дедуля выписал Джойс большой чек и вот они мы какие. Сняли домик на холме, и тут Джойс взбрела в голову эта дурацкая морализаторская мысль.

– Нам обоим нужно найти работу, – сказала она, – чтоб доказать им, что нам их деньги на фиг не нужны. Чтоб доказать, что мы самостоятельны.

– Крошка, это детский сад какой-то. Любой дурак может выхарить себе какую-нибудь работу; наоборот, только мудрый человек может обойтись без нее. Тут у нас мы называем это фарцой. Я б хотел стать хорошим фарцем.

Такое ей не нравилось.

Потом я объяснил, что человек не может себе найти работу, если у него нет машины ездить ее искать. Джойс села на телефон, и дедуля прислал ей денег на машину. Я опомниться не успел, как уже сидел в новеньком плимуте.

Она выставила меня на улицу в отличном новом костюме, ботинках за сорок долларов, и я подумал: какого черта, пусть ей будет в кайф. Экспедитор – вот я кто. Когда не умеешь ничего делать, им и становишься – экспедитором, приемщиком, кладовщиком. Я съездил по двум объявлениям, зашел в оба места, и оба меня взяли. Первое пахло работой, поэтому я выбрал второе.

И вот я со своим рулончиком клейкой ленты работаю в художественной лавке.

Раз плюнуть. Работы на час-два в день. Я слушал радио, построил себе из фанеры кабинет, поставил туда старый письменный стол, телефон и сидел читал Беговые Формы. Иногда мне становилось скучно, и я ходил по переулку в кофейню, сидел там, прихлебывая кофе, жуя пирожные и флиртуя с официантками.

Приходили водители.

– Где Чинаски?

– В кофейне.

Они шли туда, пили кофе, потом мы вместе возвращались по переулку, делали, что нужно – скидывали несколько коробок с грузовика или закидывали в кузов. Еще что-то с накладными.

Они не хотели меня увольнять. Даже продавцам я нравился. Они грабили своего босса с черного хода, но я ничего не говорил. То была их маленькая игра. Меня она не интересовала. Мелкое воровство, не больше. Мне же нужен был весь мир или ничего.

6

В том домике на холме жила смерть. Я понял это, как только вышел через сетчатую дверь на задний двор. На меня обрушился зудящий, звенящий, воющий грохот: 10000 мух поднялись в воздух одновременно. Такие мухи живут на всех задних дворах – там растет высокая зеленая трава, и они в ней гнезда вьют, они ее обожают.

Господи ты боже мой, подумал я, и ни единого паука в радиусе пяти миль!

Пока я там стоял, эти 10000 мух начали спускаться с небес, усаживаться на траву, на забор, на землю, мне на волосы, на руки, везде. Одна из тех, что посмелее, меня укусила.

Я выматерился, выскочил из дома и купил самый большой баллон от мух, что только есть. Я сражался с ними много часов, в неистовстве – и мухи, и я, – и через несколько часов, кашляя и тошняя от того, что надыхался этой гадостью, огляделся: мух было столько же, сколько и раньше. Наверное, на каждую, что я убил, они залегали в траву и рожали двух. Я сдался.

В спальне у нас вокруг кровати стояла такая низенькая стеночка, перегородившая комнату. На ней располагались горшки, а в горшках располагалась герань. Когда мы с Джойс впервые легли в постель и заработали, я заметил, что половицы начали прогибаться и дрожать.

Затем – плюх.

– О-о! – сказал я.

– Ну что еще? – спросила Джойс. – Не останавливайся! Не останавливайся!

– Бэби, мне на задницу горшок герани свалился.

– Не останавливайся! Продолжай!

– Ладно, ладно!

Я снова расшуровался, все шло сносно, и тут – Ох, блядь!

– Что такое? Что такое?

– Еще один горшок с геранью, бэби, трахнул меня по копчику, скатился в жопу и упал.

– К черту герань! Дальше! Дальше!

– А, ну ладно...

Через все наше упражнение горшки все падали и падали. Как ебаться под бомбежкой. Наконец, мне удалось.

Позже я сказал:

- Слушай, крошка, надо что-то сделать с этой геранью.
- Нет, пускай там стоит!
- Но почему, бэби, почему?
- Остроты придает.
- Остроты придает?
- Да.

Она только хихикнула. Но горшки оставались на месте. Большую часть времени.

7

Затем я начал возвращаться домой несчастным.

– В чем дело, Хэнк?

Приходилось каждый вечер напиваться.

– Дело в управляющем, Фредди. Он начал насвистывать эту песенку. Он ее насвистывает, когда я прихожу по утрам, и не останавливается. Когда я уйду вечером домой, он ее по-прежнему свистит. И так уже две недели!

– А как песня называется?

– Вокруг Света в Восемьдесят Дней. Мне она никогда не нравилась.

– Так найди себе другую работу.

– Найду.

– Только с этой не увольняйся, пока новую не найдешь. Надо им доказать, что...

– Ладно. Ладно!

8

Как-то днем я встретил на улице одного пьянчугу. Я его знал и раньше – в те дни, когда мы с Бетти бары обходили один за другим. Он мне рассказал, что работает почтовым клерком, и что это не работа, а пшик.

Самое большое и жирное вранье столетия. Я ищу этого парня уже много лет, но боюсь, до него кто-нибудь другой раньше добрался.

И вот я снова держал экзамен на гражданскую службу. Только в этот раз пометил свои бумаги клерк, а не почтальон.

К тому времени, как я получил уведомление, что должен явиться на присягу, Фредди перестал насвистывать Вокруг Света в Восемьдесят Дней, но мне уже не терпелось заполучить эту шаровую работенку у Дяди Сэма.

Фредди я сказал:

– Мне тут отлучиться по одному делу нужно, можно я полтора часа на обед возьму?

– О-кей, Хэнк.

Кабы знать, каким длинным этот обед окажется.

9

Нас собралась целая банда. Человек 150 или 200. Надо было заполнить скучные бумаги. Затем все встали лицом к флагу. Присягу принимал тот же парень, что и раньше.

Приняв у нас присягу, он сказал:

– Так, ладно, вы получили хорошую работу. Держите рыльце чистым, и уверенность до конца жизни вам обеспечена.

Уверенность? Такая уверенность только при пожизненном бывает: три квадрата, за

квартиру платить не нужно, ни удобств, ни подоходного налога, ни алиментов.

Ни подати за номер на машину. Ни штрафов на дороге. Ни вождения в нетрезвом виде. Ни проигрышей на скачках. Бесплатное медицинское обслуживание. Товарищи со сходными интересами. Церковь. Глазок. Бесплатные похороны.

Почти 12 лет спустя, из тех 150 или 200 нас осталось лишь двое. Как некоторые не могут водить такси, или шлюхами торговать, или толкать наркоту, большинство парней – да и девчонок тоже – не могут быть почтовыми клерками. И я их не виню. Шли года, и я видел, как они маршируют своими отрядами по 150—200 человек, и из каждой группы оставалось двое, трое, четверо – ровно столько, чтобы заменить тех, кто уходит на пенсию.

10

Сопровождающий провел нас по всему зданию. Нас было так много, что всех пришлось поделить на группы. Мы ездили на лифте по очереди. Нам показали столовую для служащих, подвалы, всю эту скучотищу.

Боже праведный, подумал я, побыстрее бы он, что ли. Я с обеда уже на два часа задерживаюсь.

Затем сопровождающий вручил нам рабочие листки. Показал часы.

– Вот так вы отмечаетесь.

Он показал нам, как. Потом сказал:

– Теперь отмечайтесь.

Двенадцать с половиной часов спустя мы отметились на выходе. Ни хера себе присяга получилась.

11

Через девять или десять часов людей морил сон, и они падали в свои ящики, умудряясь схватиться за что-то и не рухнуть туда совсем. Мы раскладывали зонированную почту. Если на письме стояло зона 28, ты совал его в дырку под номером 28. Просто.

Один большой черный парень вскочил с места и замахал руками, чтобы проснуться. Его мотало по всему полу.

– Вот черт! Не могу я так! – говорил он.

При том, что был он здоровым и мощным кабаном. Работать одними и теми же мышцами очень утомляет. У меня все болело. В конце прохода стоял надзиратель, еще один Булыжник, и на роже у него было написано такое – должно быть, они специально перед зеркалом репетируют, у всех надзирателей такое выражение на лицах: смотрят так, будто ты – кусок человеческого говна.

Однако, входили они сюда через те же самые двери. Когда-то были клерками или почтальонами. Я этого не мог понять. Вертухаи ручной выборки.

Одну ногу всегда следовало держать на полу. Вторую – на подставке для отдыха. То, что они называли подставкой для отдыха, было маленькой круглой подушечкой на каблучке. Разговаривать запрещено. Два 10-минутных перерыва за восемь часов. Время, когда уходил, и когда возвращался, записывалось. Если сидел в сортире 12 или 13 минут, то тебе об этом сообщали.

Но платили лучше, чем в художественной лавке. И я подумал: к этому можно будет привыкнуть.

Не привык я к этому никогда.

12

Затем надзиратель перевел нас на новый проход. Мы уже 10 часов проработали.

– Прежде, чем начнете, – сказал суп, – я хочу вам кое-что сказать. Каждый поднос этого типа почты должен быть рассортирован за 23 минуты. Таков производственный график. А теперь, ради удовольствия, давайте посмотрим, сможете ли вы уложиться в производственный график! Итак, раз, два, три... ВПЕРЕД!

Что это, к дьяволу такое? – подумал я. Я устал.

Каждый поднос был фута два в длину. Но на каждом было разное количество писем. На некоторых почты в два-три раза больше, чем на других, в зависимости от размера писем.

Руки замелькали. Проиграть страшно.

Я не торопился.

– Когда закончите первый поднос, хватайте следующий.

Они в самом деле работали. Потом подскакивали и хватались за следующий.

Надзиратель подошел ко мне сзади.

– Вот, – сказал он, показывая на меня, – этот человек в самом деле выполняет план. Он уже наполовину закончил свой второй поднос!

Поднос у меня был первым. Не знаю, подкалывал он меня или нет, но поскольку я так сильно оторвался, то еще немного притормозил.

13

В 3:30 утра мои 12 часов истекли. В то время они не платили подменным за время полностью и половину за сверхурочные. Ты получал как за одно время. А брали тебя как временного подменного клерка с неограниченным сроком.

Я поставил будильник с тем, чтобы к 8 утра быть в художественной лавке.

– Что случилось, Хэнк? Мы уж подумали, ты в аварию попал. Мы ждали, что ты вернешься.

– Я увольняюсь.

– Увольняешься?

– Да, нельзя же обвинять человека в том, что он ищет для себя лучшей жизни.

Я зашел в контору и получил расчет. Я снова вернулся на почту.

14

А тем временем рядом по-прежнему была Джойс со своей геранью и парой миллионов, если я протяну еще хоть немного. Джойс, мухи и герань. Я работал в ночную смену, 12 часов, а она мацала меня днем, пытаясь заставить исполнять супружеский долг. Сплю я, как вдруг просыпаюсь от того, что меня ее рука поглаживает. Тогда приходилось это делать. Бедняжка совсем спятила.

Затем однажды утром я прихожу, а она говорит:

– Хэнк, только не злись.

Я слишком устал, чтобы злиться.

– Ч такое, крошка?

– Я завела нам собачку. Маленького щеночка.

– Ладно. Это мило. С собаками все в порядке. Где он?

– На кухне. Я назвала его Пикассо.

Я зашел туда и взглянул на пса. Он ничего не видел. Шерсть закрывала ему глаза. Я посмотрел, как он ходит. Бедный Пикассо!

– Крошка, ты знаешь, что ты натворила?

– Он тебе не нравится?

– Я не сказал, что он мне не нравится. Но он недоразвитый. У него коэффициент интеллекта около 12. Ты пошла и притащила нам идиота, а не собаку.

– Откуда ты знаешь?

– Это видно, стоит на него только посмотреть.

И тут Пикассо начал писать. Пикассо был полон ссак. Они бежали длинными толстыми ручейками по кухонному полу. Потом он закончил и подбежал посмотреть.

Я взял его на руки.

– Вытри.

Так Пикассо стал еще одной проблемой.

Я просыпался после 12-часовой смены от того, что Джойс надрачивала меня под геранью, и спрашивал:

– Где Пикассо?

– Пошел к черту этот Пикассо! – отвечала она.

Я вылезал из постели, голый, с огромной елдой, торчавшей спереди.

– Слушай, ты его снова во дворе оставила! Я же говорил тебе не оставлять его днем во дворе!

Затем я выходил во двор, голый, одеваться ломы, я и так устал. Двор был неплохо прикрыт со всех сторон. А там сидел бедный Пикассо, одолеваемый 500 мухами: мухи ползали по нему кругами. Я выбегал с этой штукой (уже начинавшей к тому времени обмякать) и материл мух. Они лезли к нему в глаза, в шерсть, в уши, в причинные места, в пасть... везде. А он просто сидел и улыбался мне. Смеялся надо мной, а мухи ели его поедом. Может, он знал больше всех нас. Я брал его на руки и вносил в дом.

Собачка смеялась,

Завидев такое веселье;

А тарелка с ложкой убежала.

– Черт возьми, Джойс! Я ведь говорил тебе, говорил тебе, говорил тебе!

– Так это ведь ты его от дома отлучил. Ему теперь нужно выходить туда покакать!

– Да, но когда он закончит, вноси его обратно. У него мозгов не хватает самому в дом возвращаться. И смывай дерьмо, когда он закончит. Ты там рай мушиный развела.

Стоило мне после этого заснуть, как Джойс снова начинала меня гладить. До ее пары миллионов было еще очень и очень далеко.

15

Я полудремал в кресле, дожидаясь еды.

Потом встал налить себе стакан воды и, заходя на кухню, увидел, как Пикассо подошел к Джойс и лизнул ее в лодыжку. Я шел босиком, и она меня не слышала. На ней были высокие каблуки. Она взглянула на него и на лице ее вспыхнула чистая местечковая ненависть, раскаленная добела. Она изо всех сил пнула его в бок острым носком туфли. Бедняга лишь забегал маленькими кругами, скауча. Моча закапала из его пузыря. А я зашел за стаканом воды. Стакан я держал в руке и, не успев налить воды, швырнул им в буфет слева от раковины. Осколки разлетелись повсюду. У Джойс было время прикрыть лицо руками. Плевать. Я взял собачку на руки и вышел. Сел в кресло и стал гладить маленького засранца. Он посмотрел на меня снизу, язык вывалился из пасти, и он лизнул меня в запястье. Хвост его вилял и бился, как рыбка, умирающая в мешке.

Я увидел, как Джойс опустила на колени с бумажным пакетом, собирая стекло.

Затем начала всхлипывать. Она пыталась не показывать слез. Повернулась ко мне спиной, но я видел, как ходят ее плечи, как она вся трясется и разрывается.

Я положил Пикассо на пол и зашел в кухню.

– Крошка. Крошка, не надо!

Я обнял ее сзади. Она была вялой.

– Крошка, прости меня... Прости.

Я прижимал ее к себе, обхватив рукой живот. Я поглаживал его легко и нежно, пытаюсь остановить конвульсии.

– Легче, крошка, ну, легче. Тише...

Она немного успокоилась. Я откинул ей назад волосы и поцеловал за ухом. Там было тепло. Она отдернула голову. Когда я поцеловал ее туда в следующий раз, голову она отдергивать не стала. Я услышал, как она втянула в себя воздух, тихонько застонала. Я взял ее на руки и вынес в другую комнату, сел в кресло, держа ее на коленях. Она не хотела на меня смотреть. Я целовал ей горло и уши.

Одна рука на плечах, другая – на бедре. Я стал водить рукой по бедру вверх и вниз, в ритме ее дыхания, стараясь снять плохое электричество.

Наконец, со слабой улыбки она на меня взглянула. Я дотянулся и куснул ее в подбородок.

– Сучка сумасшедшая! – сказал я.

Она рассмеялась и мы поцеловались, головы наши задвигались взад и вперед.

Она опять начала всхлипывать.

Я отодвинулся и сказал:

– НЕ НАДО!

Мы опять поцеловались. Потом я снова взял ее на руки и донес до спальни, положил на кровать, быстро скинул штаны, трусы и ботинки, стянул ей трусики до туфель, сорвал один и так, с одной ногой в туфле, а с другой – без, устроил ей самую лучшую скачку за много месяцев. Ни одна герань не устояла.

Когда я закончил, то медленно понянчился с ней, играя ее длинными волосами, шепча разные разности. Она мурлыкала. В конце концов, встала и ушла в ванную.

Оттуда она не вернулась. Она ушла в кухню и начала мыть тарелки и петь.

Ради Бога, самому Стиву МакКвину лучше бы это не удалось.

У меня на руках было два Пикассо.

16

После ужина или обеда, или что еще я там ел – с моими безумными 12-часовыми сменами я уже не был уверен, что есть что, – я сказал:

– Послушай, крошка, прости, конечно, но неужели ты не понимаешь, что это работа сводит меня с ума? Слушай, давай все бросим. Давай просто валяться на кровати, заниматься любовью, ходить гулять и разговоры разговаривать. Давай сходим в зоопарк. На зверюшек посмотрим. Давай съездим посмотрим на океан. 45 минут всего от нас ехать. Пошли посражаемся на игральном автомате. Поехали на скачки, в Художественный Музей, на бокс. Давай заведем друзей. Давай смеяться.

Такая жизнь – как у кого угодно: она нас убивает.

– Нет, Хэнк, мы должны им показать, мы должны им показать...

Это говорила маленькая девочка из техасского захолустья.

Я сдался.

17

Каждый вечер, перед тем, как мне уходить на смену, Джойс раскладывала для меня на постели одежду. Все было самым дорогим, что только можно купить за деньги. Я никогда не надевал одни и те же брюки, одну и ту же рубашку, одни и те же ботинки два раза подряд. У

меня были десятки разных нарядов. Я надевал все, что бы она для меня ни выложила. Совсем как мама, бывало.

Не очень я далеко ушел, думал я, и надевал на себя это барахло.

18

У них была такая штука, которая называлась Тренировочным Классом, поэтому как бы то ни было, но каждую ночь нам можно было не распахивать почту минут по 30.

Здоровый итальяно вознесся на трибуну растолковать нам все, как есть.

– ...так, нет ничего лучше запаха хорошего чистого пота, но нет ничего хуже вони застоявшегося пота...

Боже святой, думал я, мне померещилось? И такая дрянь наверняка санкционирована правительством. Этот олух велит мне мыть под мышками. Инженеру или концертмейстеру они сказать бы такое не посмели. Он нас унижает.

– ...поэтому ванну принимайте каждый день. Вас будут оценивать и по внешнему виду, не только по производительности труда.

Мне кажется, он хотел где-то употребить слово гигиена, но такого слова в нем просто не было.

Затем он отошел в глубину лекционного помоста и развернул большую карту.

Большую без шуток. Она закрывала половину сцены. На карту направили фонарь. А здоровый итальяно взял указку с маленьким резиновым соском на кончике, вроде той, что используют в первом классе, и ткнул ею в карту.

– Вот, видите все это ЗЕЛЕНОЕ? Так вот, его тут до черта. Смотрите!

Он поднял указку и повозил ею по зеленому.

В то время анти-русские настроения были намного сильнее, чем сейчас. Китай еще не начал поигрывать мускулами. Вьетнам пока оставался балхой с фейерверком.

Но я все равно думал, уж не спятил ли я? Наверняка у меня что-то со слухом!

Однако никто в классе не протестовал. Им нужна была работа. И, по мнению Джойс, мне тоже нужна была работа.

Потом он сказал:

– Смотрите сюда. Вот это – Аляска! А вот тут – они! Похоже, что они тут чуть ли не перепрыгнуть к нам могут, правда?

– Ага, – ответил с первого ряда какой-то тип с промытыми мозгами.

Итальяно свернул карту. Она хрустко скрутилась сама в себя, потрескивая от праведного гнева войны.

Затем он перешел на край сцены и ткнул своей резиновой титькой в нас.

– Я хочу, чтобы вы поняли: мы обязаны сдерживать рост бюджета! Я хочу, чтобы вы поняли: КАЖДОЕ ПИСЬМО, КОТОРОЕ ВЫ СОРТИРУЕТЕ – КАЖДУЮ СЕКУНДУ, КАЖДУЮ МИНУТУ, КАЖДЫЙ ЧАС, КАЖДЫЙ ДЕНЬ, КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ – КАЖДОЕ ЛИШНЕЕ ПИСЬМО, КОТОРОЕ ВЫ СОРТИРУЕТЕ ВО ВНЕРАБОЧЕЕ ВРЕМЯ, ПОМОГАЕТ НАМ РАЗГРОМИТЬ РУССКИХ! Так, на сегодня все. Перед тем, как уйти, каждый из вас получит свое плановое задание.

Плановое задание. Это еще что?

Кто-то прошел по классу, раздавая листы бумаги.

– Чинаски? – спросил он.

– Ну?

– У вас зона 9.

– Спасибо, – ответил я.

Я и понятия не имел, на что согласился. Зона 9 была самым здоровым участком в городе. Некоторые парни получили крошечные зоны. То же самое, что и с двухфутовым подносом за 23 минуты – в тебя их просто засаживали.

На следующую ночь, когда нашу группу переводили из главного корпуса в учебный, я остановился поговорить с Гасом, старым газетчиком. Гас некогда был третьим претендентом на звание чемпиона во втором полусреднем весе, но чемпионства так и не увидел. Он замахивался слева, а, как вы хорошо знаете, никому не в кайф драться с левшой – мальчика нужно с самого начала переучивать.

Кому охота? Гас завел меня внутрь и мы слегка приложились к его бутылочке. Потом я пошел догонять остальную группу.

Итальяно ждал нас в дверях. Увидел, как я подхожу, и вышел мне навстречу во двор.

– Чинаски?

– Ну.

– Вы опоздали.

Я ничего не ответил. Мы пошли к зданию вместе.

– Я уже почти надумал шлепнуть вас по рукам первым предупреждением, – сказал он.

– О, пожалуйста, не делайте этого, сэра! Не надо, пожалуйста! – ответил я на ходу.

– Хорошо, – сказал он, – на первый раз прощаю.

– Благодарю вас, сэра, – сказал я, и мы вошли внутрь вместе.

Хотите, кое-что скажу? У этого сукиного сына воняло из-под мышек.

Наши 30 минут теперь были посвящены плановой тренировке. Каждому раздали по колоде карт, чтобы мы учились рассовывать их по своим ящикам. Чтобы сдать план, требовалось рассортировать 100 карт за восемь минут или меньше, по крайней мере, с 95 процентами аккуратности. Сдавать разрешалось три раза, и если заваливался в третий, то разрешали уйти. Я имею в виду, тебя увольняли.

– У некоторых из вас не получится, – сказал итальяно. – Значит, видимо, вам что-то другое на роду написано. Может, вы, в конце концов, станете президентом Дженерал Моторс.

Потом нас избавили от итальяно и дали славного маленького планового инструктора, который начал нас поощрять.

– У вас получится, парни, это не так сложно, как кажется.

У каждой группы был свой плановый инструктор, и им тоже ставили оценки в зависимости от процента сданных экзаменов. Нам достался крендель с самым низким процентом. Он был обеспокоен.

– Тут ничего такого нет, парни, просто не отвлекайтесь, и все.

У некоторых колоды были тощими. У меня же – толще всех.

Я просто стоял в своем новом пижонском прикиде. Стоял, засунув руки в карманы.

– Чинаски, в чем дело? – спросил инструктор. – Я знаю, что у вас получится.

– Угу. Угу. Я сейчас думаю.

– О чем же это вы думаете?

– Ни о чем.

И я отошел от него.

Прошла неделя, а я по-прежнему стоял, руки в карманы, – и тут ко мне подошел один из подменных.

– Сэр, мне кажется, я уже готов раскидать этот план.

– Вы уверены? – спросил его я.

– Я раскидывал на тренировках 97, 98, 99 и пару сотен.

– Вы должны понимать, что мы на ваше обучение тратим огромные деньги. Мы хотим, чтобы вы разбрасывали их до последнего туза!

– Сэр, я действительно считаю, что готов!

– Хорошо, – я пожал ему руку, – тогда ступайте, мальчик мой, и удачи вам.

– Благодарю вас, сэр!

Он побежал к экзаменационной – застекленному аквариуму, куда тебя швыряют проверить, как ты плаваешь в их водах. Бедная рыбка. Какой облом после того, как побывал местечковым негодяйчиком. Я зашел в тренировочную комнату, снял резинку с колоды и посмотрел на карты впервые в жизни.

– Вот говно! – сказал я.

Парочка парней рассмеялась. Затем плановый инструктор произнес:

– Ваши полчаса истекли. Возвращайтесь на рабочие места.

Что означало: к новым 12 часам.

Им не хватало рук рассылать почту, поэтому тем, кто оставался, приходилось вкалывать за всех. По графику мы обязаны были пахать две недели без перерыва, зато потом получали сразу четыре выходных. Чтобы не расслаблялись. Четыре дня отдыха. В последнюю перед выходными ночь заговорил интерком:

– ВНИМАНИЕ! ВСЕМ ПОДМЕННЫМ В ГРУППЕ 409!...

В группе 409 был я.

– ...ВАШИ ЧЕТЫРЕ ВЫХОДНЫХ ДНЯ ОТМЕНЕНЫ. ВАМ НАДЛЕЖИТ В ЭТИ ЧЕТЫРЕ ДНЯ ЯВЛЯТЬСЯ НА РАБОТУ!

21

Джойс нашла себе работу в кругу, и не где-нибудь, а в Полицейском Департаменте округа. Я живу с ментовкой! Но, по крайней мере, работа была дневной, что давало мне немного передохнуть от этих ее ласковых рук. Если не считать того, что Джойс купила двух попугаев, и чертовы твари не разговаривали – они денно и ночью чирикали.

Мы с Джойс встречались за завтраком и обедом – весьма поспешно, и получалось очень мило. Хотя ей и удавалось меня по-прежнему время от времени сношать, все же лучше, чем раньше. Но попугаи...

– Послушай, крошка...

– Ну что еще?

– Ладно. Я уже привык к герани, к мухам и к Пикассо, но ты должна понять, что я работаю по 12 часов в ночь, а помимо этого изучаю план, а ты насилуешь остатки моей энергии...

– Насилую?

– Ладно. Я не так выразился. Прости.

– Что ты имеешь в виду – насилую?

– Я же сказал – выкинь из головы! Но смотри, все дело в попугаях.

– Так значит теперь попугаи! Они тебя тоже насилуют?

– Да, насилуют.

– Кто же сверху?

– Слушай, не остри. Не будь такой гадкой. Я пытаюсь тебе кое-что сказать.

– Теперь ты мне пытаешься сказать, какой мне быть!

– Хорошо! Блядь! Ты у нас – при деньгах! Ты дашь мне сказать или нет? Отвечай: да или нет?

– Ладно, сосунок: да.

– Ладно. Сосунок вот что хочет сказать: Мама! Мама! Эти ебаные попугаи сводят меня с ума!

– Ладно, теперь расскажи маме, как именно эти попугаи сводят тебя с ума.

– А вот так, мама, эти твари целыми днями трещат, ни на минуту не останавливаются, а я все жду, чтобы они что-нибудь сказали, но они никогда ничего не говорят, а я целый день не могу заснуть, слушая этих идиотов!

– Ладно, сосунок. Если они не дают тебе спать, выставь их.

– Выставить, мама?

– Да, выстави.

– Хорошо, мама.

Она поцеловала меня и провиляла жопой вниз по лестнице на свою ментовскую работу.

Я забрался в постель и попробовал уснуть. Как же они трещали! Болела каждая мышца моего тела. Если я лежал на этом боку, если я лежал на том боку, если я лежал на спине – все болело. Я обнаружил, что легче всего лежать на животе, но от этого уставал. Чтобы из одного положения перевернуться в другое, требовалось добрых две-три минуты.

Я ворочался и вертелся, матерясь, постанывая, да и немного похохатывая тоже над нелепостью положения. А те все трещали. Они меня достали. Что они знают о боли в этой своей клетушке? Трепачи яйцеголовые! Одни перья – мозгов-то с булавоочную головку.

Я умудрился вылезти из постели, сходить в кухню, набрать в чашку воды, а потом подошел к клетке и окатил их обоих.

– Ебанутые твари! – выматерил их я.

Они злобно посмотрели на меня из-под мокрых перьев. Но замолчали! Нет лучше средства, чем старое доброе водолечение. Я позаимствовал страничку у психоаналитиков.

Потом зеленый с желтой грудкой изогнулся и цапнул себя за живот. Затем поднял голову и зачирикал с красным с зеленой грудкой – и пошло-поехало.

Я сидел на кровати и слушал их. Подошел Пикассо и куснул меня в лодыжку.

Это меня доконало. Я вынес клетку наружу. Пикассо шел за мной. 10000 мух поднялись в воздух. Я поставил клетку на землю, открыл дверцу и присел на ступеньки.

Обе птички посмотрели на дверцу. Они не могли этого понять и одновременно могли. Я слышал, как их крохотные мозги пытаются функционировать. У них тут есть пища и вода, а что означает это открытое пространство?

Зеленый с желтой грудкой пошел первым. Он соскочил в проем дверцы со своей жердочки. Сел, цепляясь за проволоку. Посмотрел на мух. Постоял секунд 15, стараясь принять решение. Затем у него в маленькой голове что-то щелкнуло. Или у нее. Он не полетел. Он взмыл прямо в небо. Выше, выше, выше, выше. Прямо вверх!

Стрелой! Мы с Пикассо сидели и смотрели. Чертова тварь исчезла.

Настала очередь красного с зеленой грудкой.

Красный оказался гораздо нерешительнее. Он нервно походил по дну клетки.

Дьявольски сложное решение. Людям, птицам, всем приходится его принимать.

Трудная игра.

Поэтому красный ходил и обдумывал. Желтый свет солнца. Мухи жужжат. Человек и собака наблюдают. И все это небо, все это небо.

Это было чересчур. Старина красный подскочил к проволоке. Три секунды.

ВЖЖИК!

Птицы не стало.

Мы с Пикассо взяли пустую клетку и вернулись в дом.

Я хорошо выспался впервые за много недель. Я даже забыл завести будильник. Я скакал на белом коне по Бродвею в городе Нью-Йорке. Меня только что выбрали мэром. У меня здорово стояло, а потом кто-то швырнул в меня комком грязи... и Джойс меня растолкала.

– Что случилось с птичками?

– К чертям птичек! Я – мэр Нью-Йорка!

– Я тебя спрашиваю, где птички? Я вижу пустую клетку!

– Птички? Птички? Какие птички?

– Да просыпайся же, черт тебя побери!

– Трудный день в конторе, дорогуша? Ты что-то резковата.
– ГДЕ ПТИЧКИ?
– Ты мне сама сказала выставить их наружу, если будут мешать мне спать.
– Я имела в виду выставить их на заднюю веранду или во двор, дурак.
– Дурак?
– Да, ты дурак! Ты что, хочешь сказать, что выставил птичек из клетки? Ты действительно хочешь сказать, что выпустил их?
– Ну, я могу сказать только, это что они не заперты в ванной, и в буфете их тоже нет.
– Они же там умрут с голода!
– Они могут ловить червей, есть ягоды, и все такое.
– Они не могут, не могут. Они не умеют! Они умрут!
– Пусть учатся или сдохнут, – ответил я, медленно повернулся на другой бок и снова начал засыпать. Смутно я слышал, как она готовит ужин, роняя крышки и ложки на пол, ругаясь. Но Пикассо лежал со мной на постели, Пикассо не грозили ее острые туфли. Я вытянул руку, он ее полизал, и я уснул.
То есть, заснул я ненадолго. В следующее мгновение я почувствовал, как меня мацают. Я открыл глаза – она лыбилась на меня как ненормальная. Голая, груди болтаются у меня перед самым носом. Волосы ноздри щекочут. Я много чего про нее подумал, затем обхватил руками, перевернул на спину и засадил.

22

Ментовкой она на самом деле не была, она была клерком-ментовкой. И как-то начала приходить домой и рассказывать мне про парня, который носил лиловую булавку для галстука и был настоящим джентльменом.
– Ох, он такой добрый!
Я слушал истории про него каждый вечер.
– Ну, – спрашивал я, – как сегодня поживает наша старая Лиловая Булавка?
– О, – отвечала она, – знаешь, что произошло?
– Нет, крошка, потому и спрашиваю.
– Ох, он ТАКОЙ джентльмен!
– Ладно. Ладно. Что произошло?
– Знаешь, он так много страдал!
– Конечно.
– Знаешь, у него жена умерла.
– Нет, не знаю.
– Не будь таким развязным. Я тебе говорю, у него умерла жена, и он истратил 15 тысяч долларов на ее лечение и похороны.
– Хорошо. И?
– Иду я по коридору. А он навстречу. Мы встретились. Он посмотрел на меня и говорит со своим турецким акцентом: Ах, вы такая прекрасная! И знаешь, что он сделал?
– Нет, крошка, расскажи. Рассказывай скорее.
– Он поцеловал меня в лоб, слегка, так легко. И пошел дальше.
– Я могу тебе про него кое-что рассказать, крошка. Он слишком кино насмотрелся.
– Откуда ты знаешь?
– То есть как?
– Он владелец кинотеатра для автолюбителей. Он им управляет каждый вечер после работы.
– Оно и видно, – сказал я.
– Но он такой джентльмен! – сказала она.
– Слушай, бэби, я не хочу делать тебе больно, но...

– Но что?

– Слушай, ты мещанка. Я в 50 местах работал, может в ста. Я нигде надолго не задерживался. Вот что я пытаюсь сказать: в конторах по всей Америке играют в определенную игру. Людям скучно, они не знают, чем заняться, поэтому играют в конторскую романтику. В большинстве случаев это ничего не значит, кроме препровождения времени. Иногда им удается выхарить поебку-другую на стороне. Но даже так это просто легкое развлечение, вроде кегельбана, телевизора или новогодней вечеринки. Ты должна понять, что это ничего не означает, и тогда тебе не будет больно. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Я считаю, что мистер Партизан искренен.

– Ты на эту булавку наколешься, крошка, не забывай, что я тебе сказал.

Осторожнее с этими пройдохами. Это такая же туфта, как свинцовая монетка.

– Он не туфта. Он джентльмен. Настоящий джентльмен. Если б только ты тоже был джентльменом.

Я опустил руки. Сел на кушетку, взял свой листок с планом и попытался выучить наизусть Бульвар Бэбкок. Бэбкок делился на 14, 39, 51, 62. Какого черта?

Я что, не смогу это запомнить?

23

Наконец, мне дали выходной, и знаете, что я сделал? Я встал пораньше, пока Джойс не вернулась, и пошел на рынок немного подзатариться, и может быть, я спятил. Я прошел рынок насквозь и вместо того, чтобы купить славный красный бифштекс или даже кусок курицы для жарки, знаете, что я сделал? Я выкинул два очка и зашел в восточную секцию, где начал набивать корзинку осьминогами, водяными пауками, улитками, морской капустой и так далее. Кассир странно на меня посмотрел и стал выбивать чек.

Когда Джойс вернулась вечером домой, у меня все уже стояло на столе. Морская капуста, в ней немного паука и кучки маленьких, золотистых, жаренных в масле улиток.

Я завел ее в кухню и показал добро на столе.

– Я приготовил это в твою честь, – сказал я, – как посвящение нашей любви.

– Что это за говно, к чертовой матери? – спросила она.

– Улитки.

– Улитки?

– Да, неужели ты не понимаешь, что многие века люди на Востоке жили только этим и ему подобным? Давай отдадим им дань и отдадим дань себе. Они поджарены в масле.

Джойс вошла и села.

Я начал закидывать улиток себе в рот.

– Черт побери, да они хорошие, крошка! ПОПРОБУЙ!

Джойс протянула руку и вилок положила одну в рот, разглядывая оставшихся на тарелке.

Я набил рот вкусной морской капустой.

– Хорошо, а, крошка?

Она пережевывала улитку.

– Поджарены в золотом масле!

Я подхватил несколько рукой и отправил в рот.

– Столетия на нашей стороне, крошка. Мы не сможем пролететь!

Она, наконец, проглотила свою. Потом обследовала остальных на тарелке.

– У них у всех крохотные жопки есть! Это кошмар! Кошмар!

– Что кошмарного в жопках, крошка?

Она прижала ко рту салфетку. Вскочила и понеслась в ванную. Ее начало рвать.

Я верещал ей из кухни:

– ЧЕМ ТЕБЕ НЕ НРАВЯТСЯ ЖОПЫ, КРОШКА? У ТЕБЯ ЕСТЬ ЖОПА, У МЕНЯ ЕСТЬ ЖОПА! ТЫ ИДЕШЬ В МАГАЗИН И ПОКУПАЕШЬ РЕСТОРАННЫЙ БИФСТЕКС, У КОТОРОГО ТОЖЕ БЫЛА ЖОПА! ЖОПЫ ПОКРЫВАЮТ ВСЮ ЗЕМЛЮ! У ДЕРЕВЬЕВ В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ ТОЖЕ ЕСТЬ ЖОПЫ, НО ТЫ ИХ НЕ НАЙДЕШЬ, ОНИ ПРОСТО СБРАСЫВАЮТ ЛИСТВУ. ТВОЯ ЖОПА, МОЯ ЖОПА, МИР ПОЛОН МИЛЛИАРДОВ ЖОП. У ПРЕЗИДЕНТА ЕСТЬ ЖОПА, У МАЛЬЧИШКИ С МОЙКИ МАШИН ТОЖЕ ЕСТЬ ЖОПА, И У СУДЬИ, И У УБИЙЦЫ ЕСТЬ ПО ЖОПЕ... ДАЖЕ У ЛИЛОВОЙ БУЛАВКИ ЕСТЬ ЖОПА!

– Ох, прекрати! ПРЕКРАТИ!

Она траванула снова. Мещанка. Я открыл бутылку sake и хлебнул.

24

Это случилось примерно неделю спустя, около 7 утра. Мне обломился еще один выходной, и после двойной смены я прижимался к заднице Джойс, к ее жопке, спал, поистине спал, как вдруг затренькал дверной звонок, я встал и пошел открывать эту дрянь.

Там стоял маленький человечек при галстукe. Он сунул мне в руку какие-то бумаги и убежал.

То была повестка на развод. Тю-тю мои миллионы. Но я не рассердился, поскольку все равно на ее денежки никогда не рассчитывал.

Я разбудил Джойс.

– Что?

– Ты не могла устроить мне подъем в более пристойное время?

Я показал ей бумаги.

– Прости меня, Хэнк.

– Все в порядке. Надо было просто мне сказать. Я бы согласился. Мы бы просто пару раз потрахались и посмеялись, повеселились бы, в общем. Я такого не понимаю. А ты всю дорогу знала. Будь я проклят, если я понимаю баб.

– Слушай, я подала на развод, когда мы с тобой поссорились. Я подумала, что если буду ждать, пока не остыну, то никогда этого не сделаю.

– Ладно, крошка, честная женщина достойна восхищения. Это Лиловая Булавка?

– Лиловая Булавка, – ответила она.

Я рассмеялся. Довольно печальным смехом, надо признать. Но он прозвучал.

– Догадаться нетрудно. Однако у тебя с ним будут хлопоты. Я желаю тебе удачи, бэби. Знаешь, я многое в тебе любил, не только твои деньги.

Она заплакала в подушку, лежа на животе, вся сотрясаясь. Просто девочка из маленького городка, избалованная и замороченная. Вот она трясется, плачет, ничего в этом фальшивого. Ужасно.

Одеяла сползли и упали на пол, и я смотрел на ее белую спину, лопатки торчали, как будто хотели вырасти в крылья, протыкали изнутри кожу. Маленькие лопаточки. Она была беспомощна.

Я забрался в постель, погладил ее по спине, ласкал ее, ласкал, успокоил – и тут она разрыдалась снова:

– О, Хэнк, я люблю тебя, люблю тебя, мне так жаль, прости меня прости меня прости!

В самом деле на дыбу вздернули.

Через некоторое время я начал чувствовать себя так, как будто это я с ней развожусь.

Затем мы хорошенько трахнулись в честь старых добрых времен.

Ей остались домик, собака, мухи и герань.

Она даже помогла мне собрать вещи. Аккуратно сложила мне в чемоданы штаны.

Упаковала трусы и бритву. Когда я собрался уходить, она снова расплакалась. Я укусил ее в ухо, правое, и спустился по лестнице вместе с барахлом. Залез в машину и начал

кататься по улицам в поисках вывески Сдается.
Это не показалось мне непривычным занятием.

ТРИ

1

Я не стал оспаривать развод, не пошел в суд. Джойс отдала мне машину. Водить она не умела. Все, что я потерял, – это три или четыре миллиона. Но у меня по-прежнему оставался почтамт.

Бетти я встретил на улице.

– Я видела тебя с этой сукой некоторое время назад. Она не твоего типа баба.

– Все они не моего типа.

Я рассказал ей, что все кончено. Мы сходили выпили пива. Бетти постарела, и очень быстро. Потяжелела. Морщины прорезались. Шея обвисла. Печально. Но и я тоже постарел.

Бетти потеряла работу. Собаку переехала машина. Она устроилась официанткой, затем и эту работу потеряла, когда кафе снесли, чтобы построить административное здание. Теперь она жила в ночлежке для неудачников. Она меняла там простыни и мыла сортиры. Закладывала. Она предложила нам как-нибудь собраться снова. Я предложил немножко обождать. Я только-только пытался оклематься после этой передрыги.

Она вернулась к себе в комнатенку и надела лучшее платье, высокие каблуки, попыталась примарафетиться. Но в ней была какая-то ужасная печаль.

Мы взяли квинту виски и немного пива, поехали ко мне на четвертый этаж старого многоквартирного дома. Я снял трубку и сказал, что заболел. Сел напротив Бетти. Она скрестила ноги, скинула туфли, немного посмеялась. Как в былые времена. Почти. Чего-то не хватало.

А в то время, когда сказывался больным, почтамт присылал медсестру проверить больного на месте: не в ночном ли ты клубе, не режешься ли в покер. Квартира у меня была близко от центрального участка, поэтому проверять меня им было удобно.

Мы с Бетти просидели так часа два, когда в дверь постучали.

– Что это?

– Все нормально, – прошептал я, – закрой рот! Снимай эти свои каблуки, иди на кухню и ни звука. МИНУТОЧКУ! – ответил я стучальщику.

Я зажег сигарету, духан перебить, подошел к двери и приоткрыл ее на щелочку.

Там стояла медсестра. Та же самая. Она меня знала.

– Ну, так что с вами? – спросила она.

Я выпустил облачко дыма:

– Расстройство желудка.

– Вы уверены?

– Мой ведь желудок.

– Распишитесь вот здесь, чтоб видно было, что я заходила и что вы были дома.

– Конечно.

Сестра боком втокнула форму в щелочку. Я подписал. Протолкнул обратно.

– Завтра на работу выйдете?

– Откуда мне знать? Если поправлюсь – выйду, если нет – останусь.

Она гадко на меня взглянула и ушла. Я знал, что она унюхала запах вискача.

Достаточное доказательство? Возможно, нет, слишком много технических подробностей, а может, она и смеялась, залезая в машину со своим черным саквояжиком.

– Ладно, – сказал я, – надевай туфли и выходи.

– Кто это был?

– Медсестра с почтамта.
– Ушла?
– Ага.
– Они так все время делают?
– До сих пор ни разу не пропустили. Давай теперь нальем по полной и хорошенько отпразднуем!

Я зашел на кухню и налил два полных. Вышел и протянул Бетти ее стакан.

– Салуд! – сказал я.

Мы подняли стаканы повыше, чокнулись.

И тут зазвонил будильник, причем громко.

Я дернулся, будто мне выстрелили в спину. Бетти подскочила на фут, прямо вверх. Я подбежал к часам и заткнул звонок.

– Господи, – сказала она, – я чуть не уделалась со страху!

Мы оба расхохотались. Потом сели. Хорошенько выпили.

– У меня был парень, на округ работал, – сказала она. – Так там тоже инспектора отправляли, мужика, но не каждый раз, а может один из пяти. И вот в тот вечер пьем мы с Гарри – так его звали: Гарри. В тот вечер пью я с Гарри, и тут стук в дверь. Гарри сидит на кушетке, весь одетый. Ох, Господи Иисусе! – говорит он и прыгает в постель как есть, прямо в одежде, и натягивает покрывало. Я сую стаканы с бутылками под кровать и открываю дверь.

Заходит этот мужик и садится на кушетку. А Гарри даже башмаков с чулками не снял, но он весь под покрывалом. Мужик говорит: Как ты себя чувствуешь, Гарри? А Гарри отвечает: Да не очень. Она вот пришла за мной ухаживать. И на меня показывает. А я там сижу пьяная такая. Что ж, надеюсь, ты поправишься, Гарри, – говорит инспектор и уходит. Я уверена, он заметил эти бутылки и стаканы под кроватью, и я уверена, что он понял, что ноги у Гарри не настолько большие. Перетрухали мы.

– Черт, мужику житья вообще нет, правда? Им вечно надо, чтоб он за штурвалом стоял.

– Точно.

Мы еще немного покиряли, а затем отправились в постель, но так, как раньше, уже не было, так никогда не бывает: теперь между нами было пространство, много разного произошло. Я смотрел, как она уходит в ванную, видел складки и морщины у нее под ягодицами. Бедняжка. Бедная, бедная бедняжка. Джойс была гладкой и твердой – хватал ее пятерней, и хорошо. Бетти же на ощупь была не так хороша.

Печально, печально, печально. Когда Бетти вернулась, мы не пели, не смеялись, мы даже не спорили. Мы сидели и пили в темноте, курили сигареты, а когда засыпали, ни я на нее ноги не складывал, ни она на меня. Мы спали, не прикасаясь.

Нас обоих ограбили.

2

Я позвонил Джойс.

– Как получается с Лиловой Булавкой?

– Я ничего не могу понять, – ответила она.

– Что он сделал, когда ты сказала ему, что развелась?

– Мы сидели друг напротив друга в кафетерии для сотрудников, когда я ему сказала.

– И что произошло?

– Он уронил вилку. У него открылся рот. Он сказал: Что?

– Значит, он понял, что ты не шутила.

– Я не врубаюсь. С тех пор он меня избегает. Когда я вижу его в коридоре, удирает. Больше не садится за мой столик в обеденный перерыв. Он кажется... ну, почти... холодным.

– Бэби, есть и другие мужики. Забудь ты про этого парня. Поднимай паруса к

кому-нибудь новому.

- Его трудно забыть. В смысле, то, каким он был.
- А он знает, что у тебя есть деньги?
- Нет, я ему никогда этого не рассказывала, он не знает.
- Ну, если ты его хочешь...
- Нет, нет! Я не хочу его так!
- Ну тогда ладно. До свиданья, Джойс.
- До свиданья, Хэнк.

Вскоре после этого я получил от нее письмо. Она вернулась в Техас. Бабуля была совсем плоха, долго не протянет. Люди про меня спрашивали. И так далее. С любовью, Джойс.

Я отложил письмо в сторону. Я мысленно видел того карлика: он недоумевал, где же это я облажался. Бедный трясущийся уродец, ведь он считал меня таким умным мерзавцем. Тяжело вот так вот его обломить.

3

Потом меня вызвали в отдел кадров в старое Федеральное Здание. Продержали в приемной обычные 45 минут или полтора часа.

Затем:

- Мистер Чинаски? – осведомился голос.
- Ну, – ответил я.
- Пройдите.

Человек подвел меня к столу. Там сидела эта женщина. Немного сексуальная на вид, плавится лет в 38—39, но похоже, что ее сексуальные амбиции либо отложили ради более важных дел, либо просто игнорировали.

– Садитесь, мистер Чинаски.

Я сел.

Бэби, подумал я, я в самом деле мог бы прокатить тебя верхом.

– Мистер Чинаски, – сказала она, – нам неясно, должным ли образом вы заполнили бланк заявления о приеме на работу.

– А?

– Мы имеем в виду список судимостей.

Она протянула мне листок. В ее глазах не было секса.

Я перечислил там восемь или десять обычных пьяных приводов. То была приблизительная оценка. Я понятия не имел о точных датах.

– Итак, вы все здесь перечислили? – спросила она.

– Хммм, хммм, дайте подумать...

Я знал, чего ей хотелось. Ей хотелось, чтобы я ответил да, и тогда бы она взяла меня в оборот.

– Сейчас-сейчас... Хммм. Хммм.

– Так? – спросила она.

– О, о! Господи!

– Что такое?

– Был еще привод либо за пьянство в автомобиле, либо за пьяное вождение.

Года четыре назад или около того. Не помню точной даты.

– И этого вы просто не припомнили?

– Да, в самом деле, я не собирался этого утаивать.

– Хорошо. Внесите.

Я вписал.

– Мистер Чинаски. У вас ужасная биография. Я хочу, чтобы вы объяснили выдвинутые

против вас обвинения и, если возможно, оправдали свой настоящий найм у нас.

– Хорошо.

– На ответ вам дается 10 дней.

Не так уж и нужна мне была эта работа. Но баба меня раздражала.

В тот вечер я взял больничный, купил немного разлинованной и пронумерованной бумаги юридического формата и синюю, официальную на вид папку. Еще купил квинту виски и шестерик пива, сел и все напечатал. Под локтем у меня лежал словарь. То и дело и отключивал страницу, находил крупное невнятное слово и строил предложение или целый абзац на его идее. Получилось 42 страницы. Закончил я такими словами: Копии этого заявления сохранены для распространения в прессе, на телевидении и в других средствах массовой коммуникации.

Говно меня переполняло.

Она поднялась из-за стола и лично приняла папку.

– Мистер Чинаски?

– Да?

Было 9 утра. На день позже, чем требовалось ей ответить.

– Минуточку.

Она отнесла все 42 страницы к себе за стол. Она вс читала, читала и читала.

Кто-то еще читал у нее из-за плеча. Потом их стало 2, 3, 4, 5. И все читали. 6, 7, 8, 9.

Все читали.

Что за чертовщина? – подумал я.

Потом из толпы раздался голос:

– Что ж, все гении – пьяницы! – Как будто это что-то объясняло. Снова слишком много фильмов.

Она встала из-за стола, держа в руке мои 42 страницы.

– Мистер Чинаски?

– Да?

– Ваше дело будет продлено. Мы вас известим.

– А пока продолжать работать?

– А пока продолжайте работать.

– Доброго вам утра, – сказал я.

4

Однажды ночью меня перевели на табурет рядом с Бучнером. Он почти не рассовывал. Он просто сидел. И трепался.

Вошла молоденькая девчонка и села в конце прохода. Я услышал Бучнера:

– Ага, пиздявочка! Хочешь моего хуя себе в пизду, правда? Вот чего ты хочешь, мокрощелка, правда?

Я продолжал распахивать почту. Мимо прошел суп. Бучнер сказал:

– Ты у меня в списке, мамаша! Я тебя достану, грязная мамка! Сволочь гнилая! Хуесоска!

Надзиратели Бучнера никогда не трогали. Никто никогда не трогал Бучнера.

Потом я услышал его снова:

– Ладно, бэби! Мне не нравится твоя рожа! Ты у меня в списке, мамка! Ты у меня вот тут, прямо первым номером! Я тебя за жопу ухвачу! Эй, я с тобой разговариваю! Ты меня слышишь?

Это уже было слишком. Я отшвырнул свою почту.

– Ладно, – сказал ему я, – я вызываю твою карту! Я вызываю всю твою вонючую колоду! Здесь хочешь или выйдем?

Я посмотрел на Бучнера. Тот разговаривал с потолком, безумный:

– Я же сказал тебе, ты первый номер в моем списке! Ты мне попадешься, и попадешься мне как следует!

Ох, ради всего святого, подумал я, тут я, кажется, влип по-настоящему!

Клерки сидели очень тихо. Я не мог их в этом винить. Я встал, сходил попить воды. Потом вернулся. Через двадцать минут я поднялся на свой 10-минутный перерыв. Когда я вернулся, надзиратель меня уже ждал. Жирный негр чуть за пятьдесят. Он заорал на меня:

– ЧИНАСКИ!

– В чем дело, мужик? – спросил я.

– Вы покинули свое место дважды за 30 минут!

– Да, в первый раз я сходил попить. Тридцать секунд. А потом я ходил на перерыв.

– А если бы вы работали у машины? От машины дважды за 30 минут отходить нельзя!

Вся его харя блестела от злобы. Поразительно. Непостижимо.

– Я ЗАПИСЫВАЮ ВАМ ЗАМЕЧАНИЕ!

– Ладно, – сказал я.

Я пошел и сел рядом с Бучнером. Надзиратель подбежал со своим замечанием.

Оно было написано от руки. Я даже не смог его прочесть. Он писал в такой ярости, что вышли одни кляксы и царапины.

Я свернул замечание в аккуратный конвертик и засунул в задний карман.

– Я убью этого сукиного сына! – сказал Бучнер.

– Было бы неплохо, толстяк, – согласился я, – было бы неплохо.

5

Так и шло – 12 часов в ночь, плюс надзиратели, плюс клерки, плюс тот факт, что в этой банке с плотью нечем было дышать, плюс черствая печеная еда в неприбыльном кафетерии.

Плюс ГМ1. Городской Микрорайон 1. Этот мой план участка был семечками по сравнению с Городским Микрорайоном 1. Который содержал примерно одну треть всех городских улиц, а также как они разбивались на зоны по номерам. Я жил в одном из крупнейших городов в Штатах. А там улиц много. После него был ГМ2. И ГМ 3.

Каждый экзамен нужно было сдавать за 90 дней, три попытки на каждый, 95 процентов или лучше, 100 карточек в стеклянном ящике, восемь минут, не сдашь – и тебя отправят пробоваться на президента Дженерал Моторс, как выразился тот мудак. Для тех, кто проходил, планы становились немножко легче – на второй или на третий раз. Но с 12-часовой ночной сменой и отмененными выходными для большинства это было чересчур. Уже из первоначальной группы в 150—200 человек нас оставалось 17 или 18.

– Как я могу работать по 12 часов в ночь, спать, есть, мыться, ездить туда и обратно, забирать стирку и покупать бензин, платить за квартиру, менять шины, делать все эти мелочи, без которых нельзя, и все-таки изучать план? – спросил я одного из инструкторов в плановом классе.

– Обходитесь без сна, – сказал он мне.

Я взглянул на него. Он не Дикси на гармошке играл. Проклятый олух говорил серьезно.

6

Я понял, что единственное время для занятий у меня – перед сном. Я всегда слишком уставал, чтобы готовить и есть завтрак, поэтому выходил и покупал высокую упаковку пива, ставил на стул рядом с кроватью, отдирали с банки крышку, хорошенько прикладывался и открывал листок с планом. К тому времени, как я приступал к третьей банке, лист выпадал у меня из рук. Больше в себя уже не введешь. Затем я допивал остаток пива, сидя на постели и уставившись на стены. С последней банкой я засыпал. А когда просыпался, времени

оставалось ровно на туалет, ванну, еду – и пора ехать обратно.

И ведь ни фига не приспособивался, только все больше и больше уставал. Я всегда покупал свой шестерик на пути домой, а однажды утром меня по-настоящему перемкнуло. Я взобрался по лестнице (лифта в доме не было) и вставил ключ в замок. Дверь распахнулась. Кто-то сменил всю обстановку в квартире, постелил новый ковер. Нет, мебель тоже новая.

На тахте лежала женщина. Выглядела нормально. Молодая. Хорошие ноги.

Блондинка.

– Здорово, – сказал я. – Пива хочешь?

– Привет! – ответила она. – Ладно, одно возьму.

– Мне нравится, как тут все обставили, – сказал я ей.

– Я сама это сделала.

– Но зачем?

– Мне просто так захотелось, – сказала она.

Мы оба глотнули пива.

– С тобой все в порядке, – сказал я. Я поставил свою банку на пол и поцеловал ее. Положил ладонь ей на колено. Хорошее у нее было колено.

Потом глотнул пива еще.

– Да, – сказал я, – мне действительно нравится, как тут все стало. Мне это здорово поднимет дух.

– Это хорошо. Моему мужу тоже нравится.

– А чего ради твоему мужу... Что? Твоему мужу? Пойдите, у вас какой номер квартиры?

– 309.

– 309? Боже святой! Я не на своем этаже! Я живу в 409-й. Ваша дверь моим ключом открылась.

– Сядь, дорогуша, – сказала она.

– Нет, нет...

Я собрал четыре оставшихся пива.

– Зачем сразу срыватьсь? – спросила она.

– Бывают ненормальные мужики, – ответил я, передвигаясь к двери.

– Это ты к чему?

– К тому, что некоторые влюблены в своих жен.

Она рассмеялась:

– Не забывай, где я.

Я закрыл дверь и поднялся еще на один пролет. Открыл свою дверь. Внутри никого не было. Стояла старая и драная мебель, ковер уже почти лишился цвета.

Пустые банки из-под пива на полу. Попал, куда нужно.

Я снял одежду, залез в постель один и отщелкнул следующую банку.

7

Работая на Участке Дорси, я слышал, как некоторые старики подкалывают Большого Папу Грейстона по части того, как ему пришлось купить себе магнитофон, чтобы выучить свои планы. Большой Папа начитал разбивку планов на пленку, прокручивал и слушал. Большого Папу называли Большим Папой по вполне очевидным причинам. Он трех теток в больницу отправил с этой штукой. Теперь нашел себе круглоглазую. Педика по фамилии Картер. Он Картера чуть не надвое раскурочил.

Картера отправили лечиться в Бостон. Юмор был в том, что Картер вынужден был отправиться аж в Бостон, поскольку на всем Западном Побережье не нашлось ниток, чтоб его залатать после того, как Большой Папа его кончил. Так или иначе, но я решил попробовать магнитофон. Беды мои закончились. Я мог включать его и ложиться спать. Я

где-то читал, что можно учиться подсознанием во сне.

Простейший способ, казалось. Я купил машинку и пленки.

Начитал план на пленку, забрался в постель с пивом и стал слушать:

– ИТАК, ХИГГИНС ДЕЛИТСЯ НА ХАНТЕР 42, МАРКЛИ 67, ХАДСОН 71, ЭВЕРГЛЭЙДС 84! А ТЕПЕРЬ СЛУШАЙ, СЛУШАЙ, ЧИНАСКИ, ПИТТСФИЛД ДЕЛИТСЯ НА ЭШГРОУВ 21, СИММОНС 33, НИДЛЗ 46! СЛУШАЙ, ЧИНАСКИ, СЛУШАЙ, УЭСТХЭЙВЕН ДЕЛИТСЯ НА ЭВЕРГРИН 11, МАРКЭМ 24, ВУДТРИ 55! ЧИНАСКИ, ВНИМАНИЕ, ЧИНАСКИ! ПАРЧБЛЕЙК ДЕЛИТСЯ...

Не срабатывало. Собственный голос меня убаюкивал. Я не мог продержаться дальше третьего пива.

Через некоторое время я уже ни магнитофона не слушал, ни планов не учил. Я просто выпивал свои шесть высоких банок пива и засыпал. Я ничего не понимал.

Даже подумывал показаться психиатру. И уже мысленно представлял себе нашу встречу:

– Да, мой мальчик?

– Ну, вот так вот.

– Продолжайте. Вам нужна кушетка?

– Нет, спасибо. Я засну.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Ну, мне нужна работа.

– Это разумно.

– Но я должен выучить и сдать еще три плана, чтобы ее сохранить.

– Планы? Что это такое – планы?

– Это когда люди не указывают номера зон. Кто-то должен это письмо рассортировать.

Поэтому мы вынуждены учить листы с планами наизусть после 12-часовой смены.

– И?

– Я не могу лист в руки взять. Если беру, он у меня из рук валится.

– Вы не можете выучить эти планы?

– Нет. И еще я должен раскидать 100 карточек в стеклянный ящик за восемь минут, по крайней мере, с 95 процентами точности, иначе меня вышибут. А работа мне нужна.

– Почему вы не можете выучить эти планы?

– Я за этим к вам и пришел. Спросить у вас. Наверное, я сошел с ума.

Но в планах все эти улицы, и делятся они совершенно по-разному. Вот посмотрите.

И протягиваю ему шестистраничный план, сколотый сверху вместе, мелким шрифтом с обеих сторон.

Он его пролистывает.

– И от вас требуется все это выучить?

– Да, Доктор.

– Что ж, мальчик мой, – протягивая мне листки, – вы не сумасшедший из-за того, что вам не хочется этого учить. Я бы сказал, что вы были бы ненормальным, если бы вам хотелось это выучить. С вас 25 долларов.

Поэтому я проанализировал себя сам и сэкономил деньги.

Но что-то нужно было делать.

И тут я понял. На часах было 9.10 утра. Я набрал номер Федерального Здания, Отдел Кадров.

– Мисс Грэйвз. Я бы хотел поговорить с Мисс Грэйвз, пожалуйста.

– Алло?

Она. Сука. Я оглаживал себя, пока с ней разговаривал.

– Мисс Грэйвз. Это Чинаски. Я подавал вам объяснительную по поводу обвинений в том, что у меня плохая биография. Не знаю, помните ли вы меня.

– Мы вас помним, мистер Чинаски.

– Принято ли какое-либо решение?

– Пока нет. Мы вам сообщим.
– Тогда ладно. Но у меня проблема.
– Да, мистер Чинаски?
– Я сейчас изучаю ГМ1. – Я сделал паузу.
– Да? – спросила она.
– И он очень сложный, я нахожу почти что невозможным выучить этот план, тратить все это дополнительное время, когда все может оказаться напрасно. В смысле, меня могут в любой момент убрать из почтовой службы. Нечестно просить меня учить этот план при таких условиях.
– Хорошо, мистер Чинаски. Я позвоню в плановый класс и отдам распоряжение снять вас с плана, пока мы не придем к решению.
– Благодарю вас, мисс Грэйвз.
– Всего хорошего, – ответила она и повесила трубку.
День в самом деле был ничего. И, поласкав себя, разговаривая по телефону, я уже почти решил спуститься в 309-ю. Но рисковать не хотелось. Поэтому я поставил жариться яичницу с беконом и отпраздновал лишней четвертой пива.

8

Потом нас осталось всего шесть или семь. Остальным ГМ1 оказался не под силу.
– Как у тебя с планом продвигается, Чинаски? – спрашивали меня.
– Без особых хлопот, – отвечал я.
– Ладно, как делится Проспект Вудбрн?
– Вудбрн?
– Да, Вудбрн.
– Слушайте, мне не нравится, когда меня достают этим бараклом, пока я работаю. Мне скучно. Хорошего понемножку.

9

На Рождество пришла Бетти. Она запекла индюшку, и мы выпили. Бетти всегда нравились здоровые новогодние елки. Елка должна быть семи футов в высоту, половину этого в ширину и вся покрыта огоньками, лампочками, блестками, всевозможной парашей. Мы приложились к паре квинт вискача, позанимались любовью, съели индюшку, попили еще. Гвоздь в подставке для елки шатался, а сама подставка была слишком маленькой. Я все время поправлял елку. Бетти растянулась на постели, отрубилась. Я сидел на полу в одних трусах и пил. Потом вытянулся во весь рост. Закрыв глаза. Что-то меня разбудило. Я открыл глаза. Как раз в тот момент, когда громадная елка, вся в горячих лампочках, стала медленно клониться ко мне, а острая звезда на верхушке целила в меня, как кинжал. Я не совсем понял, что это было. Но походило на конец света. Я не мог пошевелинуться. Ветви елки обхватили меня. Я оказался под ней. Лампочки были раскалены докрасна.

– Ох, ОХ ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ! БОЖЕ МОЙ, НА ПОМОЩЬ! ГОСПОДИ! БОЖЕ!
НА ПОМОЩЬ!

Меня жгли лампочки. Я перекатился влево, выбраться не смог, перекатился вправо.

– Ф-ФУХ!

Наконец, я из-под нее выкарабкался. Бетти вскочила и встала, опустив руки.

– Что случилось? В чем дело?

– ЧТО, НЕ ВИДИШЬ? ТВОЯ ПРОКЛЯТАЯ ЕЛКА ПЫТАЛАСЬ МЕНЯ УКОКОШИТЬ!

– Что?

– ДА, РАЗУЙ ГЛАЗА!

По всему телу у меня шли красные пятна.

– Ох, бедняжечка!

Я подошел и выдернул штепсель из розетки. Огоньки погасли. Елка умерла.

– Ох, моя бедная елочка!

– Твоя бедная елочка?

– Да, она такая красивая была!

– Утром поставлю снова. Сейчас я ей не доверяю. Я ей даю отгул до утра.

Ей это не понравилось. Я уже видел, как назревает ссора, поэтому подпер эту дрянь стулом и снова зажег лампочки. Если б елка обожгла ей сиськи или сраку, она б ее сразу в окно хуйнула. Я подумал, что я – очень добрый.

Через несколько дней после Рождества я заглянул проведать Бетти. Она сидела у себя в комнате, пьяная в 8.45 утра. Выглядела она не очень хорошо, да и сам я был не подарок. Похоже, почти каждый из ее постояльцев давал ей по мерзавчику.

Там стояли вино, водка, виски, скотч. Самые дешевые. В комнате было полно бутылок.

– Остолопы проклятые! Они что, совсем ни черта не соображают? Если ты всю эту дрянь выпьешь, то сдохнешь!

Бетти лишь посмотрела на меня. В ее взгляде я увидел все.

У нее было двое детей, которые ее никогда не навещали, никогда ей не писали.

Она работала уборщицей в дешевых мебелирашках. Когда я впервые с ней встретился, у нее была дорогая одежда, стройные лодыжки входили в дорогие туфельки. Она раньше была твердотелой, почти прекрасной. Дикоглазой. Смеялась. Сбегала от богатого мужа, потом развелась с ним, а ему суждено было погибнуть в автокатастрофе, пьяному, сгореть заживо в Коннектикуте. Ты ее никогда не укротишь, – говорили мне.

И вот теперь... Но мне в этом помогали другие.

– Слушай, – сказал я, – я должен забрать у тебя все это. Я хочу сказать, что я тебе буду отдавать по одной бутылке время от времени. Я их все сам не пить не стану.

– Оставь бутылки, – произнесла Бетти. Она не взглянула на меня. Комната ее находилась на самом верхнем этаже, и она сидела в кресле у окна, смотрела, как по утренней улице едут машины.

Я подошел:

– Послушай, я с ног валюсь. Мне надо ехать. Но ради Бога, полегче ты с этой дрянью!

– Конечно, – ответила она.

Я нагнулся и поцеловал ее на прощанье.

Недели полторы спустя я снова заехал. На мой стук никто не ответил.

– Бетти! Бетти! С тобой все в порядке?

Я повернул ручку. Дверь была незаперта. Постель – разворошена. На простыне алело громадное кровавое пятно.

– Ох, блядь! – сказал я и огляделся. Все бутылки пропали.

Я обернулся. Пожилая француженка, владелица мебелирашек. Стоит в дверях.

– Она в Окружной Больнице. Ей было очень плохо. Вчера ночью я вызвала скорую помощь.

– Она выпила всю эту дрянь?

– Ей помогли.

Я сбегал вниз по лестнице и прыгнул в машину. Оказался в больнице. Я знал это место хорошо. Мне сказали номер палаты.

В крошечной комнатке стояло три или четыре кровати. На одной напротив меня сидела женщина, жевала яблоко и смеялась с двумя посетительницами. Я отодвинул занавеску вокруг кровати Бетти, сел на табуретку и склонился над ней.

– Бетти! Бетти!

Я дотронулся до ее руки.

– Бетти!

Ее глаза открылись. Они снова были прекрасны. Ярко спокойно синие.

– Я знала, что это будешь ты, – проговорила она.

И закрыла глаза снова. Губы у нее потрескались. В левом уголке рта запеклась желтоватая слюна. Я взял влажную салфетку и вытер. Я умыл ей лицо, руки и шею.

Взял еще одну салфетку и выжал немного воды ей на язык. Потом еще чуть-чуть.

Смочил ей губы. Поправил волосы. Я слышал, как женщины смеялись за занавесками, разделявшими нас.

– Бетти, Бетти, Бетти. Прошу тебя, попей немного водички, всего один глоточек, не очень много, один глоточек.

Она не отвечала. Я пытался напоить ее 10 минут. Никак.

В уголках рта снова выступила слюна. Я ее стер.

Потом поднялся и задернул занавеску. Посмотрел на трех женщин.

Я вышел и обратился к сестре за конторкой.

– Послушайте, почему ничего не делают той женщине в 45-Ц? Бетти Вильямс?

– Мы делаем все, что можем, сэр.

– Но там никого нет.

– Мы делаем регулярные обходы.

– Но где же врачи? Я не вижу ваших врачей.

– Врач ее смотрел, сэр.

– Почему вы просто бросили ее лежать там?

– Мы делаем все, что можем, сэр.

– СЭР! СЭР! СЭР! ХВАТИТ МНЕ СЭРКАТЬ, А? Да я спорить готов, если б на ее месте был президент, или губернатор, или мэр, или какой другой богатый сукин сын, в палате от докторов бы не продохнуть было, и они бы что-нибудь делали! Почему вы просто даете им умереть? Разве грех быть бедным?

– Я уже сказала вам, сэр, мы сделали ВСЕ, что могли.

– Я вернусь через два часа.

– Вы ее муж?

– Я раньше был ее гражданским мужем.

– Можно записать ваше имя и номер телефона?

Я продиктовал и поспешил наружу.

10

Похороны были назначены на 10:30 утра, но уже припекало. На мне был дешевый черный костюм, купленный и подогнанный в спешке. Мой первый костюм за много лет.

Я отыскал сына. Мы подъехали в его новом мерседес-бенце. Я вышел на его след по клочку бумаги с адресом его тестя. Два междугородных звонка – и он у меня в руках. К тому времени, как он подъехал, его мать умерла. Она умерла, пока я звонил. Этот парень, Ларри, никогда не вписывался в общество. У него была привычка угонять машины друзей, но в промежутке между друзьями и судьей ему все сходило с рук. Потом его зацапала армия, и ему как-то удалось пролезть в учебную программу, поэтому когда он демобилизовался, то попал на хорошо оплачиваемую работу. Тогда-то он и перестал навещать мать – когда получил хорошую работу.

– Где твоя сестра? – спросил я.

– Не знаю.

– Хорошая у тебя машина. Даже мотора не слышно.

Ларри улыбнулся. Ему понравилось.

На похоронах нас было всего трое: сын, любовник и недоразвитая дочь хозяйки мебелишек. Ее звали Марша. Марша никогда не раскрывала рта. Она просто сидела с бессмысленной улыбкой на губах. Кожа у нее была белая, как эмаль. На голове – копна мертвых желтых волос и плохо сидевшая шляпка. Маршу сюда вместо себя отправила

хозяйка. Самой ей нужно было присматривать за мебелишками.

Разумеется, я был с очень мерзкого похмелья. Мы остановились хлебнуть кофе.

Похороны уже шли не так, как полагалось. Ларри поругался с католическим священником. Тот сомневался, была ли Бетти ревностной католичкой, и не хотел проводить службу. Наконец, решили, что он отслужит половину. Ладно, полслужбы лучше, чем вообще никакой.

Даже с цветами получился косяк. Я купил венок из роз, из разных роз, и их сплели в венок. Цветочная лавка весь день его плела. Барышня из цветочной лавки знала Бетти. Они вместе пили несколько лет назад, когда у нас с Бетти были дом и собака. Делси звали барышню. Мне всегда хотелось забраться к Делси в трусики, но так и не удалось.

Делси позвонила мне.

– Хэнк, да что там такое с этими гадами?

– С какими гадами?

– С теми парнями в похоронном бюро?

– В чем дело?

– Ну, я отправила своего мальчишку на грузовике отвезти твой венок, а они не хотели его впускать. Сказали, что закрыто. Сам знаешь, туда путь не близкий.

– И что, Делси?

– Наконец, они разрешили ему занести венок, но не дали положить его в холодильник.

Поэтому мальчишке пришлось просто оставить венок внутри. Что за херня происходит с этими людьми?

– Не знаю. Что за херня с людьми повсюду?

– Я не смогу приехать на похороны. У тебя все нормально, Хэнк?

– А может приедешь меня утешить?

– Придется Пола взять с собой.

Пол был ее мужем.

– Ладно, не стоит.

И вот мы ехали на половину похорон.

Ларри поднял голову от стакана с кофе.

– Я напишу вам про памятник попозже. У меня сейчас больше денег нет.

– Хорошо, – ответил я.

Ларри расплатился за кофе, мы вышли и влезли в мерседес-бенц.

– Постой минутку, – сказал я.

– Что такое? – спросил Ларри.

– Мне кажется, мы кое-что забыли.

Я вернулся в кафе.

– Марша.

Та по-прежнему сидела за столиком.

– Мы уезжаем, Марша.

Она поднялась и пошла за мной к выходу.

Священник читал свою муру. Я не слушал. Стоял гроб. В гробу лежала Бетти.

Было очень жарко. Солнце опускалось одной желтой простыней. Вокруг летала муха.

Когда полупохороны наполовину прошли, появились двое парней в робах. Они несли мой венок. Розы завяли, завяли и умерли на жаре, и парни прислонили эту штуку к ближайшему дереву. Под конец службы мой венок наклонился и упал лицом вниз. Никто его не поднял. Затем все кончилось. Я подошел к священнику и пожал ему руку:

– Спасибо.

Тот улыбнулся. Улыбались теперь двое: священник и Марша.

На въезде в город Ларри снова сказал:

– Я напишу вам про памятник.

Я до сих пор жду этого письма.

Я поднялся к себе в 409-ю, выпил скотча пополам с водой, вытащил из верхнего ящика немного денег, спустился по лестнице, сел в машину и поехал на бега.

Подъехал как раз к первому заезду, но играть не стал, поскольку не успел прочесть форму.

Я пошел в бар выпить и увидел, как мимо проходит эта высокая мулатка в старом плаще. Неважно она в самом деле одета, но поскольку я и сам не лучше, то позвал ее – негромко, но так, чтоб услышала.

– Ви, бэби.

Она остановилась, подошла.

– Привет, Хэнк. Как дела?

Я знал ее по центральному почтамту. Она работала на другом участке, возле поилки, но казалась дружелюбнее прочих.

– Тоска. Третьи похороны за два года. Сначала – мама, потом – отец.

Сегодня – одна старая подруга.

Она что-то себе заказала. Я открыл Форму.

– Давай посмотрим второй заезд.

Она подошла и оперлась на меня кучей ноги и груди. Под этим плащом что-то было. Я всегда ищу непубличную лошадь, которая может обставить фаворита. Если же нахожу, что фаворита обойти никто не может, то ставлю на фаворита.

После тех двух похорон я приходил на бега и выигрывал. Что-то такое в похоронах было. От них лучше разные вещи видишь. Каждый день бы похороны – глядишь, и разбогател бы.

6-я лошадь на голову уступила фавориту в забеге на милю. Фаворит обошел 6-ю после форы в два корпуса на начале отрезка. 6-я котировалась 35/1. Фаворит в этом забеге шел 9/2. Оба возвращались в одном классе. Фаворит набрал 2 фунта, 118 вместо 116. 6-я по-прежнему несла 116, но они поменяли жокея на менее популярного, к тому же дистанция была миля и одна 16-я. Толпа прикинула, что если фаворит поймал 6-ю на миле, то на оставшейся 1/16-й мили он ее уж точно поймает. Логично, кажется. Но бега не подчиняются логике. Тренеры вводят своих лошадей в неблагоприятных, по всей видимости, условиях, чтобы деньги публики на лошади не залипали. Смена дистанции, плюс замена на менее популярного жокея – все указывало на галоп к хорошей цене. Я посмотрел на табло. Утренняя строка была 5. Сейчас табло гласило 7 к 1.

– 6-я лошадь, – сказал я Ви.

– Не-а, она вылетит, – ответила та.

– Ага, – сказал я, пошел и поставил 10 на победителя, на 6-ю.

6-я взяла форы от самых ворот, впритирку прошла заграждение на первом повороте, а потом под легким поводом ушла вперед на корпус с четвертью на обратном отрезке. Вся стая – за ней. Они думали, что 6-я поведет их на повороте, затем откроется на начале отрезка, и тут они наступят ей на пятки.

Стандартная процедура. Но тренер дал парню совершенно другие инструкции. В начале поворота парень отпустил тетиву, и лошадь прыгнула вперед. Другие жокеи не успели еще и в седла сесть, а 6-я уже гнала на четыре корпуса впереди. В начале отрезка парень дал лошадке чуть-чуть продышаться, оглянулся, а затем снова вжарил. Я выглядел неплохо. Тут фаворит, 9/5, оторвался от стаи – ну и двигался же этот сукин сын. Корпуса просто пожирал, гнал и гнал вперед. Похоже было, что он собирался так и мою лошадку проскочить. Фаворитом была 2-я лошадь.

На середине отрезка 2-я отставала от 6-й всего на полкорпуса, и тут парень на 6-й пустил в дело хлыст. А мальчонка на 2-й пустил его в ход уже давно.

Так они и прошли остаток отрезка, в полкорпусе друг от друга, так и пришли к

финишу. Я посмотрел на табло. Моя лошадь поднялась до 8 к 1.

Мы снова пошли в бар.

– Самая лучшая лошадь этот заезд не выиграла, – сказала Ви.

– А мне все равно, кто лучший. Мне нужен только передний номер. Заказывай.

Мы заказали.

– Ладно, грамотей. Посмотрим, как ты следующую получишь.

– Говорю же тебе, крошка, я после похорон – сам дьявол.

Она прислонила ко мне всю эту свою ногу с грудью. Я пригубил скотча и развернул Форму. Третий заезд.

Я просмотрел весь список. В тот день они собирались просто прикончить толпу.

Ранняя нога только что выиграла, поэтому теперь толпа просекла, какая лошадь скоростная, и плевать хотела на остальных бегунов на отрезке. Памяти у толпы хватает только на один заезд. Отчасти это вызвано 25-минутным перерывом между ними. Они умеют думать только о том, что только что произошло.

Третий заезд был на 6 фарлонгов. Теперь скоростная лошадь, ранняя нога, стала фаворитом. Она на волосок проиграла свой последний заезд на семь фарлонгов, держась впереди весь отрезок и сдав только в последнем рывке. 8 лошадь была замыкающей. Она закончила третьей, в полутора корпусах позади фаворита, замыкая два корпуса на отрезке. Толпа прикинула, что если 8-я не нагнала фаворита на семи фарлонгах, то как, к чертям собачьим, она сможет нагнать его, если фарлонгов будет на один меньше? Толпа всегда уходила домой, продувшись в пух и прах. Лошади, выигравшей заезд на семь фарлонгов, в сегодняшних скачках не было.

– Это 8-я лошадь, – сказал я Ви.

– Слишком короткое расстояние. Она никогда не разгонится, – ответила Ви.

8-я лошадь стояла 6-й на линии и шла как 9.

Я забрал выигрыш с предыдущего заезда, поставил 10 на победителя на 8-ю лошадь. Если ставишь слишком тяжело, твоя лошадь проиграет. Или сам передумаешь и слезешь со своей лошади. А десять на победителя – славная удобная ставка.

Фаворит выглядел хорошо. Он вышел из ворот первым, прижался к ограде и оторвался на два корпуса. 8-я бежала широко, предпоследней, постепенно тоже приближаясь к ограде. В начале отрезка фаворит по-прежнему выглядел хорошо.

Паренек взялся за 8-ю лошадь, которая теперь шла пятой, широко, дал ей попробовать хлыста. Тут фаворит начал мельчить шаг. Он сделал первую четверть за 22 и 4/5, но и на середине отрезка фора в два корпуса у него по-прежнему оставалась. И тут 8-я лошадь просто пронеслась мимо, с ветерком – и выиграла два с половиной корпуса. Я посмотрел на табло. Там по-прежнему значилось 9 к 1.

Мы вернулись в бар. Ви по-настоящему возлегла на меня всем телом.

Я выиграл три из последних пяти заездов. В те годы заездов было всего восемь вместо девяти. Как бы то ни было, и восьми на один день хватит. Я купил парочку сигар, и мы сели ко мне в машину. Ви приехала сюда на автобусе. Я остановился за квинтой, потом мы поехали ко мне.

12

Ви огляделась.

– И что такой парень, как ты, делает в таком месте?

– Об этом меня все девки спрашивают.

– Крысиная дыра у тебя тут.

– Не дает зазнаться.

– Поехали ко мне.

– Поехали.

Мы влезли в машину, и она сказала мне, где живет. Мы остановились купить пару больших бифштексов, овощей, фигни для салата, картошки, хлеба и еще выпить.

В вестибюле ее многоквартирного дома висела табличка:

ГРОМКИЙ ШУМ ИЛИ БЕСПОКОЙСТВО

ЛЮБОГО РОДА ВОСПРЕЩАЮТСЯ.

ТЕЛЕВИЗОРЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВЫКЛЮЧЕНЫ В 22.00.

ЗДЕСЬ ЖИВУТ РАБОЧИЕ ЛЮДИ.

Большая табличка, красной краской.

– Мне нравится эта часть, про телевизоры, – сказал я ей.

Мы поднялись на лифте. У нее действительно была славная квартирка. Я внес пакеты в кухню, нашел два стакана, разлил на двоих.

– Вытаскивай барахло. Я сейчас вернусь.

Я вытащил барахло, разложил его в раковине. Выпил еще. Вернулась Ви. Вся прикинутая. Сережки, высокие каблуки, коротенькая юбка. Нормально выглядела.

Коренастая. Но хорошая задница и бедра, груди. Крутая кобылка.

– Здравсьте, – сказал я, – я – приятель Ви. Она сказала, что сейчас вернется. Выпить хотите?

Она рассмеялась, и тут я сграбастал все это большое тело и вправил ей поцелуй. Ее губы были холодны, как алмазы, но на вкус хороши.

– Я проголодалась, – сказала она. – Давай приготовлю!

– Я тоже проголодался. Я съем тебя!

Она засмеялась. Я коротко поцеловал ее, прихватив за жопу. Потом вышел в переднюю комнату со стаканом в руке, сел, вытянул ноги, вздохнул.

Я мог бы здесь остаться, подумал я, деньги зарабатывать на скачках, а она будет нянчиться со мной в плохие минуты, втирать мне масло в мослы, готовить для меня, разговаривать со мной, ложиться со мною в постель. Конечно, ссоры будут всегда. Такова природа Женщины. Им нравится взаимный обмен грязным бельем, чуточку ора, немного драматизма. Затем – обмен заверениями. У меня обмен заверениями получался не очень хорошо.

Я начал улетать. В уме я уже переехал.

У Ви все кипело. Она вышла со своим стаканом, села мне на колени, поцеловала, вложив язык мне в рот. Мой хуй напрягся и уперся ей в твердую задницу. Я сжал ее в горсти. Стиснул.

– Я хочу тебе кое-что показать, – сказала она.

– Я знаю, что хочешь, но давай подождем с часик после обеда.

– О, я не это имею в виду.

Я дотянулся и дал ей языка.

Ви слезла с колен.

– Нет, я хочу показать тебе фотографию мой дочери. Она в Детройте с моей мамой. Но приедет сюда Осенью в школу.

– Сколько ей?

– Шесть.

– А отец?

– Я развелась с Роем. Сукин сын никуда не годился. Только кирял, да на скачках играл.

– О?

Она вынесла фотографию, вложила мне в руку. Я попытался что-нибудь там различить. Фон был темным.

– Слушай, Ви, она очень черная! Черт, у тебя что, соображения не хватило сфотографировать ее на светлом фоне?

– Это у нее от отца. Черный доминирует.

– Ага, оно и видно.

– Это снимала моя мама.

– Я уверен, что у тебя хорошая дочь.
– Да, она очень хорошая, в самом деле.
Ви поставила фотографию на место и ушла в кухню.
Вечное фото! Женщины с их фотографиями. Одно и то же, снова и снова. Ви стояла в дверях кухни.
– Не пей слишком много! Ты знаешь, что нам предстоит!
– Не волнуйся, малышка, у меня для тебя кое-что есть. А пока принеси-ка мне выпить!
У меня был трудный день. Половину скотча, половину воды.
– Сам себе наливай, крутой нашелся.
Я вертанулся в кресле, включил телик.
– Если хочешь еще один хороший день на скачках, женщина, то лучше принеси мистеру Крутому выпить. И немедленно!
Ви, наконец, поставила на мою лошадь в последнем заезде. Ставка была 5/1 на лошадь, которая не показывала приличных результатов уже два года. Я поставил на нее просто потому, что шло 5/1, когда надо было 20. Лошадь выиграла 6 корпусов, без напряжения. Они эту крошку нашпиговали от сраки до ноздрей.
Я поднял глаза – из-за плеча у меня тянулась рука со стаканом.
– Спасибо, малышка.
– Да, мой повелитель, – рассмеялась она.

13

В постели передо мной что-то маячило, но сделать с ним я ничего не мог. Лишь пыхтел, пыхтел и пыхтел. Ви была очень терпелива. Я все старался и колбасил, но выпито было слишком много.
– Прости, малышка, – сказал я. Потом скатился. И уснул.
Затем меня что-то разбудило. То была Ви. Она меня раскочегарила и теперь скакала сверху.
– Давай, малышка, давай! – сказал я ей.
Время от времени я выгибал дугой спину. Она смотрела на меня сверху маленькими жадными глазками. Меня насильовала верховная желтая чародейка! На какой-то миг это меня возбудило.
Затем я ей сказал:
– Черт. Слезай, малышка. Это был трудный тяжелый день. Будет время и получше.
Она сползла. Елда опала, как скоростной лифт.

14

Утром я слышал, как она ходит. Она все ходила, ходила и ходила.
Было примерно 10:30. Мне было худо. Я не хотел сталкиваться с ней. Еще пятнадцать минут. Потом свалю.
Она потрясла меня:
– Слушай, я хочу, чтобы ты ушел, пока не появилась моя подруга!
– И что? И ее оттопырю.
– Ага, – засмеялась она, – ну да.
Я встал. Закашлялся, подавился. Медленно влез в одежду.
– От тебя чувствуешь себя тряпкой, – сказал я ей. – Не может быть, что я такой плохой!
Должно же во мне быть хоть что-то хорошее.
Я, наконец, оделся. Сходил в ванную и плеснул на лицо немного воды, причесался.
Если б и лицо тоже можно было причесать, подумал я, да вот никак.

Я вышел.
– Ви.
– Да?
– Не злись слишком сильно. Дело не в тебе. Дело в кире. Так уже было раньше.
– Ладно, тогда тебе не следует столько пить. Ни одной женщине не нравится, если ее после бутылки ставят.
– Чего ж ты на меня тогда ставила?
– Ох, прекрати!
– Послушай, тебе деньги нужны, крошка?
Я потянулся за бумажником и извлек двадцатку. Протянул ей.
– Боже, какой ты милый в самом деле!
Рукой она провела мне по щеке, нежно поцеловала в уголок рта.
– Веди машину осторожнее.
– Конечно, крошка.
Я вел машину осторожнее – до самого ипподрома.

15

Меня притащили в кабинет советника в одну из задних комнаток второго этажа.
– Ну-ка, посмотрим, как ты выглядишь, Чинаски.
Он оглядел меня.
– Ой! Ты плохо выглядишь. Я лучше таблетку приму.
И, конечно же, он открыл пузырек и проглотил одну.
– Ладно, мистер Чинаски, нам бы хотелось знать, где вы были последние два дня?
– В трауре.
– В трауре? В трауре по чему?
– Похороны. Старый друг. Один день – труп упаковать. Другой день – помянуть.
– Но вы не позвонили, мистер Чинаски.
– Н-да.
– А я хочу вам кое-что сказать, Чинаски, не для записи.
– Валяйте.
– Когда вы не звоните, знаете, что вы этим говорите?
– Нет.
– Мистер Чинаски, вы говорите: На хуй этот почтамт!
– Правда?
– И, мистер Чинаски, вы знаете, что это значит?
– Нет, что это значит?
– Это значит, мистер Чинаски, что почтамт пошлет на хуй вас!
Тут он откинулся назад и посмотрел на меня.
– Мистер Фезерс, – сказал я ему, – вы можете идти к черту.
– Не залупайся, Генри. Я могу устроить тебе веселую жизнь.
– Просьба обращаться на вы и называть меня полным именем, сэр. Я прошу элементарного уважения.
– Вы просите у меня уважения, но...
– Правильно. Мы знаем, где вы оставляете машину, мистер Фезерс.
– Что? Это угроза?
– Черные меня здесь любят, Фезерс. Я их одурачил.
– Черные вас любят?
– Они дают мне попить. Я даже ебу их женщин. Или пытаюсь.
– Хорошо. Это выходит из-под контроля. Просьба вернуться на свое рабочее место.
Он протянул мне повестку. Забеспокоился, бедняга. Не одурачивал я черных.

Никого я не одурачивал, кроме Фезерса. Но он же не виноват, что забеспокоился.

Одного надзирателя столкнули с лестницы. Другому располосовали задницу. Третьего ткнули ножом в живот, пока он ждал зеленого сигнала светофора, чтобы перейти улицу в 3 часа утра. Перед самым центральным участком. Мы его больше никогда не видели.

Фезерс вскоре после нашего с ним разговора перевелся из центрального почтамта. Точно не знаю, куда. Но подальше от него.

16

Однажды утром, часов в 10, зазвонил телефон:

– Мистер Чинаски?

Я узнал голос и начал обласкивать себя.

– Умммм, – ответил я.

Это была мисс Грэйвз, сука та.

– Вы спали?

– Да, да, мисс Грэйвз, но продолжайте. Все в порядке, все в порядке.

– Что ж, вы получили доступ.

– Умммм, уммм.

– Следовательно, мы уведомили плановый класс.

– Уммхмм.

– И вам надлежит сдать свой ГМ1 через две недели, начиная с сегодняшнего дня.

– Что? Погодите минуточку...

– Это все, мистер Чинаски. Приятного вам дня.

Она повесила трубку.

17

Ладно, я взял план и стал связывать все с сексом и возрастом. Тут этот парень живет в этом доме с тремя бабами. Одну он хлещет ремнем (ее имя – название улицы, а возраст – номер сектора); другую вылизывает (то же), а третью шворит по-старинке (то же). А тут – все эти пидарасы, и одному из них (его зовут Манфред-Авеню) 33 года... и т. д., и т. п.

Я уверен, что меня бы до стеклянной клетки просто не допустили, если б знали, о чем я думал, глядя на эти карточки. Все они были мне как старые друзья.

Все равно, однако, некоторые из моих оргий перемешались. В первый раз я выкинул 94.

Через десять дней, когда я вернулся, то уже твердо знал, кто из них что кому делает.

Я раскидал все 100 процентов за пять минут.

И получил официальное письмо с поздравлениями от Городского Почтмейстера.

18

Вскоре после этого меня ввели в штат, что давало мне восемь часов ночной смены, а это гораздо лучше 12-ти, и оплаченный отпуск. Из 150 или 200 человек, что пришли сюда в первый раз, нас осталось только двое.

Потом я познакомился на почте с Дэвидом Джэнко. Молодой, белый, чуть за двадцать. Я совершил ошибку и заговорил с ним, что-то по поводу классической музыки. Случилось так, что я торчал на классической музыке, поскольку это единственное, что я мог слушать, когда пил пиво в постели рано утром. Если слушаешь ее одно утро за другим, неизбежно что-нибудь запомнишь. А когда Джойс развелась со мной, я по ошибке упаковал два тома Жизнеописаний Классических и Современных Композиторов в один из своих чемоданов.

Жизнь большинства этих людей была такой мукой, что я получал удовольствие, читая о них, и думал: что ж, я тоже в аду, а музыку сочинять даже не умею.

Но я распустил язык. Джэнко с каким-то еще мужиком спорили, а я уладил их спор, сообщив дату рождения Бетховена, когда он написал Третью Симфонию, а также обобщенное (хоть и смутное) представление о том, что о Третьей говорили критики.

Для Джэнко это было слишком. Он немедленно принял меня за ученого человека.

Усевшись на табуретку рядом со мной, он начал стонать и кряхтеть, одну долгую ночь за другой, о страдании, захороненном в глубине его терзаемой и обозленной души. У него был ужасно громкий голос, и он хотел, чтоб его слышали все. Я раскидывал письма, я слушал, слушал и слушал, думая: что же мне теперь делать?

Как заставить этого несчастного безумного ублюдка заткнуться?

Каждую ночь я шел домой, и меня подташнивало и кружилась голова. Он убивал меня звуком своего голоса.

19

Я начинал в 6.18 вечера, а Дэйв Джэнко приходил на работу только к 10.36, поэтому могло быть и хуже. Уходя в 10.06 на тридцатиминутный обеденный перерыв, я обычно возвращался к тому времени, как он уже приходил. Заходил он и сразу начинал искать табурет рядом с моим. Джэнко, помимо изображения себя великим мыслителем, также разыгрывал из себя великого любовника. По его словам, прекрасные молодые женщины ловили его в вестибюлях, преследовали на улицах. Не давали ему роздыху, бедняге. Но я ни разу не видел, чтобы он заговаривал с женщинами на работе – да и они с ним не разговаривали.

И вот он входит:

– ЭЙ, ХЭНК! ЧУВАК, НУ И ОТСОСАЛИ МНЕ СЕГОДНЯ В НАТУРЕ!

Он не говорил – он орал. Он орал всю ночь напролет.

– ГОСПОДИ ТЫ БОЖЕ МОЙ, ОНА МЕНЯ ЧУТЬ НЕ СЪЕЛА! ДА ТАКАЯ МОЛОДАЯ! НО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОФЕССИОНАЛКА!

Я зажег сигарету.

Затем вынужден был выслушать, как он ее встретил:

– БУЛКУ ХЛЕБА НАДО БЫЛО КУПИТЬ, ПОНЯЛ!

Затем – до последней подробности – что она сказала, что он ответил, что они делали, и т. д.

В то время вышел закон, чтобы почтамт платил подменным клеркам полторы ставки. Поэтому все сверхурочные почтамт перекинул на штатных работников.

За восемь или десять минут до конца моей обычной смены в 2.48 включался интерком:

– Прошу внимания! Всем штатным клеркам, прибывшим на работу в 6.18 вечера, требуется задержаться на час сверхурочно!

Джэнко улыбался, склонялся вперед и выливал в меня еще больше своего яда.

Затем, за восемь или десять минут до окончания моего девятого часа, интерком включался снова:

– Прошу внимания! Всем штатным клеркам, прибывшим на работу в 6.18 вечера, требуется задержаться на два часа сверхурочно!

Затем, за восемь минут до моего 10-го часа:

– Прошу внимания! Всем штатным клеркам, прибывшим на работу в 6.18 вечера, требуется задержаться на три часа сверхурочно!

А тем временем Джэнко не закрывал рта:

– СИЖУ Я В ЭТОЙ АПТЕКЕ, ПОНИМАЕШЬ? ВХОДЯТ ДВЕ КЛАССНЫЕ ДЕВКИ. САДЯТСЯ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОТ МЕНЯ...

Мальчишка меня просто приканчивал, но я не мог найти выхода. Я вспоминал все

остальные места, где работал. В каждом ко мне прибывался какой-нибудь псих. Я им нравился.

Затем Джэнко вывалил на меня свой роман. Печатать он не умел, поэтому дрянь эту напечатала ему профессиональная машинистка. Он был переплетен в причудливую черную кожаную тетрадь. Название было очень романтичным.

– СКАЖЕШЬ ПОТОМ, ЧТО ТЫ ОБ ЭТОМ ДУМАЕШЬ, – сказал он.

– Ага, – ответил я.

20

Я взял его домой, открыл пиво, залез в постель и приступил.

Начинался он хорошо. О том, как Джэнко жил по маленьким комнаткам и голодал, пытаюсь найти работу. У него не получалось с агентствами по найму. И тут встретил в баре парня – тот показался ему весьма ученым типом, – но этот друг постоянно занимал у него деньги и так никогда и не отдал.

Честное письмо.

Может, я недооценил этого человека, подумал я.

Я все надеялся на него, пока читал. А потом весь его роман развалился.

Почему-то стоило ему начать писать о почтамте, как вся эта штука утратила реальность.

Роман становился все хуже и хуже. Закончилось все тем, как он пришел в оперу. Антракт. Он вышел из зала, чтобы не видеть неотесаную и глупую толпу. Тут я был с ним. Когда он огибал столб в фойе, все и случилось. Очень быстро. Он столкнулся с культурной, изысканной, прекрасной дамочкой. Чуть не сшиб ее с ног.

Диалог звучал примерно так:

– Ох, простите, бога ради!

– Все в порядке...

– Я не хотел... понимаете... извините...!

– О, уверяю вас, все в порядке!

– Но понимаете, в смысле, я вас не видел... я не нарочно...

– Все в порядке. Все в полном порядке...

Диалог по поводу столкновения продолжался полторы страницы.

Бедный мальчонка был поистине безумен.

Оказалось, что эта баба, хоть и бродила вокруг столбов в одиночку, ну, на самом деле, она замужем за этим врачом, но эскулап не врубается в оперу и даже, собственно говоря, плевать хотел на такие простейшие вещи, как Болеро Равеля. Или даже Танец с Треуголками де Фаллы. Тут я был на стороне доктора.

С момента столкновения этих двух подлинно чувствительных душ что-то начало развиваться. Они встречались на концертах, а после наскоряк перепихивались. (Это скорее подразумевалось, нежели утверждалось, ибо они оба были слишком тонки для того, чтобы просто ебаться.)

Короче, роман закончился. Несчастное прекрасное существо любило своего мужа, и нашего героя (Джэнко) оно тоже любило. Она не знала, что делать, и поэтому, разумеется, совершила самоубийство. Оставила обоих – и врача, и Джэнко – стоять поодиночке у себя в ваннах.

Я сказал парню:

– Начинается хорошо. Но тебе нужно выкинуть этот диалог про столкновение за столбом. Он очень плох...

– НЕТ! ВСЕ ОСТАЕТСЯ НА МЕСТЕ!

Шли месяцы, и роман все время возвращался ко мне.

– ГОСПОДИ БОЖЕ! – говорил он, – Я ДАЖЕ НЕ МОГУ ПОЕХАТЬ В

НЬЮ-ЙОРК ПОЖАТЬ РУКИ ИЗДАТЕЛЯМ!

– Слушай, парень, почему б тебе не бросить эту работу? Запрись в маленькой комнатке и пиши. Работай.

– ЭТО ТАКОЙ ПАРЕНЬ, КАК ТЫ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ, – говорил он, – ПОТОМУ ЧТО ТЫ ПОХОЖ НА АЛКАША. ТЕБЯ БЕРУТ, ПОСКОЛЬКУ СЧИТАЮТ, ЧТО ТЫ НИГДЕ БОЛЬШЕ НЕ СМОЖЕШЬ НАЙТИ РАБОТУ, И ТЫ ОСТАЕШЬСЯ. А МЕНЯ НЕ БЕРУТ, ПОТОМУ ЧТО СМОТРЯТ НА МЕНЯ, ВИДЯТ, КАКОЙ Я ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ, И ДУМАЮТ: НУ, ТАКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕЛОВЕК У НАС НЕ ЗАДЕРЖИТСЯ, НЕТ СМЫСЛА И НАНИМАТЬ ЕГО.

– И все равно я считаю: запрись и пиши.

– НО МНЕ НУЖНА УВЕРЕННОСТЬ!

– Хорошо, что некоторые другие так не думали. Хорошо, что так не думал Ван-Гог.

– ВАН-ГОГУ БРАТ ДАВАЛ БЕСПЛАТНО КРАСКИ! – ответил мне парнишка.

ЧЕТЫРЕ

1

Потом я разработал на скачках новую систему. Я снимал там по 3000 долларов за полтора месяца, а ездил всего два-три раза в неделю. Я начал мечтать. Я уже видел маленький домик у моря. Видел себя в хорошей одежде, спокойного, встаю по утрам, сажусь в свою импортную машину, неторопливо и расслабленно еду на бега.

Видел праздные обеды с бифштексами, предваряемые и завершаемые хорошими охлажденными напитками в разноцветных бокалах. Большие чаевые. Сигара. И женщины – так, как ты их хочешь. Очень легко впасть в такие мысли, когда из окошечка кассы тебе протягивают такие большие чеки. Когда за один забег на шесть фарлонгов, скажем, за минуту и девять секунд, ты зарабатываешь столько же, сколько за месяц.

И вот я стоял в кабинете маршрутного суперинтенданта. Тот сидел за столом. У меня была сигара во рту, а изо рта пахло виски. Я чувствовал себя при деньгах. Я выглядел при деньгах.

– Мистер Уинтерс, – сказал я, – почта относилась ко мне хорошо. Но у меня возникли деловые интересы на стороне, о которых просто-напросто надо позаботиться. Если вы не можете дать мне отпуск, я вынужден буду уволиться.

– Разве я уже не предоставлял вам отпуска в этом году, Чинаски?

– Нет, мистер Уинтерс, вы отклонили мое прошение на отпуск. На этот раз не может быть никаких отказов. Иначе я уволюсь.

– Хорошо, заполняйте бланк, я подпишу. Но я могу дать вам лишь 90 рабочих дней.

– Я их возьму, – ответил я, выдыхая длинный шлейф голубого дыма своей дорогой сигары.

2

Ипподром переехал вниз по побережью на сотню миль или около того. Я продолжал платить за квартиру в городе, садился в машину и ехал. Раз или два в неделю я возвращался в городскую квартиру, смотрел почту, может, оставался переночевать, затем ехал обратно.

То была хорошая жизнь, и я начал выигрывать. Каждый вечер после последнего заезда я выпивал парочку легких в баре, давая хорошие чаевые бармену. Похоже на новую жизнь. Я не мог облажаться.

Однажды я даже не стал смотреть последний заезд. Пошел прямо в бар.

Пятьдесят долларов на победителя было моей стандартной ставкой. После того, как некоторое время ставишь 50 на победителя, такое чувство, будто ставишь пять или 10.

– Скотч с водой, – сказал я бармену. – Этот я, наверное, послушаю по радио.

– У вас кто?

– Синий Чулок, – сообщил ему я, – 50 на победителя.

– Слишком большой вес.

– Вы что, смеетесь? Хорошая лошадь может упаковать 122 фунта в продажном заезде на шесть тысяч долларов. А это означает, согласно условиям, что она сделала то, чего не смогла сделать в этом заезде ни одна лошадь.

Конечно, причина, по которой я ставил на Синий Чулок, была не в этом. Я всегда их дезинформировал. На доске тотализатора я не хотел больше никого.

В то время у них еще не было внутреннего телевизора. Можно было только слушать, как вызывают ставки. Я опережал на 380 долларов. Проигрыш в последнем заезде принес бы мне прибыль в 330 баксов. Хорошо сегодня поработал.

Мы слушали. Комментатор объявлял каждую лошадь в заезде, кроме Синего Чулка.

Должно быть, моя лошадь упала, решил я.

Они вышли на отрезок, приближались к финишу. Этот ипподром был известен своим коротким отрезком.

И тут, перед самым концом заезда, комментатор завопил:

– И ВОТ ПО ВНЕШНЕМУ КРАЮ ВПЕРЕД ВЫРЫВАЕТСЯ СИНИЙ ЧУЛОК! СИНИЙ ЧУЛОК ОБХОДИТ! ЭТО... СИНИЙ ЧУЛОК!

– Прошу прощения, – сказал я бармену, – я сейчас вернусь. Смешайте мне скотч с водой, двойной.

– Слушаюсь, сэр! – ответил он.

Я вышел на задворки, где у них стоял небольшой тотализатор рядом с прогулочным кругом. Синий Чулок шел 9/2. Что ж, не восемь или 10 к одному. Но играл же на победителя, а не на цену. Заберу 250 долларов плюс мелочь. Я вернулся в бар.

– А на завтра вам кто нравится, сэр? – спросил бармен.

– До завтра еще далеко, – ответил я.

Я допил, дал ему доллар на чай и вышел.

3

Каждый вечер происходило примерно одно и то же. Я ездил по побережью, ища, где бы пообедать. Мне нужно было дорогое место, но не слишком людное. У меня на такие места выработался нюх. Определяешь навскидку, снаружи. Не всегда удавалось получить столик с видом на океан, если не хотел ждать. Но океан и луну снаружи все равно видно, и можно поддаться романтике. Позволить себе наслаждаться жизнью. Я всегда просил небольшой салат и большой бифштекс. Официантки вкусно улыбались и стояли очень близко. Я далеко ушел от того парня, что работал на скотобойнях, мотался по всей стране с бандой железнодорожных рабочих, делал на фабрике собачьи бисквиты, спал на скамейках в парках, впахивал за гроши в дюжине городов всего континента.

После обеда я искал мотель. Тут тоже приходилось поездить. Сначала я заглядывал куда-нибудь выпить виски и пива. Я избегал мест с телевизорами. Нужны только чистые простыни, горячий душ, роскошь. Волшебная жизнь. И я от нее не уставал.

4

Однажды я сидел в баре между заездами и увидел эту женщину. Господь или кто-то другой все время творит женщин и выбрасывает их на улицу, и у них то задница слишком

большая, то сиськи слишком маленькие, а эта вообще ненормальная, а та просто психованная, эта свихнулась на религии, а та гадает на заварке, эта себя не контролирует, когда пердит, а у той не нос, а шнобель, у третьей ноги костлявые...

Но бывает так, что подходит к тебе женщина, в полном цвету, просто рвется наружу из платья... существо, созданное для секса, проклятие, конец всему. Я поднял голову – она сидела за дальним концом стойки. Уже набралась, и бармен не хотел ее больше обслуживать, она подняла крик, и те вызвали одного из фараонов с ипподрома, тот взял ее за руку, повел за собой, и они о чем-то заговорили.

Я допил и пошел за ними.

– Офицер! Офицер!

Тот остановился и посмотрел на меня.

– Моя жена что-то не так сделала? – спросил я.

– Мы полагаем, что она в состоянии алкогольного опьянения, сэр. Я собирался проводить ее к воротам.

– К стартовым воротам?

Он рассмеялся:

– Нет, сэр. К выходу.

– Я приму ее у вас здесь, офицер.

– Хорошо, сэр. Но смотрите, чтоб она больше не пила.

Я не ответил. Я взял ее под руку и завел обратно.

– Слава богу, вы спасли мне жизнь, – сказала она.

Ее ляжка стучалась о мою.

– Нормально. Меня зовут Хэнк.

– Я Мэри-Лу, – представилась она.

– Мэри-Лу, – сказал я. – Я тебя люблю.

Она рассмеялась.

– Кстати, ты ведь не прячешься за столбами в оперном театре, правда?

– Я ни за чем не прячусь, – ответила она, выпячивая груди.

– Еще выпить хочешь?

– Конечно, но мне больше не нальют.

– На этом ипподроме больше, чем один бар, Мэри-Лу. Давай сбегаете наверх. И веди себя тихо. Стой сзади, я принесу тебе стакан. Что ты пьешь?

– Все, что угодно, – ответила она.

– Скотч с водой сойдет?

– Конечно.

Остаток программы того дня мы пили. Она принесла мне удачу. Я выиграл два из последних трех.

– Машина с тобой? – спросил я.

– Я приехала с каким-то придурком, – ответила она. – Забудь про него.

– Если ты это можешь, то и я смогу, – сказал я ей.

Мы свернулись с ней в машине, и ее язык замелькал у меня во рту, как крохотная заблудившаяся змейка. Потом мы развернулись, и я поехал по побережью.

Счастливая ночь стояла. Я взял столик с видом на море, мы заказали выпить и стали ждать бифштексов. Все на нее тарасились. Я склонился и зажег ей сигарету, думая: вот эта будет хороша. Все знали, о чем я думал, и Мэри-Лу это знала, и я улыбнулся ей над пламенем.

– Океан, – сказал я, – посмотри вон туда, бьется, ползает взад-вперед. А подо всем этим – рыба, бедная рыба дерется друг с дружкой, пожирает друг дружку. Мы – как те рыбы, только мы наверху. Одно плохое движение, и тебе конец. Приятно быть чемпионом. Приятно знать свои ходы.

Я вытащил сигару и закурил.

– Еще один, Мэри-Лу?

– Давай, Хэнк.

5

И там было это место. Оно тянулось вдоль моря, оно было выстроено над морем.

Старенькое, но отмечено классом. Мы взяли комнату на первом этаже. Слышно, как внизу шевелится океан, слышно волны, пахнет океаном, чувствуешь, как накатывает и откатывает прилив, накатывает и откатывает.

Я с ней не спешил, пока мы выпивали и разговаривали. Затем подошел к тахте и сел рядом. Мы что-то сотворили, смеясь, болтая и слушая океан. Я разделся, но заставил ее остаться в одежде. Потом отнес на постель и, ползая сверху, наконец, вытащил ее из платья и проник внутрь. Вставить было трудно. Потом она поддалась.

Тот раз был одним из самых лучших. Я слышал воду, слышал, как накатывает и откатывает прилив. Как будто кончал вместе с целым океаном. Казалось, этому не будет конца. Затем я скатился.

– Ох Господи Боже, – сказал я, – ох, Господи Боже мой!

Уж и не знаю, как Господи Боже вечно встревает в такие вещи.

6

На следующий день мы забрали кое-что из ее пожитков в мотеле. Внутри сидел мелкий темный парень с бородавкой на носу. Выглядел он опасным.

– Ты идешь с ним? – спросил он у Мэри-Лу.

– Да.

– Ладно. Удачи. – Он закурил.

– Спасибо, Гектор.

Гектор? Что это за имя, к чертовой матери?

– Пива хочешь? – спросил он у меня.

– Конечно.

Гектор сидел на краю постели. Он сходил в кухню и достал три пива. Хорошее пиво, импортное, из Германии. Он открыл бутылку для Мэри-Лу, налил немного в стакан. Потом спросил меня:

– Стакан?

– Нет, спасибо.

Я встал и поменялся с ним бутылками.

Мы сидели и молча пили пиво.

Затем он спросил:

– Ты достаточно мужик, чтоб ее у меня забирать?

– Черт, не знаю. Это ее выбор. Если она хочет остаться с тобой, то останется. Почему у нее самой не спросишь?

– Мэри-Лу, ты останешься со мной?

– Нет, – ответила она, – я еду с ним.

Она показала на меня. Я чувствовал себя важным. Я потерял столько женщин стольким чужим парням, что хорошо было уже от того, что все оборачивается другим концом. Я зажег сигару. Затем поискал глазами пепельницу. А, вот она, на комод.

В тот момент мне случилось посмотреть в зеркало – проверить, насколько я похмельный, – и я увидел, как он бросается на меня, точно дротик к мишени. У меня в руке по-прежнему была пивная бутылка. Я развернулся, и он вписался прямоком в нее. Я поймал его в челюсть. Весь его рот превратился в кровь и выбитые зубы. Гектор упал на колени, с криком зажимая пасть обеими руками. Я увидел у него в руке стилет и выбил его ногой.

Потом поднял, посмотрел. Девять дюймов. Я стукнул по кнопке, и лезвие прыгнуло в рукоятку. Я положил его в карман.

Затем подошел к плачущему Гектору и дал ему пинка под зад. Он растянулся на полу, не переставая рыдать. Я шагнул через него и глотнул из его бутылки.

Потом подошел и заехал Мэри-Лу. Та завопила.

– Пизда! Ты ведь это подстроила, правда? Ты ведь хотела, чтобы эта макака меня ухайдокала за паршивые четыреста-пятьсот баксов в кошельке!

– Нет, нет! – закричала она. Она плакала. Они оба плакали.

Я еще раз ей съездил.

– Вот так ты это делаешь, пизда? Убиваешь мужиков за пару сотен?

– Нет, нет, Я ЛЮБЛЮ тебя, Хэнк, Я ЛЮБЛЮ тебя!

Я схватил это ее синее платье за воротник и рванул одну сторону до самой талии. Она не носила лифчика. Суке он был просто не нужен.

Я вышел оттуда, выехал и направился к ипподрому. Две или три недели после этого я то и дело оборачивался. Нервы. Ничего не случилось. Я никогда больше не видел Мэри-Лу на бегах. Гектора – тоже.

7

После этого деньги как-то растаяли, и вскоре я перестал ездить на бега и сидел в квартире, дожидаясь, когда истекут мои 90 дней отпуска. Нервы были на пределе от всего выпитого и от напряжения. Не нова история о том, как бабы спускаются на мужика. Только подумал, что можно передохнуть, глядь – еще одна.

Через несколько дней после возвращения на работу появилась следующая. Фэй. У Фэй были седые волосы, и она всегда одевалась в черное. Она говорила, что протестует против войны. Если хочет, пусть протестует, мне-то что. Она была в некотором роде писательницей и ходила в пару литературных мастерских. У нее водились идеи по поводу Спасения Мира. Если хочет Спасти его для меня, я тоже не возражаю. Она жила на алименты от бывшего мужа – у них было трое детей, – и мать время от времени тоже присылала ей деньги. За всю жизнь Фэй работала где-то один-два раза, не больше.

А тем временем Джэнко загрузился новой кучей дерьма. Каждое утро из-за него я отправлялся домой с головной болью. В то время меня постоянно останавливала полиция. Казалось, стоило посмотреть в заднее зеркальце, как там возникали красные мигалки. Патрульная машина или мотоцикл.

Однажды ночью я вернулся домой очень поздно. Я был по-настоящему сломлен.

Достать ключ и вставить его в замок – только на это и хватило сил. Я зашел в спальню: Фэй лежала в постели, читала Нью-Йоркер и ела шоколадные конфеты. Она даже не сказала привет.

Я вышел в кухню и поискал чего-нибудь поесть. В холодильнике голяк. Я решил налить себе стакан воды. Подошел к раковине. Она была забита мусором. Фэй нравилось собирать пустые банки с крышками. Половину раковины забивала грязная посуда, а сверху, вместе с бумажными тарелками, плавали эти самые банки с крышками.

Я вернулся в спальню в тот момент, когда Фэй отправляла в рот очередную конфету.

– Послушай, Фэй, – сказал я, – я знаю, что ты хочешь спасти мир. Но разве ты не можешь начать с кухни?

– Кухня – это не важно, – ответила она.

Трудно давать по физиономии женщине с седыми волосами, поэтому я просто зашел в ванную и пустил воду. Обжигающая ванна может охладить нервы. Когда она наполнилась, я испугался залезать. Мое больное тело к тому времени настолько окостенело, что я боялся утонуть.

Я вышел в переднюю комнату и с усилиями умудрился стащить с себя рубашку,

штаны, ботинки, чулки. Зашел в спальню и влез в постель рядом с Фэй. Я не мог найти себе места. Каждое движение мне чего-то стоило.

Единственное время, когда ты один, Чинаски, подумал я, это когда едешь на работу или с работы.

Наконец, я улегся на живот. Все болело. Скоро назад на почту. Если удастся уснуть, то будет легче. То и дело я слышал шелест страницы, звук поедаемой конфеты. То был вечер одной из ее писательских мастерских. Если б только она еще свет выключила.

– Как мастерская прошла? – спросил я с живота.

– Меня беспокоит Робби.

– О, – сказал я, – что случилось?

Робби был парнем лет под 40, который всю жизнь прожил с мамой. Все, что он писал, как мне сказали, – ужасно смешные рассказы о Католической Церкви. Робби в натуре отрывался на католиках. Журналы были просто не готовы к Робби, хотя кто-то в Канаде его как-то напечатал в журнале. Я видел Робби в один из своих выходных вечеров. Я отвез Фэй к тому особняку, где они читали друг другу свое барахло.

– О! Вон Робби! – воскликнула Фэй, – Он пишет ужасно смешные рассказы о Католической Церкви!

Она показала его мне. Робби стоял к нам спиной. У него жопа была широкой, большой и мягкой; она свисала ему в брючки. Неужели они не замечают, подумал я.

– Не хочешь зайти? – спросила Фэй.

– Может, на следующей неделе...

Фэй положила в рот еще одну шоколадку.

– Робби встревожен. Он потерял работу экспедитора на грузовике. Он говорит, что не может писать без работы. Ему нужно ощущение надежности. Он говорит, что не сможет писать, пока не найдет другую работу.

– Ох черт, – сказал я, – я могу найти ему другую работу.

– Где? Как?

– На почте людей берут налево и направо. И платят неплохо.

– НА ПОЧТЕ! РОББИ СЛИШКОМ РАНИМЫЙ, ЧТОБЫ РАБОТАТЬ НА ПОЧТЕ!

– Извини, – сказал я. – Я думал, стоит попробовать. Спокойной ночи.

Фэй мне не ответила. Она рассердилась.

8

Пятницы и субботы у меня были выходными, поэтому по воскресеньям приходилось круче всего. Плюс тот факт, что по воскресеньям меня заставляли приходиться на работу в 3.30 дня, вместо обычных 6.18.

В то воскресенье я пришел, и меня сразу поставили в секцию циркуляров участка, как обычно и бывает по воскресеньям, а это означало, по меньшей мере, восемь часов на ногах.

Помимо более я начал страдать припадками дурноты. Все кружилось, я был близок к обмороку, потом брал себя в руки.

То было жестокое воскресенье. Пришли какие-то подружки Фэй, сели на кушетку и зачирикали, какие они на самом деле великие писатели, действительно лучшие во всей стране. Единственная причина, по которой их не печатали, заключалась в том, что они не – как они сами говорили – посылали свои вещи.

Я посмотрел на них. Если они писали так же, как выглядели, как пили кофе, хихикали, макали пончики в сахарную пудру, не имело значения, посылают они свои вещи или засовывают себе в жопу.

В то воскресенье я сортировал журналы. Мне нужен был кофе, два кофе, что-нибудь поесть. Но все супы повылазили наружу и стояли впереди. Я подорвал через задний ход. Надо было срезать путь. Кафетерий находился на втором этаже. Я работал на четвертом.

Возле мужского сортира была дверь. Я посмотрел на табличку.

**ОСТОРОЖНО!
НЕ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ
ЭТОЙ ЛЕСТНИЦЕЙ!**

Прикол такой. Я же был мудрее этих засранцев. Они просто повесили табличку, чтобы такие умные парни, как Чинаски, не ходили в кафетерий. Я открыл дверь и стал спускаться. Дверь за мной захлопнулась. Я спустился на второй этаж.

Повернул ручку. Что за хуйня! Дверь не открывалась! Она была заперта. Я снова поднялся. Мимо двери третьего этажа. Ее я пробовать не стал. Я знал, что она заперта. Как и на первом этаже. К тому времени я уже довольно хорошо усвоил, что такое почтамт. Когда тут расставляли ловушку, то делали это тщательно. У меня оставался единственный незначительный шанс. Я был на четвертом этаже. Дернул ручку. Заперто.

По крайней мере, дверь находилась у мужского сортира. В мужской сортир постоянно кто-то заходил и выходил оттуда. Я ждал. Десять минут. Пятнадцать минут. Двадцать минут! Неужели НИКТО не хочет поспать, поссать или просто посачковать? Двадцать пять минут. Тут я увидел лицо. Я побарабанил по стеклу.

– Эй, приятель! Эй, ПРИЯТЕЛЬ!

Он меня не слышал или делал вид, что не слышит. Промаршировал в сральник.

Пять минут. Потом появилась еще одна рожа.

Я постучал сильнее:

– Эй, ПРИЯТЕЛЬ! Эй. ТЫ, ХУЕСОС!

Наверное, он услышал. Посмотрел на меня сквозь укрепленное проволокой стекло.

Я сказал:

– ОТКРОЙ ДВЕРЬ! ТЫ ЧТО, НЕ ВИДИШЬ, ЧТО Я ТУТ? Я ЗАПЕРТ, ДУРЕНЬ!
ОТКРОЙ ДВЕРЬ!

Он открыл дверь. Я вошел. Парень был в трансе.

Я пожал ему локоть.

– Спасибо, парнишка.

Я вернулся к ящику с журналами.

Тут мимо прошел суп. Остановился и посмотрел на меня. Я притормозил.

– Как у вас дела, Чинаски?

Я рыкнул на него, замахал журналом в воздухе, как будто сейчас сойду с ума, что-то пробурчал под нос, и он отвалил.

9

Фэй была беременна. Но это ее не изменило – на почтамт это тоже никак не повлияло.

Те же самые клерки выполняли всю работу, а разнообразные служащие стояли вокруг и спорили о спорте. Все они были большими черными пижонами, накачанными, как профессиональные борцы. Как только на службу поступал новенький, его швыряли в команду разнообразных служащих. Это не давало им убивать надзирателей. Если надзиратель попадался команде разнообразных служащих, его больше не видели.

Команда привозила фургоны почты, поступающие грузовым лифтом. Работы на пять минут в час. Иногда они пересчитывали почту или делали вид. Выглядели они очень спокойными и интеллектуальными, ведя свои подсчеты с длинным карандашом за ухом.

Но большую часть времени они яростно спорили о спорте. Все они были специалистами – читали одних и тех же спортивных комментаторов.

– Ладно, чувак, кто для тебя самый крутой игрок всех времен в дальней части поля?

– Ну, Вилли Мэйс, Тед Уильямс, Кобб.

– Что? Что?

– Именно так, бэби!

- А как же Бэйб? Что с Бэйбом сделаешь?
- Ладно, ладно, кто для тебя самая большая звезда в дальней части поля?
- Так всех времен или звезда?
- Ладно, ладно, ты понял, что я имею в виду, бэби, ты меня понял!
- Ну, я бы взял Мэйса, Рута и Ди Маджа!
- Вы оба с дуба рухнули, парни! Как насчет Хэнка Аарона, Бэби? Как насчет Хэнка?

Как-то раз всех разнообразных служащих поставили на заявки. Заявки, в основном, заполнялись по старшинству. Команда разнообразных подходила и вырывала заявки из книг заказов. А потом им было нечего делать. Никто не жаловался. До стоянки ночью идти далеко и темно.

10

У меня начались припадки дурноты. Я чувствовал, как они подходят. Ящик передо мною начинал вращаться. Припадки длились около минуты. Я ничего не понимал. Каждое письмо становилось тяжелее и тяжелее. Клерки серели и мертвели на вид. Я начинал соскальзывать с табурета. Ноги меня едва держали. Работа убивала.

Я сходил к своему врачу и пожаловался. Он смерял мне давление.

– Да нет, давление у вас нормальное.

Затем приложил стетоскоп и взвесил меня.

– Я ничего плохого не нахожу.

Затем он взял у меня особый анализ крови. Он брал кровь у меня из руки трижды через разные промежутки времени, каждый – дольше предыдущего.

– Не угодно ли подождать в соседней комнате?

– Нет-нет. Я выйду прогуляюсь и вернусь.

– Ладно, только возвращайтесь вовремя.

Я вернулся как раз ко второму анализу. Потом еще дольше пришлось ждать третьего, 20 или 25 минут. Я гулял по улице. Ничего особенного не происходило.

Зашел в аптеку, почитал журнал. Отложил его, посмотрел на часы и вышел наружу. И тут увидел эту женщину – она сидела на автобусной остановке. Одна из редких.

Показывала много ноги. Я не мог отвести глаз. Я перешел через дорогу и остановился ярдах в 20 от нее.

Потом она встала. Я должен был пойти за ней. Эта большая задница манила меня. Как под гипнозом. Она зашла на почту, и я вошел следом. Она встала в длинную очередь, и я встал за ней. Купила две открытки. Я купил 12 авиа-открыток и марок на два доллара.

Когда я вышел, она садилась в автобус. Я бросил прощальный взгляд на эти аппетитные ноги и задницу, забирающиеся на подножку, и автобус увез ее прочь.

Врач ждал.

– Что случилось? Вы опоздали на пять минут!

– Не знаю. Часы, наверное, отстали.

– ЭТО НУЖНО ДЕЛАТЬ ТОЧНО!

– Валяйте. Берите кровь, как бы то ни было.

Он воткнул в меня иголку.

Через пару дней анализы показали, что со мной все в порядке. Уж не знаю, пять минут сыграли тут свою роль, или что. Но припадки стали еще хуже. Я начал уходить через четыре часа работы, не заполняя никаких формуляров.

Приходил около 11 часов, и там была Фэй. Бедная беременная Фэй.

– Что случилось?

– Больше не смог, – отвечал я. – Слишком ранимый...

Парни с участка Дорси не знали моих проблем.

Я входил каждый вечер через задний ход, прятал свитер в подносе и проходил за своей рабочей карточкой.

– Братья и сестры! – говорил я.

– Брат, Хэнк!

– Привет, Брат Хэнк!

У нас с ними шла игра, игра в черно-белых, и она им нравилась. Бойер подходил, трогал меня за руку и говорил:

– Мужик, если б у меня такая раскраска была, как у тебя, я б стал миллионером!

– Еще бы, Бойер. Все, что нужно, – это белая кожа.

Следом к нам подходил маленький кругленький Хэдли.

– Работал на пароходе черный кок. Единственный черный на борту. Пек пудинг с тапиокой два или три раза в неделю, а потом дробил в него. А те белые парни от его пудинга с тапиокой аж торчали, хехехехе! Спрашивали его, как он его делает, а он отвечал, что у него свой особый рецепт есть, хехехехехе!

Мы все смеялись. Уж и не знаю, сколько раз мне пришлось выслушать историю про пудинг с тапиокой...

– Эй, нищеврод белый! Эй, мальчонка!

– Слушай, чувак, если б я назвал тебя мальчонкой, ты б за шабер схватился. Поэтому не мальчонкай мне больше.

– Слушай, белый, что скажешь, если мы в эту субботу вечером куда-нибудь намылимся вместе? У меня прикольная белая бикса как раз есть, блондиночка.

– А у меня – прикольная черная бикса. И ты знаешь, какого цвета у нее волосы.

– Вы, парни, наших теток столетиями ебете. Теперь мы вас нагоняем. Ты не станешь возражать, если я свой черный шкворень в твою белую биксу засуну?

– Если хочет, пусть хоть весь забирает.

– Ты украл землю у индейцев.

– Ну дак.

– Ты меня к себе домой не пригласишь. А если пригласишь, то попросишь зайти с черного хода, чтоб никто мою шкуру не видел...

– А я оставлю маленькую лампочку гореть.

Становилось скучно, но выхода у меня не было.

У Фэй с беременностью все шло нормально. Для старушки она держалась ничего.

Мы сидели дома и ждали. Наконец, время пришло.

– Долго не будет, – сказала она. – Мне не хочется приезжать туда слишком рано.

Я вышел и проверил машину. Вернулся.

– Уууу, ох, – сказала она. – Нет, погоди.

Может, она действительно могла спасти мир. Я гордился ее спокойствием. Я простил ее за немые тарелки, за Нью-Йоркер, за писательские мастерские. Старушенция – просто-напросто еще одно одинокое существо в мире, которому на нее наплевать.

– Поехали, наверное, – сказал я.

– Нет, – ответила Фэй, – я не хочу, чтобы ты ждал слишком долго. Я знаю, что ты в последнее время не очень хорошо себя чувствуешь.

– К черту меня. Поехали.

– Нет, прошу тебя, Хэнк.

Она сидела просто так.

– Что я могу для тебя сделать? – спросил я.

– Ничего.

Она просидела так 10 минут. Я сходил на кухню за стаканом воды. Когда я вышел, она спросила:

– Ты готов ехать?

– Конечно.

– Ты знаешь, где больница?

– Естественно.

Я помог ей сесть в машину. За неделю до этого я гонял туда дважды для практики. Но когда мы доехали, я и понятия не имел, где они тут паркуются. Фэй показала подъездную дорожку.

– Поезжай туда. Оставь машину там. Зайдем оттуда.

– Слушаюсь, мэ, – ответил я...

Она лежала в постели, в задней палате, выходящей на улицу. Ее лицо кривилось.

– Возьми меня за руку, – попросила она.

Я взял.

– Это действительно случится? – спросил я.

– Да.

– Ты говоришь так, будто это легко, – сказал я.

– Ты такой хороший. От этого легче.

– Я б хотел быть хорошим. Все из-за этого проклятого почтамта...

– Я знаю. Я знаю.

Мы смотрели в окно на задворки.

Я сказал:

– Посмотри на тех людей внизу. Они и не знают, что тут у нас происходит.

Идут себе по тротуару. И все-таки смешно... они сами когда-то родились, все до единого.

– Да, смешно.

По руке я чувствовал, как шевелится ее тело.

– Держи крепче, – сказала она.

– Да.

– Ненавижу, что тебе надо будет уйти.

– Где врач? Где все? Какого дьявола!

– Придут.

И тут как раз вошла медсестра. Больница была католической, и она была очень привлекательна – темная, испанка или португалка.

– Вы... должны идти... сейчас, – выговорила она.

Я показал Фэй пальцы накрест и криво ухмыльнулся. Думаю, она не увидела. Я спустился на лифте вниз.

13

Подошел мой немецкий врач. Тот, что брал у меня кровь на анализ.

– Поздравляю, – сказал он, пожимая мне руку, – девочка. Девять фунтов, три унции.

– А как мать?

– С матерью все будет в порядке. Обошлось без хлопот.

– Когда я смогу их увидеть?

– Вам сообщат. Сидите здесь, вас позовут.

И он ушел.

Я заглянул через стекло. Медсестра показала на моего ребенка. Лицо у младенца было очень красным, он орал громче всех остальных детей. Комната была полна вопящих

младенцев. Столько рождений! Сестра, казалось, гордилась моей малюткой. По крайней мере, я надеялся, что малютка – моя. Медсестра подняла девочку повыше, чтоб я смог ее разглядеть. Я улыбнулся через стекло, толком не зная, как себя вести. Девочка просто орала на меня. Бедняжка, подумал я, бедная проклятая малютка. Я тогда еще не знал, что она однажды станет красавицей, в точности похожей на меня, хахаха.

Я жестом попросил медсестру положить ребенка на место, затем помахал на прощанье им обеим. Славная сестра. Хорошие ноги, хорошие бедра. Грудь – ничего.

У Фэй в левом уголке рта было пятнышко крови, и я взял влажную тряпицу и вытер. Женщинам предназначено страдать; не удивительно, что они просят постоянных проявлений любви.

– Отдали бы они мне моего ребеночка, – сказала Фэй, – неправильно нас так разлучать.

– Я знаю. Но наверное, есть какая-то медицинская причина.

– Да, но все равно, наверное, неправильно.

– Неправильно. Но ребенок выглядел прекрасно. Я сделаю все, что смогу, чтобы они передали ее сюда как можно скорее. Там, наверное, штук 40 младенцев.

Они всех матерей заставляют ждать. Наверное, чтоб они силы восстановили. Наша малышка выглядела очень сильной, уверяю тебя. Пожалуйста, не волнуйся.

– Я буду так счастлива с моей малышкой.

– Я знаю, я знаю. Недолго уже.

– Сэр, – ко мне подошла толстая сестра-мексиканка, – мне придется попросить вас уйти.

– Но я – отец.

– Мы знаем. Но вашей жене нужно отдохнуть.

Я сжал Фэй руку, поцеловал ее в лоб. Она закрыла глаза и наверное уснула.

Немолодая женщина. Может, мир она и не спасла, но явно его улучшила. Запишите это на счет Фэй.

14

Марина-Луиза – так Фэй назвала ребенка. Вот она, значит, какая – Марина-Луиза Чинаски. В колыбельке возле окна. Разглядывает листву на деревьях и яркие разводы, вихрящиеся по потолку. Потом плачет. Погулять с малышкой, поговорить с малышкой. Девчушке хотелось маминой груди, но мама не всегда была готова, а у меня маминых грудей нет. А работа – она по-прежнему на месте. И теперь еще беспорядки. Одна десятая города охвачена огнем...

15

В лифте вверх я оказался единственным белым. Странно. Они разговаривали о беспорядках, не глядя на меня.

– Боже, – произнес черный как уголь парень, – это действительно что-то.

Парни эти шибаются по улицам, в дымину, с пузырями вискача. Мимо фараоны ездят, но из машин не высовываются, чтобы пьянь не нервировать. При свете дня. Люди бродят с теликами, с пылесосами, все такое. Это в самом деле что-то...

– Н-да, чувак.

– Те точки, где хозяева – черные, плакаты вывешивают: БРАТЪЯ ПО КРОВИ. Там, где владельцы белые, – тоже. Но народ не одурачишь. Они знают, что беломазым принадлежит...

– М-да, браток.

Тут лифт остановился на четвертом этаже, и мы вышли все вместе. Я чувствовал, что в

этот момент мне лучше всего воздержаться от комментариев.

Прошло совсем немного времени, по интеркому зазвучал голос городского почтмейстера:

– Внимание! Юго-восточный район перекрыт баррикадами. Пропускать будут только тех, у кого соответствующее удостоверение личности. С 7 часов вечера вводится комендантский час. После 7 часов вечера проход запрещен всем. Баррикада простирается от улицы Индианы до улицы Гувера и от Бульвара Вашингтон до 135-й Плазы. Все проживающие в этом районе на сегодня освобождаются от работы.

Я встал и потянулся за своей рабочей карточкой.

– Эй! Ты куда собрался? – окликнул меня надзиратель.

– Вы слышали объявление?

– Да, но ты не...

Я сунул левую руку в карман.

– Что я НЕ? Что я НЕ?

Он посмотрел на меня.

– Что ты в этом понимаешь, БЕЛОМАЗЫЙ? – спросил я.

Я взял свою рабочую карточку, подошел и пробил ее на выход.

16

Беспорядки закончились, ребенок успокоился, а я нашел способ избегать Джэнко. Но припадки дурноты упорствовали. Врач выписал мне рецепт на бело-зеленые капсулы либриума, и они немножко помогали.

Однажды вечером я поднялся попить. Затем вернулся, проработал еще полчаса, затем ушел на обычный 10-минутный перерыв.

Стоило мне снова усесться, как подскочил надзиратель Чемберс, светлый мулат:

– Чинаски! Ты, наконец, спалился! Тебя не было 40 минут!

Как-то ночью Чемберс брякнулся на пол в припадке, с пеной изо рта и конвульсиями. Его унесли на носилках. На следующий вечер он вернулся, при галстукке, в новой рубашке, как ни в чем не бывало. Теперь он разыгрывал со мной старый гамбит питьевого фонтанчика.

– Слушай, Чемберс, попробуй быть разумным. Я отошел воды глотнуть, сел снова, проработал 30 минут, потом ушел на перерыв. Меня не было 10 минут.

– Ты спалился, Чинаски! Тебя не было 40 минут! У меня есть семь свидетелей!

– Семь свидетелей?

– ДА, семь!

– Говорю тебе, 10 минут.

– Нет, мы тебя засекали, Чинаски! На этот раз ты нам попался!

И тут я неожиданно устал. Мне больше не хотелось на него смотреть:

– Тогда ладно. Меня не было 40 минут. Будь по твоему. Пиши.

Чемберс убежал.

Я распахнул несколько писем, затем подошел общий нарядчик. Худой белый мужик с ключьями седых волос, свисавшими на уши. Я взглянул на него, отвернулся и разложил еще несколько писем.

– Мистер Чинаски, я уверен, что вы понимаете правила и распорядки почтамта.

Каждому клерку полагается два 10-минутных перерыва – один до обеда, один после.

Привилегия перерыва дается администрацией: 10 минут. Десять минут – это...

– ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ! – Я швырнул письма на пол. – Я тут созная в 40-минутной отлучке только для того, чтоб вас порадовать, чтоб вы слезли с моей задницы. А вы все прете и прете! Я беру свои слова обратно! Меня не было только 10 минут! Я хочу видеть ваших свидетелей! Тащите их сюда!

Два дня спустя я был на бегах. Поднял голову и вижу все эти зубы, эту широченную

улыбку, глаза сияют, само дружелюбие. Что же это там такое – зубастое? Я вгляделся пристальнее. Чемберс – лыбится на меня, стоя в очереди за кофе. У меня в руке было пиво. Я подошел к мусорной урне и, глядя на него, сплюнул. И отошел. Чемберс никогда больше меня не доставал.

17

Малышка начала ползать, открывать мир. Марина спала по ночам в одной постели с нами. Марина, Фэй, кошка и я. Кошка тоже спала на кровати. Смотри-ка, думал я, от меня зависят три рта. Как странно. Я сидел рядом и смотрел, как они спят.

После того, как две ночи подряд я возвращался домой по утрам, рано-рано, я застал Фэй сидящей в постели – она читала секции объявлений.

– Все эти комнаты – чертовски дорогие, – сказала она.

– Конечно, – ответил я.

Следующий вопрос, который я задал, пока она читала газету:

– Ты съезжаешь?

– Да.

– Хорошо. Завтра помогу тебе найти квартиру. Повожу тебя по округе.

Я согласился платить ей каждый месяц некую сумму. Она сказала:

– Ладно.

Фэй досталась девочка. Мне – кошка.

Мы нашли для нее место в восьми или 10 кварталах от меня. Я помог ей въехать, попрощался с девочкой и поехал обратно.

Я ездил повидаться с Мариной два, три или четыре раза в неделю. Я знал: ровно столько, сколько я смогу видеть девочку, со мной все будет в порядке.

Фэй по-прежнему носила черное в знак протеста против войны. Она посещала местные демонстрации за мир, забастовки любви, ходила на поэтические чтения, в мастерские, на митинги коммунистической партии и сидела в кофейне для хиппи.

Ребенка она брала с собой. Если она никуда не ходила, то просто сидела в кресле, курила одну сигарету за другой и читала. На своей черной блузке она носила значки протеста. Но когда я приезжал повидаться, она обычно куда-то отваливала с девочкой.

Однажды, правда, я застал их дома. Фэй ела подсолнечные семечки с йогуртом.

Хлеб она тоже себе пекла сама, но он не очень хорошо поднимался.

– Я познакомилась с Энди, он водитель грузовика, – сообщила она мне. – Еще он пишет маслом. Это одна из его картин, – и Фэй показала на стену.

Я играл с девочкой. Бросил взгляд на картину. Ничего не сказал.

– У него большой хуй, – продолжала Фэй. – Как-то вечером он заехал и спросил у меня: Как тебе понравится ебаться с большим хуем? – и я ответила ему: Я бы предпочла ебаться с любовью!

– Судя по словам, он – человек светский, – сказал я.

Я еще немного поиграл с девочкой, потом уехал. Мне светил плановый экзамен.

Вскоре после этого я получил от Фэй письмо. Она и ребенок теперь жили в коммуне хиппи в Нью-Мексико. Славно местечко, писала она. Марина хоть сможет тут дышать. Она вложила в письмо маленький рисунок, который девочка нарисовала для меня.

ПЯТЬ

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ

КАСАТЕЛЬНО:

Письмо Предупреждения

КОМУ: Мистеру Генри Чинаски Настоящим департаментом была получена информация, указывающая на то, что Вы были задержаны Департаментом Полиции Лос-Анжелеса 12 марта 1969 года по обвинению в пьянстве.

В связи с вышеизложенным, Ваше внимание обращается на Секцию 744.12 Почтовой Инструкции, гласящую:

Почтовые работники служат общим интересам публики, и их поведение во многих случаях должно подвергаться большим ограничениям и соответствовать более высоким стандартам, нежели поведение некоторых других частных служащих. От работников почты требуется вести себя как в рабочее, так и во внеслужебное время таким образом, который благоприятно бы отражал работу Почтовой Службы. Хотя в политику Департамента Почт не входит вмешиваться в частную жизнь своих служащих, вышеуказанная политика требует, чтобы почтовый персонал был честен, надежен, заслуживал доверия, обладал хорошим характером и репутацией.

Несмотря на то, что Ваш арест был произведен по сравнительно незначительному обвинению, он составляет свидетельство о Вашей неспособности вести себя как подобает и таким образом, который бы благоприятно отражал работу Почтовой Службы. Настоящим Вы предупреждаетесь, что повторение подобного правонарушения или иное столкновение с полицейскими властями не оставит данному департаменту иного выхода, кроме рассмотрения применения к Вам мер дисциплинарного воздействия.

Можете предоставить письменное объяснение по поводу случившегося, если того пожелаете.

2

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ

КАСАТЕЛЬНО:

Уведомление о Предлагаемых Встречных Мерах Воздействия

КОМУ: Мистеру Генри Чинаски Настоящее служит предварительным уведомлением о том, что в отношении Вас предполагается применить меру отстранения от работы сроком на три (3) дня без сохранения заработной платы или иную соответствующую меру дисциплинарного воздействия. Предполагаемые меры предпринимаются с целью повышения эффективности службы и будут предприняты не позднее 35 календарных дней с момента получения Вами настоящего письма.

Обвинение против Вас и причины, подкрепляющие это обвинение, заключаются в нижеследующем:

ОБВИНЕНИЕ №1

Вы обвиняетесь в отсутствии на работе без уважительной причины 13 мая 1969 г., 14 мая 1969 г. и 15 мая 1969 г.

В дополнение к вышеизложенному нижеследующая деталь Вашего послужного списка будет расцениваться как решающая в определении длительности применения мер дисциплинарного воздействия в том случае, если настоящее обвинение останется в силе:

1 апреля 1969 г. Вам было вручено письмо предупреждения за отсутствие на работе без уважительной причины.

Вы имеете право ответить на выдвинутые против Вас обвинения как лично, так и письменно, или же и лично, и письменно, будучи сопровождаемы представителем трудового коллектива по Вашему выбору. Ваш ответ должен быть подан в течение десяти (10) календарных дней по получении настоящего письма. Вы также можете подать письменные свидетельства, подтверждающие ваши ответы. Любой ответ в письменном виде должен быть

адресован Почтмейстеру, Лос-Анжелес, Калифорния 90052. Если Вам потребуется дополнительное время для подготовки и подачи ответа, оно может быть предоставлено по подаче Вами письменного прошения, обосновывающего необходимость оно.

Если Вы пожелаете ответить на обвинения лично, то можете назначить встречу с Эллен Нормелл, Начальником Отдела Найма и Обслуживания, или с К.Т. Шеймусом, Офицером по Работе со Служащими, позвонив по телефону 289-2222.

По истечении 10-дневного срока, отведенного Вам на ответ, все факты Вашего дела, включая ответ, который Вы можете подать, будут подвергнуты полному рассмотрению прежде, чем будет вынесено окончательное решение. Решение будет представлено Вам в письменном виде. Если принятое решение будет подразумевать принятие к Вам мер воздействия, данное письмо будет информировать Вас о причине или причинах, лежащих в основе принятия данного решения.

3

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ

КАСАТЕЛЬНО:

Уведомление о Решении

КОМУ: Мистеру Генри Чинаски Настоящим относим Вас к письму, адресованному Вам и датированному 17-ым апреля 1969 г., в котором предлагалось применить к Вам меру дисциплинарного воздействия в форме отстранения Вас от работы сроком на три дня или иную меру дисциплинарного воздействия на основании выдвинутого против Вас Обвинения №1, приводившегося в упомянутом письме. До сего дня от Вас не поступило никакого ответа на это письмо. По тщательном рассмотрении обвинения было принято решение, что Обвинение №1, подкрепляемое достаточными свидетельствами, остается в силе и служит основанием для Вашего отстранения от работы. В соответствии с вышеизложенным, вы отстраняетесь от работы без сохранения заработной платы сроком на три (3) дня.

Первым днем Вашего отстранения считается день 17 ноября 1969 г, последним днем Вашего отстранения считается день 19 ноября 1969 г.

Деталь Вашего послужного списка, изложенная подробным образом в Уведомлении о Предлагаемых Встречных Мерах Воздействия, также подвергалась рассмотрению при принятии решения о наложении на Вас дисциплинарного наказания.

Вы имеете право опротестовать данное решение, подав прошение о пересмотре дела либо в Департамент Почт, либо в Комиссию США по Гражданской Службе, либо сначала в Департамент Почт, затем в Департамент Гражданской Службы, а затем в Комиссию по Гражданской Службе в соответствии с нижеследующим:

Подавая апелляцию сначала в Комиссию по Гражданской Службе, вы лишаетесь права подавать апелляцию в Департамент Почт. Апелляция в Комиссию по Гражданской Службе должна быть подана Региональному Директору, Район Сан-Франциско, Комиссия США по Гражданской Службе, Авеню Золотые Ворота, дом 450, А/Я 36010, Сан-Франциско, Калифорния 94102. Ваше прошение о пересмотре дела должно (а) быть изложенным в письменном виде, (б) содержать причины опротестования Вами решения об отстранении от работы, подкрепленные теми доказательствами и документами, которые вы можете подать, и (в) быть подано не позднее 15 дней после вхождения в силу решения об отстранении Вас от работы. Комиссия, по подаче прошения в должной форме, рассмотрит принятые меры лишь в целях определения правильности следования определенным процедурам, если Вы не представите свидетельство, утверждающее, что меры были приняты против Вас по политическим причинам, исключая политические причины, предписанные законом, или являлись результатом дискриминации, вызванной Вашим семейным положением или физическим недостатком.

Если вы подаете прошение о пересмотре дела в Департамент Почт, Вы лишаетесь права

апелляции к Комиссии до того момента, пока решение по Вашему прошению не будет принято на первом уровне Департамента. В этот момент Вы получите возможность выбора: вы можете продолжать обжалование решения о Вашем отстранении от работы на более высоких уровнях Департамента или же подавать прошение о пересмотре дела в Комиссию. Тем не менее, если по прошествии 60 дней со дня подачи Вами прошения о пересмотре дела решение на первом уровне не будет принято, вам предоставляется возможность прервать ход Вашего прошения в Департаменте, подав апелляцию в Комиссию.

Если Вы подаете апелляцию в Департамент Почт в течение десяти (10) календарных дней с момента получения настоящего Уведомления о Решении, отстранение Вас от работы не войдет в силу до тех пор, пока Вы не получите Уведомления о Решении по Вашему прошению о пересмотре дела от Регионального Директора Департамента Почт. Далее, если Вы подаете прошение о пересмотре дела в департамент, Вы имеете право быть сопровождаемым, представляемым и консультируемым любым представителем трудового коллектива по Вашему выбору. Вы и Ваш представитель будете свободны от сдерживания, вмешательства, принуждения, дискриминации или репрессалий. Вам и Вашему представителю также будет предоставлено разумное количество рабочего времени для подготовки к подаче документов.

Апелляция к Департаменту Почт может быть подана в любое время по получении Вами настоящего письма, но не позднее 15 календарных дней по вступлении в силу решения об отстранении Вас от работы. Ваше письмо должно включать в себя прошение о переслушании Вашего дела или заявления о том, что вышеозначенное слушание нежелательно. Простение о пересмотре дела должно быть адресовано:

Региональному Директору Департамент Почт
Ховард-Стрит, 631 Сан-Франциско, Калифорния 94106

Если Вы подаете прошение о пересмотре дела Региональному Директору либо Комиссии по Гражданской Службе, просьба предоставить мне подписанную копию прошения одновременно с подачей оною Региональному Директору или в Комиссию по Гражданской Службе.

Если у Вас возникнут вопросы, так или иначе связанные с процедурой подачи прошения о пересмотре дела, вы можете связаться с Ричардом Н. Мартом, Помощником по Работе со Служащими и Льготам, в Секции по Работе со Служащими Отдела Кадров, Каб.2205, Федеральное Здание, Норт-Лос-Анжелес-Стрит, дом 300, с 8:30 до 16:00 в рабочие дни.

4

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ

КАСАТЕЛЬНО: Уведомление о Предлагаемых Встречных Мерах Воздействия

КОМУ: Мистеру Генри Чинаски Настоящим предварительно уведомляем Вас, что выдвинуто предложение удалить Вас из Почтовой Службы или предпринять иные соответствующие меры дисциплинарного воздействия. Предполагаемые меры предпринимаются с целью повышения эффективности службы и будут предприняты не позднее 35 календарных дней с момента получения Вами настоящего письма.

Обвинения, выдвигаемые против Вас, и причины, подтверждающие данные обвинения, заключаются в следующем:

Вы обвиняетесь в отсутствии на работе без уважительной причины в нижеследующие дни:

25 сентября 1969 г. 4 час.

28 сентября 1969 г. 8 час.

29 сентября 1969 г. 8 час.

05 октября 1969 г. 8 час.

06 октября 1969 г. 4 час.
07 октября 1969 г. 4 час.
13 октября 1969 г. 5 час.
15 октября 1969 г. 4 час.
16 октября 1969 г. 8 час.
19 октября 1969 г. 8 час.
23 октября 1969 г. 4 час.
29 октября 1969 г. 4 час.
04 ноября 1969 г. 8 час.
06 ноября 1969 г. 4 час.
12 ноября 1969 г. 4 час.
13 ноября 1969 г. 8 час.

В дополнение к вышеизложенному нижеследующие детали Вашего послужного списка будут расцениваться как решающие в определении длительности применения мер дисциплинарного воздействия в том случае, если настоящее обвинение останется в силе:

1 апреля 1969 г. Вам было вручено письмо предупреждения за отсутствие на работе без уважительной причины.

17 августа 1969 г. Вам было вручено Уведомление о Предлагаемых Встречных Мерах Воздействия за отсутствие на работе без уважительной причины. В результате данного обвинения Вы были отстранены от работы без сохранения заработной платы на срок трех (3) дней, с 17 ноября 1969 г. по 19 ноября 1969 г.

Вы имеете право ответить на выдвинутые против Вас обвинения как лично, так и письменно, или же и лично, и письменно, будучи сопровождаемы представителем трудового коллектива по Вашему выбору. Ваш ответ должен быть подан в течение десяти (10) календарных дней по получении настоящего письма. Вы также можете подать письменные свидетельства, подтверждающие ваши ответы. Любой ответ в письменном виде должен быть адресован Почтмейстеру, Лос-Анжелес, Калифорния 90052. Если Вам потребуется дополнительное время для подготовки и подачи ответа, оно может быть предоставлено по подаче Вами письменного прошения, обосновывающего необходимость ононого.

Если Вы пожелаете ответить на обвинения лично, то можете назначить встречу с Эллен Нормелл, Начальником Отдела Найма и Обслуживания, или с К.Т. Шеймусом, Офицером по Работе со Служащими, позвонив по телефону 289-2222.

По истечении 10-дневного срока, отведенного Вам на ответ, все факты Вашего дела, включая ответ, который Вы можете подать, будут подвергнуты полному рассмотрению прежде, чем будет вынесено окончательное решение. Решение будет представлено Вам в письменном виде. Если принятое решение будет подразумевать принятие к Вам мер воздействия, данное письмо будет информировать Вас о причине или причинах, лежащих в основе принятия данного решения.

ШЕСТЬ

1

Я сидел рядом с молоденькой девчонкой, которая не слишком хорошо знала свой план.
– Куда пойдет Роульф, 2900? – спросила она меня.
– Попробуй кинуть в 33-й, – посоветовал я.
С нею заговорил надзиратель.
– Так, говорите, вы из Канзас-Сити? У меня родители в Канзас-Сити родились.
– Что вы говорите? – откликнулась девчонка.
Затем спросила у меня:

– Как насчет Майерс, 8400?

– Давай в 18-й.

Она была слегка полновата, но готова. Я пас. На некоторое время с дамами завязал. Надзиратель стоял подозрительно близко к ней.

– Вы живете далеко от работы?

– Нет.

– А вам работа нравится?

– О, да.

Она повернулась ко мне:

– Как насчет Олбэни, 6200?

– Шестнадцать.

Когда я закончил свой поднос, надзиратель обратился ко мне:

– Чинаски, я засекал вам время по этому подносу. У вас это заняло 28 минут.

Я промолчал.

– Вы знаете, какова норма для такого подноса?

– Нет, не знаю.

– Сколько вы здесь работаете?

– Одиннадцать лет.

– Вы проработали здесь 11 лет и не знаете нормы?

– Именно.

– Вы сортируете почту, как будто вам это безразлично.

Перед девчонкой до сих пор стоял полный поднос. Начинали мы их вместе.

– К тому же, вы разговаривали с дамой, сидящей рядом.

Я зажег сигарету.

– Чинаски, подойдите-ка сюда на минутку.

Он стоял перед жестяными ящиками и показывал мне что-то. Остальные клерки заработали очень быстро. Я видел, как неистово замелькали их правые руки. Даже пухлая девчонка теперь распихивала как надо.

– Видите цифры, написанные на торце ящика?

– Ну.

– Эти цифры указывают количество штук, которые надо рассортировать в минуту.

Двухфутовый поднос должен быть разметан за 23 минуты. Вы превысили норму на пять минут.

Он ткнул в 23:

– Двадцать три минуты – это норма.

– Эти 23 ничего не значат, – ответил я.

– Как это?

– А так, что подошел человек с ведерком краски и написал тут цифру 23.

– Нет, нет, это проверено временем за много лет и не раз перепроверено.

Что толку спорить? Я ничего не ответил.

– Мне придется написать вам взыскание, Чинаски. Вас об этом известят.

Я вернулся на место и сел. Одиннадцать лет! У меня в кармане не прибавилось ни гроша с тех пор, как я вошел сюда. Одиннадцать лет. Хоть каждая ночь была длинна, годы летели быстро. Может, все дело в ночных сменах. Или в том, что делал одно и то же снова, снова и снова. По крайней мере, с Булыжником я никогда не знал, чего ожидать. Тут же никаких сюрпризов больше не было.

Одиннадцать лет пронеслись в голове. Я видел, как работа пожирала людей.

Казалось, они таяли. Был Джимми Поттс с Участка Дорси. Когда я только поступил, Джимми был прекрасно сложен, носил белую майку. Теперь его нет. Он опустил свое сиденье почти до самого полу и вцепился в табурет ногами, чтобы не упасть. Так устал, что даже не стригся, носил одни штаны по три года. Рубашки менял дважды в неделю, а ноги еле переставлял. Его убили. Ему было 55. Семь лет до пенсии.

– Не доживу, – говорил он мне.

Люди либо таяли, либо толстели, становились просто огромными, особенно в заднице и талии. Всё – от табурета, от одних и тех же движений, одних и тех же разговоров. И я такой – дурнота, боли в руках, шее, груди, везде. Я спал целыми днями, набираясь сил перед работой. По выходным вынужден был пить, чтобы забыть обо всем. Пришел я сюда весом 185 фунтов. Теперь же весил все 223. Двигалась во мне только правая рука.

2

Я вошел в кабинет советника. За столом сидел Эдди Бивер. Клерки прозвали его Тощий Бобер. У него была заостренная голова, острый нос, остренький подбородок. Он весь состоял из острых углов. И к тому же сам везде искал их.

– Садитесь, Чинаски.

У Бобра в руке были какие-то бумаги. Он их читал.

– Чинаски, сортировка 23-минутного подноса заняла у вас 28 минут.

– Ох, кончайте херню нести. Я устал.

– Что?

– Я сказал, кончайте нести херню! Давайте, я подпишу все, что надо, и пойду обратно. Не желаю я этого слушать.

– Я здесь для того, чтобы проводить с вами разъяснительную работу, Чинаски!

Я вздохнул:

– Ладно, валяйте. Разъясняйте.

– Нам надо выполнять производственные показатели, Чинаски.

– Ага.

– А когда вы отстаете от графика, это означает, что за вас сортировать почту придется кому-то другому. А это означает переработки.

– Вы имеете в виду, что это я виноват в тех трех с половиной часах переработки, которые назначают чуть ли не каждую ночь?

– Послушайте, 23-минутный поднос занял у вас 28 минут. Вот и все дела.

– Вам виднее. В каждом подносе – два фута. На некоторых – в три, даже в четыре раза больше писем, чем на других. Клерки хватают то, что называется жирными подносами. Мне это до лампочки. Кому-то надо крутиться с тяжелой почтой. Однако, вам, парни, известно только то, что каждый поднос – длиной два фута, и что его нужно рассовать за 23 минуты. Но мы же не подносы по ящикам рассовываем, мы рассовываем письма.

– Нет-нет, эти показатели проверены временем!

– Может, и проверены. Сомневаюсь. Но если вы засекаете время человека, не судите по одному подносу. Даже Бэйб Рут иногда лажается. Судите человека по 10 подносам или по всей ночной работе. Вы же пользуетесь этим, чтобы прикапываться к тем, на кого у вас зуб.

– Ладно, высказались, Чинаски. Теперь же я скажу ВАМ: вы рассортировали поднос за 28 минут. С этого и начнем. ИТАК, если вас поймают еще с одним медленным подносом, вам придется пройти **ПОВЫШЕННЫЙ КУРС РАЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ!**

– Хорошо, только можно один вопрос?

– Задавайте.

– Предположим, мне попадает легкий поднос. Иногда они мне достаются.

Иногда я заканчиваю поднос за пять или за восемь минут. Ну, скажем, рассортировал я поднос за восемь минут. Если верить проверенной временем норме, я сэкономил почтамту 15 минут. Так могу ли я взять эти 15 минут, спуститься в кафетерий, съесть ломтик пирога с мороженым, посмотреть телевизор и вернуться?

– **НЕТ! ВАМ НАДЛЕЖИТ НЕМЕДЛЕННО СХВАТИТЬ СЛЕДУЮЩИЙ ПОДНОС И ПРОДОЛЖАТЬ СОРТИРОВКУ ПОЧТЫ!**

Я подписал бумагу, извещавшую, что со мной проведена разъяснительная работа.

Затем Тощий Бобер подписал мою увольнительную, записал на ней время и отправил меня обратно на табуретку рассовывать письма дальше.

3

Но кое-что по-прежнему еще происходило. Один парень спалился на той же самой лестнице, где попался я. Спалился он там с головой, засунутой под юбку какой-то девахе. Затем одна из девиц, работавших в кафетерии пожаловалась, что ей не заплатили обещанного за сеанс орального соития, предоставленного ею одному общему нарядчику и троим сортировщикам. Девуцу и троих сортировщиков выперли, а общего нарядчика разжаловали в рядовые надзиратели.

Потом я поджег почтаamt.

Меня отправили сортировать бумаги третьего класса, а я курил сигару, перекладывая пачки почты с ручной тележки, и тут подошел какой-то парень и сказал:

– ЭЙ, У ТЕБЯ ПОЧТА ГОРИТ!

Я огляделся. Точно. Язычок пламени начинал подниматься, словно танцующая змейка. Очевидно, комок горящего пепла с сигары попал туда чуть раньше.

– Ох, блядь!

Пламя быстро росло. Я схватил каталог и наотмашь, плоскостью, выбил из него все дерьмо. Полетели искры. Стало жарко. Как только я погасил одну стопку, занялась другая.

Я услышал голос:

– Эй! Огнем пахнет!

– ТУТ НЕ ОГНЕМ ПАХНЕТ, ИДИОТ! – заорал я. – ТУТ ПАХНЕТ ДЫМОМ!

– Наверное, пора ноги клеить!

– Так и пошел тогда к черту! – завопил я. – ПОШЕЛ ВОН!

Пламя обжигало мне руки. Я должен был спасти почту Соединенных Штатов – эту макулатуру третьего класса!

Наконец, я взял его под контроль. Ногой столкнул всю кипу бумаги на пол и затоптал остатки тлевшего пепла.

Подошел надзиратель, хотел что-то мне сказать. Я стоял с обгоревшим каталогом в руке и ждал. Он посмотрел на меня и отошел.

Затем я продолжил сортировать по ящикам третьеклассный мусор. Все сгоревшее откладывал в сторону.

Сигара моя потухла. Я не стал раскуривать ее.

Руки начало саднить, и я сходил к питьевому фонтанчику, сунул их под воду.

Не помогло.

Я нашел надзирателя и попросил у него увольнительную в медпункт.

Медсестра была та же самая, что, бывало, приходила к моим дверям и спрашивала:

– Ну, в чем дело, мистер Чинаски?

Когда я вошел в медпункт, она спросила то же самое.

– Помните меня, а? – спросил я.

– О, да, у вас очень неприятные ночи бывали.

– Ну да, – ответил я.

– У вас в квартире до сих пор женщины? – спросила она.

– Ага. А у вас – до сих пор мужчины?

– Хорошо, мистер Чинаски, что с вами случилось?

– Руки обжег.

– Подойдите сюда. Как вы обожгли себе руки?

– Какая разница? Обжег и все.

Она мне их чем-то промакивала. Одна ее грудь проехала по мне.

– Как это произошло, Генри?

– Сигарой. Стоял рядом с тележкой третьего класса. Должно быть, туда упал пепел. Вспыхнуло.

Грудь снова уперлась в меня.

– Не дергайте руками, пожалуйста!

Тут она возложила на меня весь свой фланг, пока мазала руки какой-то мазью.

Я сидел на табуретке.

– В чем дело, Генри? Что вы так нервничаете?

– Ну... знаете же, как бывает, Марта.

– Меня зовут не Марта. Меня зовут Хелен.

– Давайте поженимся, Хелен.

– Что?

– Я имею в виду – когда я смогу снова пользоваться руками?

– Хоть сейчас, если вам так хочется.

– Что?

– Я имею в виду, на рабочем месте.

Она обернула их марлей.

– Мне уже лучше, – сказал я ей.

– Почту жечь нельзя.

– Это макулатура.

– Вся почта важна.

– Учту, Хелен.

Она подошла к своему столу, я – за ней. Она заполнила мне увольнительную. В своем беленьком чепчике она выглядела очень мило. Надо будет придумать, как сюда вернуться.

Она заметила, как я разглядываю ее тело.

– Ладно, мистер Чинаски, мне кажется, вам пора.

– Ох, да... Ну ладно, спасибо за все.

– Это моя работа.

– Еще бы.

Неделю спустя повсюду висели таблички: НА ЭТОМ УЧАСТКЕ НЕ КУРИТЬ. Клеркам курить запрещалось, если они не пользовались пепельницами. С кем-то заключили контракт на производство этих самых пепельницы. Смотрелись они славно. Причем гласили: СОБСТВЕННОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ. Клерки сперли большую их часть. НЕ КУРИТЬ.

Я, Генри Чинаски, в одиночку реформировал всю почтовую систему.

4

Потом пришли какие-то люди и повыдирали питьевые фонтанчики через один.

– Эй, глядите, какого дьявола они делают? – спросил я.

Никого, казалось, это не интересовало.

Я работал в плоской секции третьего класса. Встал и подошел к другому клерку.

– Слушай! – сказал я. – Они забирают у нас воду!

Тот бросил взгляд на поилку и снова принялся за сортировку макулатуры.

Я попробовал других. Те проявили то же самое отсутствие интереса. Я ничего не понимал.

Тогда я попросил, чтобы в этот район вызвали моего профсоюзного представителя.

После долгой задержки он возник – Паркер Андерсон. Раньше Паркер спал в старом подержанном автомобиле, а освежался, брился и срал на заправочных станциях, которые не запирали свои комнаты отдыха. Пытался стать сутенером, но ничего не вышло. И вот он пришел на центральный почтамт, вступил в профсоюз и начал ходить на все собрания, где быстро стал приставом. Вскоре он уже был представителем профсоюза, а затем его избрали

вице-президентом.

– В чем дело, Хэнк? Я-то знаю, что ты с этими супами тут и без меня справишься!

– Ты меня не подмамливай, крошка. Я уже 12 лет профсоюзные взносы плачу и еще ни черта не просил.

– Ладно, что тут не так?

– Питьевые фонтанчики.

– Питьевые фонтанчики не так?

– Нет, черт возьми, с питьевыми фонтанчиками все так. А вот то, что с ними делают...

Смотри.

– Смотреть? Куда?

– Вон туда!

– Я ничего не вижу.

– Вот именно. В этом – суть моей кляузы. Там раньше был питьевой фонтанчик.

– Значит, его убрали. Что с того, к чертям собачьим?

– Слушай, Паркер, я б не возражал, если бы убрали один. Но они через одну выдирают поилки по всему зданию. Если мы их не остановим, они и сортиры через один закроют... А что дальше – я и представить себе не могу...

– Хорошо, – ответил Паркер, – чего ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты встал со своей задницы и выяснил, зачем убирают фонтанчики.

– Хорошо, увидимся завтра.

– И постарайся хорошенько. Профсоюзные взносы за двенадцать лет – это 312 долларов.

На следующий день Паркера мне пришлось разыскивать. Ответа у него не было. И на следующий день, и потом. Я сообщил Паркеру, что устал ждать. У него оставался один день.

Назавтра он подошел ко мне в перерыве на кофе.

– Все, Чинаски, я выяснил.

– Ну?

– В 1912 году, когда построили это здание...

– В 1912-м? Так это ж почти полвека назад! Не мудрено, что дом – вылитый кайзеровский бордель!

– Ладно, хватит. Итак, в 1912 году, когда его построили, в контракте было указано определенное количество питьевых фонтанчиков. При проверке же почтамт обнаружил, что их установили в два раза больше, чем полагалось по первоначальному контракту.

– Так, ладно, – сказал я, – а какой вред может быть от того, что их в два раза больше? Служащие ведь не пьют больше воды.

– Правильно. Но питьевые фонтанчики случайно немного выпирают. И мешают проходу.

– И?

– Хорошо. Предположим, служащий, у которого есть ловкий адвокат, стукнется о питьевой фонтанчик? Скажем, его прижмет к фонтанчику тележкой с тяжелыми мешками журналов?

– Теперь понимаю. Фонтанчика там быть не должно. Почтамт оштрафуют за халатность.

– Точно!

– Хорошо. Спасибо, Паркер.

– К вашим услугам.

Если даже он это сочинил, то история почти стоила 312 долларов, черт возьми.

В Плэйбое я видал истории и похуже.

Я обнаружил, что единственный способ не отрубиться и не загреметь в ящик – время от времени вставать и ходить гулять.

Фацио, в то время – надзиратель участка, как-то увидел меня на пути к одной из редких поилок.

– Слушай, Чинаски, каждый раз, когда я вижу тебя, ты прогуливаешься!

– Это ерунда, – ответил я, – каждый раз, когда я тебя вижу, ты тоже прогуливаешься.

– Но это входит в мои обязанности. Гулять – часть моей работы. Я вынужден это делать.

– Послушай, – сказал я, – это входит и в мои обязанности. Я вынужден это делать. Если я посижу на табуретке чуть-чуть дольше, то вскочу на вот этот жестяной ящик и начну бегать кругами, насвистывая жопой Дикси, а Маменькины Детки Любят Рассыпчатый Хлеб – ротовым отверстием.

– Ладно, Чинаски, забудем.

6

Однажды вечером я огибал угол после того, как прокрался в кафетерий за пачкой сигарет. А навстречу – знакомая физиономия.

Это был Том Мото! Парень, с которым мы вместе вкалывали при Бульжнике!

– Мото, ебал ты старая! – сказал я.

– Хэнк! – ответил он.

Мы пожали руки.

– Эй, а я о тебе вспоминал! В этом месяце Джонстон на пенсию выходит. Мы тут собрались ему отходную устроить. Знаешь, он же всегда любил рыбу ловить. Мы собираемся взять его на рыбалку на лодке. Может, ты тоже захочешь поехать и его за борт скинуть, утопить. У нас хорошее глубокое озеро есть.

– Да нет, блядь, я даже смотреть на него не хочу.

– Но ты же приглашен.

Мото ухмылялся от сраки до бровей. Тут я бросил взгляд на его рубашку: значок надзирателя.

– Неужели, Том?

– Хэнк, у меня четверо детей. Я им нужен, чтобы хлеб с маслом есть.

– Ладно, Том, – ответил я.

И отошел прочь.

7

Не знаю, как это с людьми происходит. Я тоже платил алименты, мне нужно было пить, платить за квартиру, покупать ботинки, носки, всю эту хрень. Как и любому другому, мне необходима старая машина, необходимо чем-то питаться, необходимы маленькие неощутимые вещи.

Вроде женщин.

Или дня на скачках.

Когда вс на крючке и нет ни просвета, об этом даже не думаешь.

Я оставил машину напротив Федерального Здания и стоял ждал зеленого. Потом перешел через дорогу. Пропихнулся сквозь вертушку. Меня тянуло, как кусок железа магнитом. Я ничего не мог с собой поделывать.

Я поднялся на второй этаж. Открыл дверь – они были на месте. Клерки Федерального Здания. Я заметил одну девушку – бедняжка, всего одна рука. Она будет сидеть здесь вечно. Все равно, что быть старым алкашом, вроде меня. Что ж, как говорят парни, нужно ведь

где-то работать. Вот и принимают все как есть.

Такова мудрость раба.

Подошла молодая черная девчонка. Хорошо одетая и довольная своей окружающей средой. Я был за нее счастлив. Сам бы я рехнулся от такой работы.

– Да? – спросила она.

– Я почтовый клерк, – ответил я, – и хочу уволиться.

Она засунула руку под стойку и вытащила пачку бумаг.

– Все это?

Она улыбнулась:

– Вам ведь это под силу, правда?

– Не волнуйтесь, – ответил я, – под силу.

8

Для того, чтобы выбраться оттуда, нужно было заполнять больше бумаг, чем для того, чтоб устроиться.

Первая страница, выданная мне, была размноженным обращением городского почтмейстера.

Она начиналась так:

Мне очень жаль, что вы заканчиваете работу в почтовой службе и... и т. д., и т. п.

Как ему может быть жаль? Он меня даже не знает.

Дальше шел список вопросов.

Находили ли Вы понимание в своих надзирателях? Могли ли Вы обмениваться с ними мнениями?

Да, ответил я.

Не находили ли вы надзирателей каким-либо образом предубежденными против расы, вероисповедания, образования или какого-либо связанного с ними фактора?

Нет, ответил я.

Еще такой был: Посоветуете ли Вы своим друзьям искать работу в почтовой службе?

Конечно, ответил я.

Если у Вас есть неразрешенные трудовые конфликты или жалобы на почтовую службу, пожалуйста, перечислите их на обратной стороне этого листа.

Жалоб нет, написал я.

Тут моя чернокожая девушка вернулась.

– Закончили уже?

– Закончил.

– Я ни разу не видела, чтобы бумаги заполняли так скоро.

– Быстро, – сказал я.

– Быстро? – переспросила она. – Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что мы будем делать дальше?

– Пройдите, пожалуйста.

Я протиснулся следом за ее жопкой между столов куда-то в самый дальний конец комнаты.

– Садитесь, – сказал мужчина.

Он не торопясь прочел мои бумаги. Затем взглянул на меня.

– Могу я спросить, почему вы увольняетесь? Из-за мер дисциплинарного воздействия, примененных к вам?

– Нет.

– В таком случае, какова причина вашего увольнения?

– Продолжение карьеры.

– Продолжение карьеры?

Он пристально посмотрел на меня. До моего 50-го дня рождения оставалось меньше восьми месяцев. Я знал, о чем он думает.

– Могу я поинтересоваться, что это будет за карьера?

– Что ж, сэр, я вам скажу. Охотничий сезон в дельте – только с декабря по февраль. Я уже потерял месяц.

– Месяц? Но вы проработали здесь 11 лет.

– Ну ладно, потерял 11 лет. За эти три месяца охоты в дельте Ля-Фурш я могу сделать от 10 до 20 кусков.

– И чем же вы занимаетесь?

– Ловушки ставлю! На ондатру, нутрию, норку, выдру... на енота.

Нужна мне только пирога. 20 процентов выручки отдаю за пользование участком. Мне платят доллар с четвертью за шкурку ондатры, три бакса на норку, четыре – за выхухоля, полтора – за нутрию и двадцать пять – за выдру. Тушки ондатры я продаю – а они примерно в фут длиной – по пять центов на фабрику корма для кошек. За освежеванную нутрию я получаю двадцать пять центов. Кроме этого, я держу поросят, курей и уток. Ловлю сомиков. Это делается просто. Берешь...

– Ничего, мистер Чинаски, этого достаточно.

Он вправил какие-то бумажки себе в машинку и застучал по клавишам.

Я поднял глаза: передо мной стоял Паркер Андерсон, мой профсоюзный деятель, старый добрый Паркер, брившийся и какавший на заправках, стоял и улыбался мне своим оскалом политика.

– Увольняешься, Хэнк? Я-то знаю, что ты грозился все одиннадцать лет...

– Ага, еду в Южную Луизиану добряки ловить.

– А у них там ипподром есть?

– Что, смеешься? Прекрасные Земли – один из старейших ипподромов в стране!

С Паркером был молоденький белый парнишка – один из племени потерянных невротиков, – с глазами, подернутыми влажными пленками слез. По одной большой слезе в каждом глазу. Они не выкатывались. Это завораживало. Я видел, как женщины сидят и смотрят на меня теми же самыми глазами прежде, чем рассвирепеть и заорать, какой я сукин сын. Очевидно, парнишка попался в одну из множества ловушек и стал паркеровской шестеркой. В обмен Паркер сберег бы ему работу.

Мужчина протянул мне подписать еще одну бумагу, и я оттуда выбрался.

Паркер сказал:

– Удачи, старик, – когда я проходил мимо.

– Спасибо, бэби, – ответил я.

Я совершенно не чувствовал себя по другому. Но знал, что довольно скоро, как на человека, которого быстро поднимают из глубины моря, на меня это подействует: причем, с особыми выворотами. Как на проклятых попугайчиков Джойс.

После жизни в клетке я осмелился пролезть в дыру и вылетел наружу – словно выстрел в небеса. Небеса?

9

Я ушел в вывороты. Я бухал и не просыхал сильнее, чем говенный скунс в Чистилище. Я даже поднес мясницкий нож себе к глотке как-то ночью на кухне – а потом подумал: полегче, старичок, твоя маленькая девочка, может, еще захочет с тобой в зоопарк. Мороженое, шимпанзе, тигры, зеленые и красные птицы, и солнце – спускается ей на макушку, солнце спускается и заползает в волосы у тебя на руках, полегче, старичок.

Когда я пришел в себя, то сидел в своей передней комнате, харкал на ковер, гасил бычки о запястья и хохотал. Спятил, как Мартовский Заяц. Я поднял голову: передо мной сидел студент-медик. Между нами на кофейном столике в уютной толстой банке сидело

человеческое сердце. Вокруг него – а в честь прежней владелицы оно было обозначено Фрэнсис – стояли полупустые бутылки виски и скотча, толпились пивные банки, пепельницы, всякий мусор. Я извлекал оттуда бутылку и глотал адскую смесь пива и пепла. Я не ел две недели. Бесконечный поток людей втекал и вытекал. Произошло шесть или семь диких попок, когда я постоянно требовал:

– Больше выпивки! Больше пошла! Больше пошла! – Я улетаю к небесам; а они просто болтали – ну, и мацали друг друга.

– Ага, – сказал я студенту-медику, – ну и чего тебе от меня надо?

– Я собираюсь быть вашим личным терапевтом.

– Хорошо, доктор, первое, что мне нужно от вас – уберите отсюда это блядское сердце!

– Не-а.

– Что?

– Сердце останется тут.

– Слушай, мужик, я даже не знаю, как тебя зовут...

– Уилберт.

– Так, Уилберт, я не знаю, кто ты такой и как сюда попал, но ты заберешь Фрэнсис с собой!

– Нет, она останется у тебя.

Затем он взял свой игрушечный мешочек и резиновую манжетку для руки, подавил на грушу, и резинка надулась.

– У вас давление 19-летнего, – сообщил он мне.

– На хуй. Слушай, разве это по закону – чтоб человеческие сердца вот так валялись?

– Я за ним вернусь. Теперь вдохните!

– Я думал, что меня почтают с ума сводит. А теперь еще и ты возник.

– Тихо! Вдох!

– Мне нужен хорошенький кусок молодой жопки. Вот что со мной не в порядке.

– У вас позвоночник смещен в 14 местах, Чинаски. Это приводит к напряженности, имбецильности и зачастую к безумию.

– Херня! – ответил я...

Не помню, как этот господин ушел. Я проснулся на оттоманке в 1:10 дня, смерть после полудня – и стояла жара, солнце продиралось через мои рваные шторы и покоилось на банке в центре кофейного столика. Фрэнсис осталась со мной на всю ночь, тушилась в алкогольном рассоле, купалась в слизистой вытяжке дохлой диастолы. Сидела в своей банке.

Она походила на жареного цыпленка. То есть, до того, как его поджарили.

Вылитая просто.

Я взял ее, поставил в шкаф и накрыл драной рубашкой. Потом ходил в ванную и проблевался. Закончил, сунулся мордой в зеркало. По всей физиономии повылазили длинные черные волосы. Неожиданно я вынужден был сесть и посрать. Получилось хорошо и жарко.

Позвонили в дверь. Я закончил подтираться, влез в какую-то старую одежку и подошел к двери.

– Кто там?

Снаружи стояли молодой парень с длинными светлыми волосами, свисавшими на лицо и черная девчонка – она, не переставая, ухмылялась, как ненормальная.

– Хэнк?

– Ну. Вы кто, парни?

– Она – женщина. Ты разве нас не помнишь? С вечеринки? Мы принесли цветочек.

– Ох, блин, ну заходите.

Они внесли цветок – нечто красно-оранжевое на зеленом стебле. В этом было гораздо больше смысла, чем во многом другом, если не считать того, что цветочек был загублен. Я нашел вазочку, поставил цветок в нее, вынес кувшин вина и поставил его на кофейный столик.

– Ты ее не помнишь? – спросил парнишка. – Ты еще говорил, что хочешь ее выебать.

Та рассмеялась.

– Очень мило, но не сейчас.

– Чинаски, как же ты без почтамта теперь будешь?

– Не знаю. Может, тебя отъебу. Или позволю тебе отъебать себя. Черт, не знаю прямо.

– Ты можешь у нас на полу в любое время ночевать.

– А можно посмотреть, как вы ебетесь?

– Конечно.

Мы выпили. Я уже забыл их имена. Я показал им сердце. Попросил забрать этот ужас с собой. Я не осмеливался выкинуть его – вдруг студенту-медику оно еще понадобится на экзамен, или срок возврата в медицинскую библиотеку подойдет, или еще чего-нибудь.

И вот мы спустились и посмотрели стриптиз, пили, верещали и ржали. Не знаю, у кого были деньги, но думаю, бльшую часть платил парень, что очень мило для разнообразия, а я все веселился и щипал девчонку за задницу и ляжки, целовал ее, но дела никому не было. Пока деньги есть, ты тоже есть.

Они отвезли меня назад, и он с нею ушел. Я ввалился в двери, сказал им до свиданья, включил радио, отыскал полпинты скотча, выпил, посмеиваясь, мне было хорошо, наконец, расслабился, свободный, обжигал себе пальцы короткими сигарными окурками, затем доплелся до постели, до краешка, споткнулся, грохнулся, упал поперек матраса, спал, спал, спал...

Наутро было утро, а я еще был жив.

Может, роман напишу, подумал я.

А потом и написал.